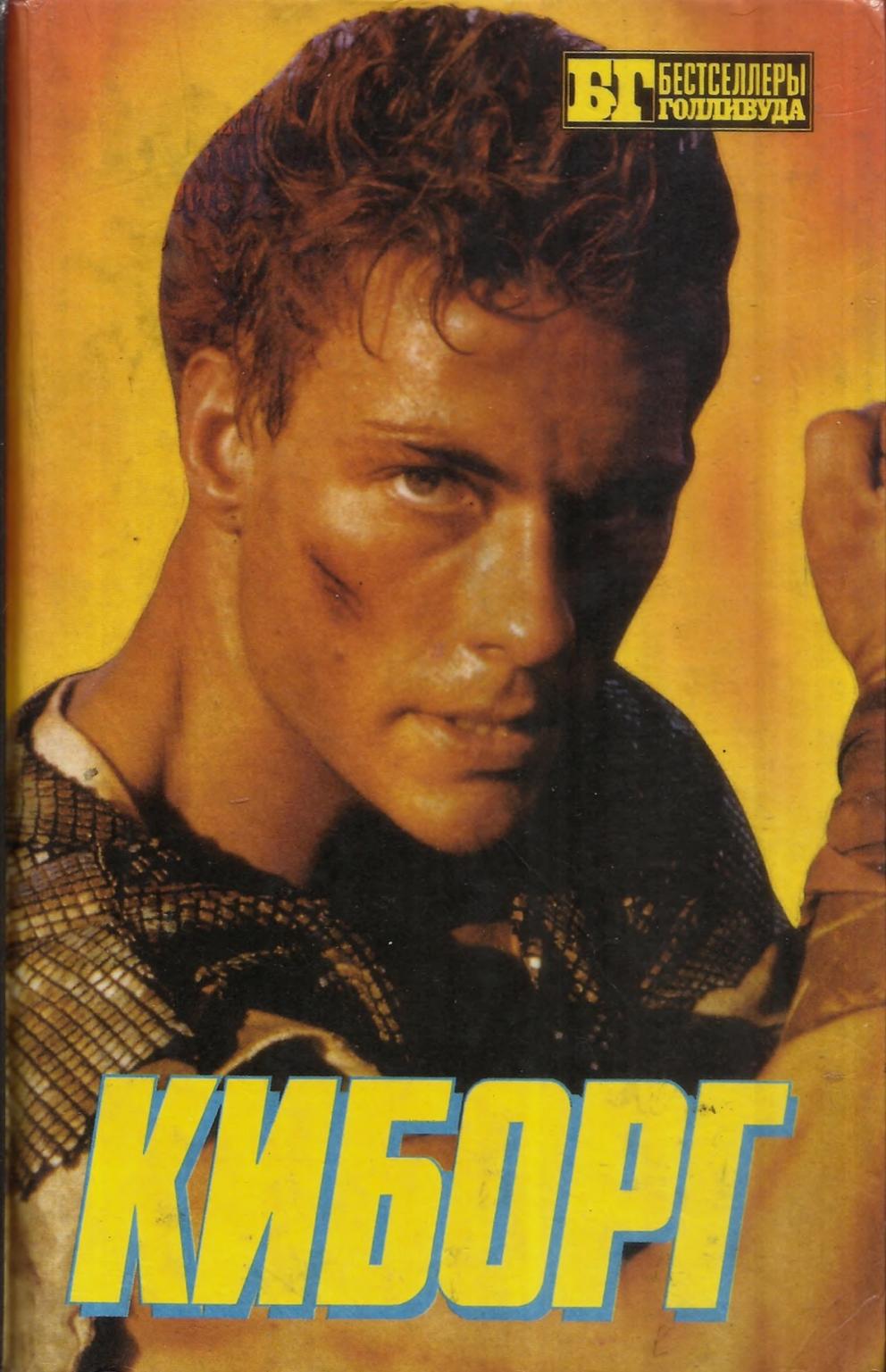

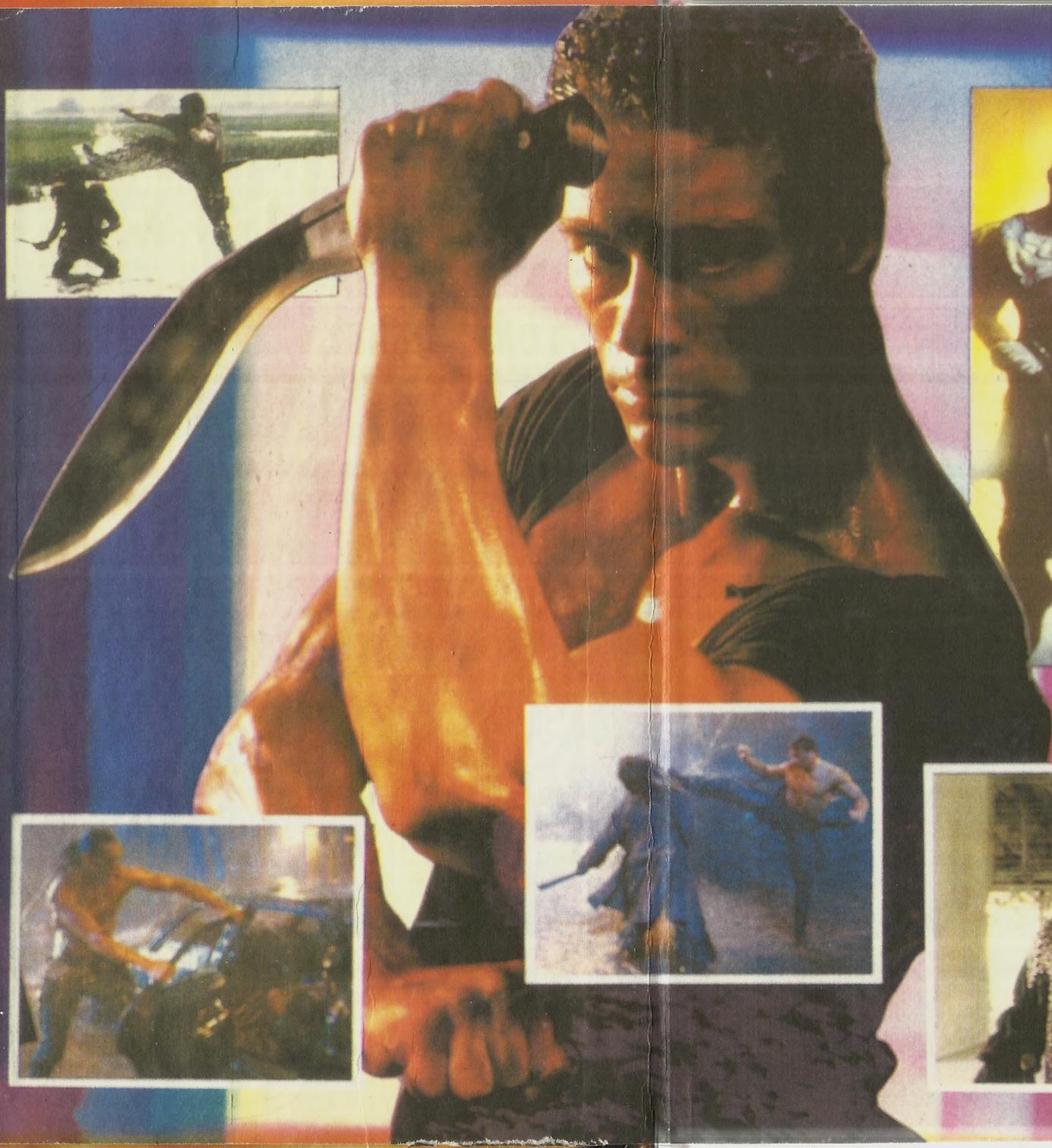
БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

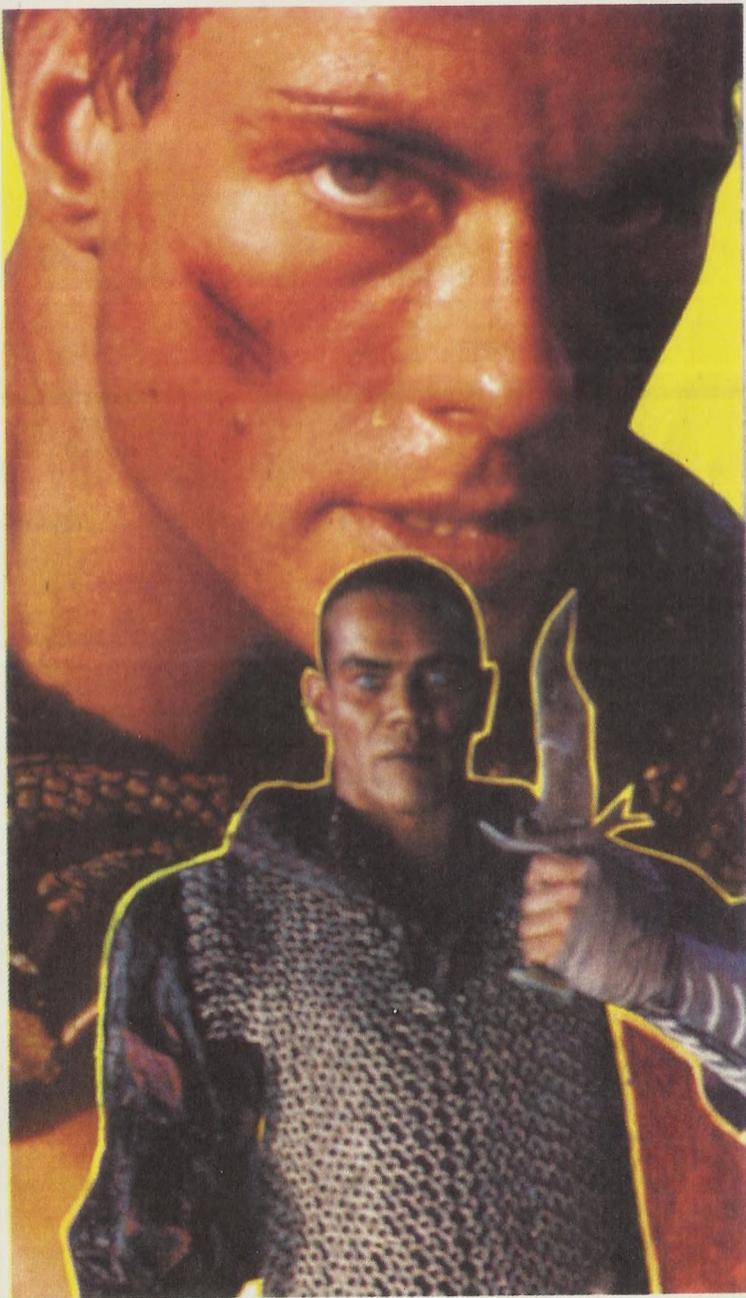
КИБОРГ / СИНТИЯ

КИБОРГ

БГ

Б1 БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛДЕНБУД

В книге два романа:

«СИНТИЯ» Э.В. КАННИНГЕМА;

«КИБОРГ» КРИСТИАНА ОУМЕНА.

«В понедельник Синтия Брендон вышла из двадцатидвухкомнатной квартиры своего отца на Парк-авеню и исчезла...» — такова завязка романа Э.В. Каннингема (псевдоним известного американского писателя Говарда Фаста) «Синтия». Дело о киднэппинге разрастается как снежный ком и приводит к раскрытию многих загадок, связанных с противостоянием нью-йоркского и чикагского мафиозных кланов, предметом вожделения которых оказывается знаменитая картина из музея «Метрополитен».

(Роман «Синтия» был экранизирован в 1981 году.)

Грядущие войны исковеркали лик земли, обесплодили почву, отравили водоемы, но не смогли изменить главного — человеческой сущности. Страсть к господству над миром всепоглощающа и жестока. Она не смущается в выборе средств. Но она не всесильна, и об этом повествует роман «Киборг», герои которого — люди и киборги — побеждают всесильное зло.

(Одноименный фильм вышел на экраны в 1989 году. Режиссер Элберт Пайан, в главных ролях Жан-Клод Ван Дамм, Дебора Рихтер, Алекс Даниелс.)

КРИСТИАН ОУМЕН

КИБОРГ

Э.В. КАННИНГЕМ

СИНТИЯ

БГ

МОСКВА
«ЭРИКА»
1994

Эта книга продолжает популярную серию «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектива, фантастики, мистики, приключений, авантюрного и любовного романа, одновременно ставшие литературной основой либо созданные по мотивам самых популярных кино- и видеофильмов.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:
129090, г. Москва, ул. Щепкина, 24а
(проезд — метро «Проспект Мира»)
Тел. (095) 971-38-78

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, **ЗАПРЕЩЕНА**.

Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.

Использование данного знака без согласования с правообладателем преследуется по закону.

ISBN 5-85775-043-1

© E.V.Cunningham «Synthia», 1970

© Christian Omen «Cyborg», 1994

© «ЭРИКА», оформление, 1994

© «ЭРИКА», знак серии, 1993

© «ЭРИКА», 1994

Э.В. КАННИНГЕМ

СИНТИЯ

E.V.Cunningham
«SYNTHIA»

Перевод с английского С.Белова

Э.В.Каннингем
«СИНТИЯ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мой шеф Алекс Хантер обожает последовательность. Никто и никогда не мог обвинить его в непоследовательности. Он сварлив, когда хочет показаться сварливым, и сварлив, когда хочет показаться обходительным. Ходят слухи, что у него есть где-то жена и дети. Я им не завидую. Он мой босс и возглавляет отдел расследований третьей по величине страховой компании в мире. Я продолжаю на него работать, потому что когда он меня увольняет, кое-кто из начальства этажом выше говорит ему пару слов, и он сменяет гнев на милость. И еще я продолжаю на него работать, потому что мне надо платить — за квартиру и алименты. Главное, мне надо платить алименты. Хантеру под шестьдесят, у него седина, кислое выражение лица и ум и характер полицейского.

Этим мартовским утром он приветствовал меня в обычной для него манере.

— Март паршивый месяц, — заметил он мне.

Я счел эту фразу дружеской преамбулой. Я понял, что ему от меня кое-что нужно. Я понятия не имел, что именно, но дело явно было в деньгах. Никаких сенсационных краж бриллиантов за последнее время не произошло. Никто не угонял яхт, а картины Пикассо не пропадали из музеев. Я изобразил на лице выражение наивной открытости и весело сказал:

— Доброе утро, мистер Хантер. Вы правы, март в Нью-Йорке — не самое лучшее время.

— Харви, почему, когда я хочу с вами по-хорошему, вы всякий раз вызываете во мне чувство раздражения? Присядьте!

— Вам не нравится моя цельность и независимость, — пояснил я. — Вы завидуете моей свободе.

— Ваша свобода — это мираж, — холодно заметил он. — Ваша бывшая жена намерена всерьез разобраться, сколько вы реально получаете. Сядьте. Вы выдрили из нашей кампании гонорар в пятьдесят тысяч долларов по делу Сарбина и промотали их за полгода.

— Не забудьте, что я поделил гонорар с мисс Коттер, — пылко возразил я. — Как вам известно, она тогда неплохо на нас поработала и заслужила награду не меньше, чем я. Затем государство отхватило увесистый кусок. Вам не случалось работать на налоговое управление, мистер Хантер?

— Ладно, ладно, Харви...

— Кроме того, я еще остался должен восемь

тысяч — включая алименты, но это, черт возьми, не ваше дело, мистер Хантер. Однако вы...

— Перестаньте, Харви, — перебил он меня. — Успокойтесь. У нас с вами какие-никакие, но деловые отношения. У нас с вами контракт. Не надо его нарушать. Работа надвигается серьезная, и я хочу знать — интересуется она вас или нет.

— Вообще-то не очень, но я вас слушаю.

— Отлично. Тогда присядьте.

Я сел и уставился на него, постаравшись придать лицу такое выражение, где сочетались бы высокий интеллект и неприязнь к собеседнику. По-моему, получилось у меня это так себе.

— Сегодня четверг, — сообщил Хантер. — Он вообще выглядит внушительно, когда сообщает нечто само собой разумеющееся.

— Да, сэр, — отозвался я, — сегодня четверг.

— В понедельник, — продолжал он, — Синтия Брендон вышла из двадцатидвухкомнатной квартиры своего отца на Парк-авеню и исчезла. Сегодня, повторяю, четверг. За это время никаких известий от нее так и не поступало.

— Я не верю, что в этом городе бывают квартиры из двадцати двух комнат, — отозвался я, — Лично я сам живу в квартире, где всего полторы комнаты.

— Вы уж лучше поверьте мне, Харви. В нашем городе хватает таких квартир, а эта находится на Парк-авеню, в доме 626, и когда мы закончим, я попрошу владельцев обеспечить вас поэтажным планом для вашего просвещения.

— Вы порой бываете очень остроумны, мистер Хантер.

— Я просто пытаюсь держать себя в рамках, Харви, и не давать волю законному гневу. Как я уже говорил, Синтия Брендон вышла в понедельник из квартиры отца и исчезла. Вы знаете, кто она такая?

— Понятия не имею!

— Отлично. Вы невежественны, но честны. Вы когда-нибудь слышали о Э.К.Брендоне — Элмере Кентуэлле Брендоне?

— Частный банк «Герсон и Брендон»?

— Молодец, Харви! Молодец!

— Миллионер?

— Не просто миллионер, но, может, даже, миллиардер. Впрочем, как говорить, кто считает, кто считает...

— Жена Алиса Брендон. Один ребенок, — сказал я.

— Вот именно. Выходит, можете, когда захотите.

Я ненавидел его тихой, холодной и прочной ненавистью и сделал все, чтобы не поддаться на его поддразнивания. Я решил немножко поиграть с ним, а потом ударить тем, чем можно было бить Хантера, — ценой.

— Значит, девушка испарилась, — сказал я.

— Так точно, Харви. Испарилась. Теперь прошу понять: мы отвечаем за страховку Брендона — до последнего цента, а кроме того, связаны контрактами по целому ряду проблем и с банком «Герсон и Брендон». На мисс Брендон у нас два полиса: она

застрахована от киднэппинга — то бишь похищения — на миллион долларов, и еще на миллион долларов у нас застрахована ее жизнь. Оба полиса находятся у Э.К.Брендона. Так что имейте в виду, Харви: речь идет о двух миллионах. О двух миллионах симпатичных зеленых долларов.

— Я не могу в это поверить.

— Не можете? — на лице Хантера возникла сладкая улыбочка. — Почему же вы не можете в это поверить?

— Потому что не может быть на свете такой глупой страховой компании.

— Мы не так глупы, Харви. Известно ли вам, какие счета мы предъявляем каждый год «Герсону и Брендону»? Включая страхование частных лиц — партнеров и служащих фирмы, наш доход составляет более двухсот тысяч в год. Дела у нас с ними идут неплохо — не хуже, чем у всех тех, кто знает, как заниматься страховым бизнесом и, стало быть, в состоянии позволить платить приличное жалование таким сотрудникам, как вы, Харви. Поэтому, если Э.К.Брендон готов себе позволить платить хорошие денежки за лишнюю парочку страховых полисов, мы идем ему навстречу с дорогой душой.

— Киднэппинг? И от него часто страхуют?

— Трудно сказать. Ведь когда компании заключают с клиентами такие договора, они не оформляют это как страховку от киднэппинга, и потому на это не существует надежной статистики. Обычно это значится под рубрикой «прочие услуги». Ведь если о такой страховке становится известно, это снижает доверие

к фирме. Какой смысл, например, страховой компании «Ллойд» заявлять во всеуслышание, что пудель миссис Каквастам застрахован на двадцать тысяч? Я вовсе не утверждаю, Харви, что они когда-то страховали жизнь пуделя, это просто так — для примера, но подобные случаи вполне возможны.

— Но как на счет страхования жизни? Вы говорите, владелец обоих полисов сам Э.К.Брендон. Но в пользу кого заключена страховка?

— В пользу Э.К.Брендона.

— Что?! Но вы же, кажется, сказали, что он богат, как Рокфеллер.

— Так оно и есть. Просто, Харви, он очень любит деньги. Я, признаться, никогда с ним не встречался, но не исключено, что деньги он любит больше, чем дочь. Потому-то он и связался со страховкой от киднэппинга. Кроме того, дорогой друг, раз он владеет полисом, то имеет право, случись такая беда с дочкой, получить миллион долларов — причем, миллион, не облагаемый налогами. А миллион долларов без налога, согласитесь, не шутка.

Я рассмеялся. Я не мог не рассмеяться, хотя прекрасно понимал, что в один прекрасный день Алекс Хантер, который напоминает собой упитанную гориллу, сделает так, что я перестану смеяться. Ему это удастся, несмотря на то, что я моложе его лет на двадцать.

— Смейтесь, смейтесь, — сказал Хантер и, с трудом взяв себя в руки, продолжал:

— Так или иначе наша компания будет вынуждена

заплатить миллион долларов, если девушку похитят или убьют — и два миллиона, если случится и то, и другое.

— Значит, ее умыкнули?

— Я этого не говорил. Я сказал только, что в понедельник она вышла из квартиры отца и с тех пор о ней ни слуху, ни духу. Нет никаких указаний на то, что ее похитили, разве что отец просто помешался на идее киднэппинга и опасается, что именно это и произошло.

— Но вы же сказали, что деньги он любит больше, чем дочь, чего же он волнуется? Он выигрывает в любом случае.

— Он выигрывает у нас миллион, Харви. Но представьте, что девушку умыкнули и требуют от него два, а то и пять миллионов? Тогда он оказывается в незавидном положении. Даже вы, Харви, можете это понять.

— Вы хотите сказать, что если он откажется платить и пустит дочь вниз по течению, может подняться вонь?

— Вот именно, Харви. Может быть, нет такой девушки, которая стоила бы два миллиона, но, увы, наше общество сентиментально.

— В общем, это его головная боль...

— Нет, Харви, это наша с вами головная боль. Он, видите ли, хочет увеличить сумму страховки. Он хочет ее удвоить — довести до двух миллионов. Два миллиона долларов, Харви. Так-то... Начальство захотело поговорить с девушкой, когда он выразил такое желание. Но девушки-то нет. Ее уже нет четыре дня.

— Тогда пусть он отправляется, сами знаете, куда.

— Дудки, Харви. Если бы речь шла о вас, о маленькой страховочке по поводу вашей жизни, мы бы могли предложить вам отправиться, сами знаете, куда. Но с Бренденом этот номер не пройдет. Вы помните, сколько мы имеем с него в год?

— Помню.

— Поэтому, Харви, мы не в состоянии посоветовать ему отправиться туда, куда вы рекомендуете.

— Да, но, черт побери, мне что-то не верится, что можно всерьез надеяться слупить с Брендона выкуп в несколько миллионов. Как это можно сделать?

— Ох, Харви, Харви, вы отстаеете от жизни. Если девушку похитили с целью получения выкупа, она может оказаться в Африке, а Э.К.Брендону позвонят из Бразилии и попросят положить денежки в швейцарский банк на некий анонимный счет. Поверьте, есть разные способы...

— Вы хотите сказать, что готовы удвоить страховку?

— Боюсь, что да.

— И вы думаете, у нас после этого есть шансы?

— Мы не букмекерская контора, Харви. Мы третья по величине страховая компания в мире и мы стараемся. Но не в этом дело. Мы можем потерять два миллиона, а глядишь, и целых три. Что бы мы ни думали, что бы мы ни гадали, но деньги это деньги.

— А как насчет полиции?

— Нет, Э.К.Брендон на этот счет был вполне

решителен. На этой стадии никакой полиции. И мы с ним солидарны.

— Где же в таком случае мое место? — поинтересовался я.

— Бросьте, Харви. Вы прекрасно знаете, чего я от вас хочу. Мне нужно, чтобы вы отыскиали девушку. Если ее похитили, заплатите выкуп похитителям. Если она жива, доставьте ее обратно. Если она померла, подтвердите это. Нам это обойдется в миллион, если вы докажете, что ее никто и не думал похищать.

— У вас мягкое сердце, мистер Хантер.

— Я готов пропустить мимо ушей эту фразу, Харви. Учитывая особые обстоятельства.

— Я имею в виду не только ваше отношение к дочери Брендона, но и ко мне, мистер Хантер. — Вы платите мне аж две сотни в неделю и время от времени скармливаете еще крошки...

— Двадцать пять тысяч по делу Сарбина, по-вашему, крошки?

— Ну да. Я слишком долго ждал этих денег. Слесарь-водопроводчик зарабатывает и то больше. А вам от меня не надо, в сущности, ничего, мистер Хантер. Ни-че-го! Если, конечно, не считать такого пустячка, как «Харви, мальчик, пойд и найди девочку. Если ее похитили, расплатись с похитителями, а если она померла, то достань свидетельство о смерти». Ох уж этот мальчуган-скаут Харви Крим! На вас работают шестнадцать оперативников и сто одиннадцать расследователей, но вам нужен именно мальш

Харви. С глаза на глаз, без свидетелей. Никаких полицейских, никаких частных детективов, только Харви...

Во время этой долгой тирады я не спускал глаз с Хантера, и хотя у него разок и дернулось веко, он не вспыхнул, не сорвался с цепи, а надо сказать, что взбесить Алекса Хантера проще простого. Поэтому я понял, что к отступлению путь отрезан. Бессмысленная, невообразимая работа, но с ней связано много симпатичных зеленых бумажек.

— Это тонкое дело, Харви.

— Вы хотите сказать, что я всю дорогу буду играть в жмурки с законом?

— Ничего подобного я не говорил.

— Но разве не вы сказали: заплатите похитителям?

— Между нами говоря, Харви, я не верю, что девицу умыкнули, похитили и вообще причинили ей какой-то вред. Мне кажется, ей по горло надоел ее старик, и она просто послала его подальше.

— Тогда почему бы нам не оставить их в покое?

— Потому что вероятность того, что фирме придется раскошелиться на миллион-другой, а глядишь и на все три, требует немедленных действий. Тут нельзя плагаться на авось.

— Сколько лет крошке?

— Двадцать.

— В колледже учится?

— Проучилась два с половиной года. Потом ушла.

— Жила дома?

— С января да. Когда бросила колледж.

— Предположим, мне придется платить выкуп. Каким образом?

— Наличными.

— Сколько?

— Столько, сколько это будет стоить. Это вам решать. Но чем больше вы сэкономите, тем большей любовью воспыхает к вам компания.

— Все это пустые разговоры. Мне нужны деньги.

Хантер внимательно посмотрел на меня. Глаза его сузились.

— Как прикажете понимать, Харви, фразу: «Мне нужны деньги»?

— Очень просто. Если деньги нужны для дела, то я должен иметь возможность пустить их в ход в любой момент. Выкуп с тебя требуют сразу же, а не завтра и не когда пройдет чек. Деньги на бочку и сию же минуту!

— Какую же сумму вы имеете в виду, Харви?

— Я полагаю, что синица в руках лучше журавля в небе. Миллион, два — это все фикция. А вот сто тысяч в портфеле — это нечто осязаемое. Это деньги.

Хантер обдумал сказанное и молча поглядел на меня. В его холодных голубых глазах было желание убивать. Наконец он сказал:

— Если я правильно понял вас, Харви, вы хотите, чтобы фирма дала вам новенький сверкающий портфель, а в нем сто тысяч долларов. Я верно излагаю суть?

— В общем-то, да.

— А как вы будете отчитываться за деньги?

— Никак.

— Никак?

— Никак.

— Пойдите проспитесь, Харви.

— Видите ли, мистер Хантер. Если мне удастся выкупить девицу, это хорошо. Если я просто верну ее домой папочке, деньги останутся неизрасходованными. А если она уже на том свете, деньги опять-таки останутся неизрасходованными. Вот уже два месяца, мистер Хантер, вы гоняете меня по каким-то пустякам — жульничество с мехами, кража драгоценностей. Меня так и подмывает сказать вам, что мне все это осточертело. Мне не нравится работать на вас и мне не нравитесь вы!

— Послушайте, Харви...

— Успею, мистер Хантер. Меня от вас тошнит. Почему, черт возьми, вам меня не уволить? Вам же этого страшно хочется. Вы ведь об этом просто мечтаете!

— Почему вы так считаете, Харви?

— Сейчас объясню. Потому что начальство сказало вам: либо вы тушите пожар, либо ваша песенка спета. И еще потому, что Э.К.Брендон сказал вам: если хоть слово о случившемся попадает в газеты, он прекращает отношения с вашей фирмой. И еще потому, что за такие гроши на вас работают лишь бедолаги, готовые брать то, что им кидают. — Например, я. Но теперь я загнал вас в угол.

Хантер кисло улыбнулся и сказал:

— Ну и сукин сын вы, Харви. Что у вас на уме?

— Деньги.

— А поконкретней?

— Предлагаю вам рискнуть. Я хочу сто тысяч долларов. Если придется платить выкуп, то это сделаю я. А остаток будет принадлежать мне.

— А вдруг никакого киднеппинга нет и в помине? Вдруг девушке взбрело в голову взять и уйти от папочки?

— Очень может быть.

— И сто тысяч остаются тогда у вас?

— Именно.

— Идите к дьяволу, Харви.

Я встал и спросил, значит ли это, что я уволен.

— Теперь увольняют и берут на работу там, наверху. Вы их любимчик, Харви. Но предположим, что все-таки похитили и похитители захотят получить больше, чем сто тысяч долларов? Что тогда?

— Тогда я еще раз к вам обращусь.

— Надеюсь, они вас все-таки уволят, — сказал Хантер. — Вы удивительный, невообразимый нахал. И я сильно сомневаюсь, что вы так уж смекалисты.

Я пошел в свой офис, размышляя не дал ли я маху. Дело было слишком уж непростым, и никто не знал, чем все это может обернуться.

— Ну что там, вундеркинд? — спросила Мейзи Гилман, наш главный аналитик. — Что гложет твое несчастное сердце?

Она сидит в комнате с Харри Хопкинсом, еще одним расследователем, и мной. Мейзи — пожилая

довольно уродливая толстуха, которая знает всех на свете. Я спросил ее о Э.К.Брендоне.

— У него денег больше, чем у Рокфеллера.

— Сколько же у нас специалистов по Рокфеллеру и его финансовому положению?

— Я не подозревала, что ты республиканец, Харви! Брендон — богач, как и подобает настоящему техасцу. Его отец был тот самый Брендон из фирмы «Брендон ойл». Его отослали в Гарвард, и затем обосновался на Уолл-стрите. Но по-прежнему держал руку на пульсе техасского бизнеса. Благодаря ему мы ведем дела с техасским бизнесом, и можешь себе представить, Харви, что значит для нью-йоркской фирмы обслуживать этих далласцев. С ними, конечно, нужно держать ухо востро, но вотчина старика Брендона — Западный Техас, а там не больно жалуют новоиспеченных техасских страховых королей.

— У тебя длинный язык, и я тебя обожаю, — сказал я. Тут и позвонил телефон на моем столе. Это звонил Смедли. Человек сверху. Он был одним из главных вице-президентов. Он работал с кадрами. Он говорит мягко, с отеческими интонациями. На сей раз он тихо и кротко поведал о том, как жаль, что мы с Алексом Хантером плохо ладим в то время, как у каждого из нас не характер, а золото. Может быть, нам — то есть мне и Смедли — есть смысл потолковать и сгладить острые углы. Это не было для меня новостью. Такие тихие беседы не раз случались в прошлом. Я пошел наверх.

Смедли встретил меня улыбкой. Это был седой

человек среднего роста в очках в стальной оправе. В нем чувствовалась та неосязаемая деловитость, которой пропитаны все, кто имеет отношение к страховому бизнесу. Он начал с того, что уведомил меня о том, что моя личность бывала и не раз предметом дискуссий на совещаниях по кадрам.

— У вас немало очевидных преимуществ, мистер Крим, — сообразительность, нестандартность мышления, и такое неотъемлемое достоинство, как независимость — истинно американское достоинство — на этом перечень моих достоинств оказался почему-то исчерпанным. — Но в вашем характере есть нетерпимость, из-за которой мы вынуждены отклонять вашу кандидатуру, когда открывается возможность кого-то повысить.

— Нетерпимость, мистер Смедли? Господи, что касается проблемы гражданских прав...

— Я не о том, мистер Крим. Терпеливость — обоюдоострое оружие...

— Вы имеете в виду терпимость, мистер Смедли, — не удержался я. — Если вы посмотрите мою биографию, то увидите, что там в этом смысле все полный порядок.

— По-моему, это в принципе одно и то же, мистер Крим, — сказал Смедли, и его голубые глаза за стеклами очков в металлической оправе чуть прищурились.

— Видите ли, терпеливость означает умение терпеть. Терпимость означает еще и способность уважать.

— Спасибо, мистер Крим, — ему потребовалось очень много сил, чтобы сохранить отеческие интонации при этих моих словах. — Порой я удивляюсь, мистер Крим, почему вы отвергаете преимущества коллективных усилий. Мы здесь работаем как одна команда. Но вы постоянно отказываетесь стать частью этого механизма. Вот это и называется нетерпимостью, — осторожно выговорил он последнее слово. — Я имею в виду вашу терпимость по отношению к нам, нашим принципам, традициям. Теперь возьмем хотя бы дело Брендона. Компания обратилась к вам, потому что нам угрожает серьезная финансовая потеря. Выплата миллиона долларов — это горькая пилюля, и проглотить ее тяжело многим страховым фирмам. Мы вам доверяем. Мы убеждены, что вы в состоянии отыскать девушку, а если, не приведи Господь, ее похитили, вы можете провести переговоры с похитителями так, чтобы не подвергать ее жизнь опасности. Ее безопасность, мистер Крим, — наша главная забота. Разумеется, в подобных ситуациях мы готовы пойти на весьма значительные расходы, но когда вы требуете сто тысяч долларов, за которые не собираетесь в дальнейшем отчитываться, это, на мой взгляд, есть не что иное, как проявление неуважения к нашей организации.

— Какое может быть неуважение, когда речь идет о ста тысячах?

— На мой взгляд, это требование просто абсурдно.

— Тогда почему бы нам не забыть об этом? — спросил я, тщетно пытаясь скрыть свое раздражение.

— Вы сами прекрасно понимаете, что именно мне вами поручено. Как же мне прикажете действовать? Будьте же реалистами. Предположим, девицу взяли да и похитили. Кто способен повернуть такое дельце? Психопаты, одиночки-болваны, наркоманы? Организованная преступность этим не занимается. Единственный способ сделать дело — спросить их о цене и выложить деньги, в которых не придется отчитываться. Поэтому я и прошу, чтобы мой гонорар был частью этой суммы. Я не хочу, чтобы меня потом обвиняли в том, что я дою компанию.

— Это просто смехотворно! — отеческие интонации исчезли безвозвратно из голоса Смедли.

— Это паршивые три процента!

— Нашему терпению может прийти конец, Крим.

— Почему? — удивился я. — Впрочем, мы можем вернуться к упомянутому вами ранее моему достоинству, а именно — независимости. Я независим, как не знаю кто. Мне предложили читать курс по криминологии в университете Северной Каролины. Так что валяйте, увольняйте меня!

— Почему бы вам не успокоиться? — осведомился Смедли и добавил: — Какого черта вы смыслите в криминологии?

И тут мы оба улыбнулись. Я и не подозревал, что у Смедли может быть такая широкая, честная, открытая, все понимающая улыбка.

— А что, если девица завтра объявится сама? — спросил он меня, на что я только пожал плечами.

— Ну ладно, Харви, — сказал он. Назвав меня по

имени, он как бы дал понять, что настала пора поговорить по делу. — Вы не собираетесь заниматься расследованием без крупного гонорара. Вы работаете на нас, но вы приглашаете меня уволить вас. Есть и другой вариант — мы вас покупаем. Я правильно излагаю факты?

— В общем-то да.

— Как вы сами квалифицируете ваши услуги?

— Насколько я знаю, я лучший детектив страхового бизнеса. Не только в этой фирме, а похоже, во всей стране. Если и существуют детективы получше, то я, признаться, их не встречал. Я, как ни крути, лучший...

— И самый неразборчивый в средствах...

— Лицензии меня пока что не лишал никто.

— Гонорар десять тысяч. Остальное — девяносто тысяч — подлежит возврату.

— Двадцать, — возразил я.

— Пятнадцать, Харви, и ни цента больше. — Восемьдесят пять тысяч долларов подлежат возврату.

— Без бумаг. На мое честное слово!

— Ладно. Вы, безусловно, один из самых наглых сукиных сынов, Харви Крим, каких мне только доводилось встречать в этой жизни. Но мне кажется, вам можно верить на слово.

— Большое спасибо, мистер Смедли.

— Как вам выдать деньги?

— Двумя подтвержденными чеками. Пятнадцать тысяч — как доход. Остальные — деньги в обороте.

Смедли включил селекторную связь на своем до

блеска отполированном старомодном письменном столе и распорядился выписать чеки. Затем откинулся на спинку кресла, сложил кончики пальцев рук воедино, изучающе оглядел меня и наконец спросил:

— Харви, насколько подробно посвятил вас в суть дела Алекс Хантер? Кстати, отныне и впредь я буду называть вас Харви. Мне кажется ситуация того требует. Вы со мной не согласны?

— Да, да, конечно. Хантер рассказал мне о Брендоне и его дочери.

— Он не сообщил вам, сколько вносит за страховку Брендон.

— Пару сотен тысяч долларов.

— Ерунда! — фыркнул Смедли. — Гораздо больше! Не важно, сколько именно, но этого достаточно, чтобы заставить нас удвоить страховую сумму полиса на девицу, если он этого требует. Я не собираюсь вам читать лекцию о том, что такое деньги, потому как вы и без меня неплохо в этом разбираетесь, но поверьте, для Брендона существует один Бог — Доллар. Все прочие давным давно умерли.

— Сколько же стоит сам Брендон?

— Дьявол его знает, Харви. Впрочем, пожалуй, дьявол и правда знает. Такие люди, как он, не оцениваются по старым меркам. Вопрос в том, сколько денег он может пустить в ход, если того потребуют обстоятельства. Вот в чем вопрос. Может, миллиард, может, половину миллиарда, но он большой человек, Харви, очень даже большой.

— Я ослеплен и поражен.

— Очень мило с вашей стороны. А теперь слушайте меня внимательно. — Смедли перегнулся ко мне через свой стол красного дерева, значительно постукивая по его отполированной поверхности ухоженным указательным пальцем:

— Я не Алекс Хантер, Харви. Учтите это. И дело вам придется иметь не с болванами полицейскими, а со мной. С Гомером Смедли, который родился пятьдесят лет назад в Акроне, штат Огайо, и сегодня является вице-президентом третьей по величине страховой компании в мире. Я кое-что знаю про вас и потому будет только справедливо, если и вы кое-что узнаете обо мне. Вы лихо провернули дело Сарбина, и я не сомневаюсь в ваших умственных способностях. Это, конечно, не тот интеллект, который годится на что-нибудь, кроме этого конкретного рода деятельности, но я тем не менее все равно уважаю его, потому что интеллект в наши дни — в любом виде — на дороге не валяется. Через несколько минут я вручу вам два чека — два настолько невообразимых чека, что от них будет долго болеть голова у нашего главного бухгалтера, и тем не менее вы их от меня получите. Взамен мне требуется одно — Синтия Брендон. Она нужна мне целой и невредимой. Если вы мне ее не достанете, то пеняйте на себя.

— А если она уже на том свете?

— Об этом вам следовало думать раньше, Харви.

— Как понять фразу «пеняйте на себя»?

— А вы немножко дайте волю вашему воображению. Скажу вам одно: если вы провалите дело, то

пожалеете, что родились на этот свет. Я довольно влиятельный человек и уж куда опаснее, чем этот ваш Алекс Хантер.

— Я это вижу, — весело отозвался я, хотя никакого веселья, честно говоря, не испытывал.

— Вы можете сказать пас, Харви. Отказаться от поручения. В таком случае будете уволены, что в общем-то не такая уж болезненная процедура. Вы просто выйдете через эту дверь и все.

— Нет, нет, мистер Смедли, — быстро отозвался я. — Пятнадцать тысяч — хорошие деньги, и за эту сумму я готов на многое. Я готов даже вызвать ваш гнев. Поэтому я займусь делом Синтии Брендон.

— Отлично. В таком случае немного подождите, Харви. Скоро придут чеки. Я человек занятой, и у меня еще масса разных дел.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Помню, как в детстве я сдавал тест на интеллектуальные способности. Среди вопросов был и такой. Диаграмма изображала поле, обнесенное забором. Говорилось, что поле покрыто густой травой, в которую угодил бейсбольный мяч.

Нужно было взять карандаш и показать, какой маршрут избирает тестируемый в поисках мяча.

Тогда мне было всего-навсего двенадцать-тринадцать лет, но я живо смекнул, что им от меня надо. Они хотели получить аккуратно заштрихованное решеткой пространство. Но я-то знал, что ни один нормальный человек так действовать не станет. Если бы одна машина зашвырнула мяч, а другой было дано задание его отыскать, может и получилась бы правильная решетка на диаграмме, но человек, даже вполне разумный, будет беспорядочно передвигаться туда-сюда, тыча ногой в траву, пытаюсь припомнить, куда направлялся мяч, когда он перелетел через

забор, и размышляя над тем, отскочил он от земли или нет. Диаграмма его передвижений должна была бы по справедливости представлять беспорядочные каракули, лишённые какой-либо последовательности и четкости.

Примерно так я и работаю. Линии моих перемещений и представляют каракули идиота, лишённые смысла для всех, кроме меня самого. Меня считают хитрым, смекалистым, изворотливым детективом. Но я просто-напросто тычу ногой в траву, надеясь, что нащупаю пропавший мяч.

Иногда, правда, меня ведет интуиция, но не так уверенно, чтобы этим можно было бы хвастаться. Если же мне начинает мерещиться какой-то отблеск надежды, я звоню Люсиль Демпси, заместителю заведующего Доннеловского филиала Нью-Йоркской публичной библиотеки. Вышеозначенный филиал находится на Пятьдесят третьей улице между Пятой и Шестой авеню, прямо напротив Музея современного искусства. До самого недавнего времени там можно было съесть отменный ланч за один доллар. Потом, правда, цены подскочили, но все равно за эти деньги лучше вас нигде не покормят. Сегодня, когда я позвонил Люсиль, она ледяным тоном осведомилась, не собираюсь ли я еще раз рискнуть потратиться на подорожавший ланч. На что я сурово сказал нет, и вместо этого предложил перекусить на Женской бирже, угол Мэдисон-авеню и Пятьдесят четвертой улицы.

— Харви, ты, наверно, шутишь.

— У меня небольшой невроз, что верно, то верно.

— Ты просто прелесть. Ты последний из великих мотов. Это у тебя род недуга.

— Чем плоха Женская биржа?

— Ничем, Харви. Это восхитительное место, и там кормят лучше, чем где бы то ни было в городе, и потрясающе дешево. Хоть раз в жизни возьми меня в плохой ресторан, где ланч стоит дороже, чем доллар восемьдесят центов. Я сама заплачу по счету. Ну разве можно на тебя сердиться, Харви?

Я отправился в банк и по дороге думал о Люсиль. Такой же невротик, как и все остальные жители Нью-Йорка, я однажды решил, что мне полезно пройти через психоанализ. Я одиннадцать месяцев посещал доктора Фреда Бронштейна на Восточной 76-й улице. Во время одного из сеансов я заговорил о Люсиль. Я хорошо это помню — ведь этому предшествовало одиннадцать месяцев абсолютной ерунды.

— Док, — сказал я Бронштейну в то утро. — Есть такая Люсиль Демпси.

— Так, так, продолжайте, — отозвался он с присущей ему спокойной небрежностью, хотя пальцы его сомкнулись на рукоятке скальпеля, который он уже был готов вонзить в глубины моего подсознания.

— Ей двадцать девять лет, ее рост пять футов семь дюймов, у нее волосы цвета меда и карие глаза. Она вполне не глупа. Она родом из западного Массачусетса и работает в Доннеловском филиале Нью-Йоркской публичной библиотеки. Она выпускница Радклифа. Она пресвитерианка, хотя относится к рели-

гии вполне спокойно. Она влюбилась в меня по причинам мне совершенно непонятым и хочет на мне жениться.

Наступила пауза. Выждав приличествующее количество секунд я спросил:

— Ну так как?

— В каком смысле?

— Черт побери! Вы не собираетесь ничего сказать на этот счет?

— А что тут скажешь, Харви. Это вы псих. А моя задача — слушать, а не комментировать.

— Огорчительно слышать такое от доктора, который считает, что он не лишен чувства ответственности.

— Это точно, Харви. Не лишен.

Я заплатил ему наличными. Он хотел прислать мне счет, но я заплатил наличными, ушел и никогда больше не вернулся. Теперь я вспомнил об этом эпизоде, идучи в банк. Временами мне сильно не хватало доктора Бронштейна.

Когда в банке у меня находятся дела поважней, чем оформление чека на покрытие алиментов, я имею дело с одним из молодых сотрудников, которого зовут Фрэнк Маклеффлин. Он на два года меня моложе и относится ко мне с уважением. Он сидит за перегородкой в углу большого зала с мраморными стойками и изразцовым полом и приятно мне улыбается. Когда в этот раз я положил перед ним оба чека, он исполнился соответствующего почтения.

— Это большие деньги, мистер Крим, — одобрительно пробормотал он.

— Причем те, что в маленьком чеке, занесите на мой счет.

— Очень интересно иметь дело с людьми, мистер Крим, — заметил он, — которые называют чек в пятнадцать тысяч долларов маленьким. Но я вполне понимаю, что поскольку вы частный детектив, то такие случаи нередко происходят...

— Я не частный детектив, мистер Маклефлин. Я работаю в отделе расследований страховой компании.

— Я говорил моим детям, что вы частный детектив. Вы, надеюсь, не имеете ничего против.

— Нет, нет, на здоровье.

— И еще я им рассказывал, что у вас есть при себе пистолет.

— Чего нет, того нет.

— Правда?

— Пистолета нет, — извиняющимся тоном повторил я. — Видите ли, я знаю многих полицейских, и они очень огорчились бы, если бы у меня при себе оказалось оружие. Даже если бы мне удалось получить на него разрешение, они бы сделали все, чтобы лишить меня его.

— Потому что вы могли бы застрелить кого-то из важных особ?

— Потому что я мог бы застрелить себя самого.

— Себя самого?

— Так точно.

— Ну разве я могу рассказывать об этом моим малышам? Вы, наверное, разыгрываете меня.

— Разве что самую малость.

— А я могу рассказать детям о большом чеке — о том, который на восемьдесят пять тысяч.

— Почему бы нет?

— Вы уверены, что хотите получить всю сумму чеками «тревеллз»?

— Да, пять чеков по десять тысяч, пять по пять и десять по тысяче.

— Неплохая получится пачечка, мистер Крим.

— Пожалуй, что так.

— Что ж, я во всяком случае лишь служащий банка...

Так или иначе в этот день я опоздал на несколько минут на свидание с Люсиль Демпси. Мне пришлось ждать, пока ребята банка свяжутся по телефону с фирмой и удостоверятся, что выражение моего лица было столь же честным и чистым, как и мои руки. Люсиль оккупировала последний свободный столик на Женской бирже, и когда я плюхнулся на стул напротив нее, сказала:

— Господи, Харви, ты сияешь, как чеширский кот. У тебя часом не день рождения?

— Нет, но я только положил на имя Харви Л.Крима пятнадцать тысяч долларов.

— Они все твои, Харви?

— Целиком и полностью — за вычетом налогов и того, что я хочу выделить женщине, на которой когда-то был женат. Хочу предложить ей семь тысяч,

чтобы она отпустила меня на свободу. По слухам, у нее сейчас роман с одним типом, так что скорее всего она их возьмет. Это значит, что у меня остается две тысячи долларов. Хватит на то, чтобы нам с тобой пожениться, провести медовый месяц на Канарских островах, а потом въехать в одну из этих квартирок на Третьей авеню.

— Ты сошел с ума, Харви! Давай лучше закажем чего-нибудь поесть.

Пока мы ждали, когда нам принесут еду и во время еды я поведал Люсиль историю о Синтии Брендон и о ста тысячах долларов.

— Я не верю, — сказала она, выслушав меня. — Не верю и все тут.

Я показал ей чеки на восемьдесят пять тысяч — аккуратная такая пачечка.

— Все равно не верю, — отозвалась Люсиль. — Но скажи на милость, почему ты хочешь, чтобы деньги были в чеках «тривеллз»?

— Чтобы можно было спокойно носить с собой. Как еще можно обеспечить такое количество долларов в кармане. Как еще иметь при себе восемьдесят пять тысяч?

— Но зачем?

Подали десерт — лучший во всем Нью-Йорке. Я заказал мороженое. Я ел его изящно и аккуратно, а Люсиль смотрела на меня с ужасом.

— Знаешь, мне кажется, мир летит в тартарары, — сказала она наконец. — Ничего общего по сравнению с тем, что было в моем детстве. Но наша цивилизация

не может докатиться до того, чтобы третья в мире страховая компания давала тебе вот так за здорово живешь восемьдесят пять тысяч, а ты бы понятия не имел, как собираешься ими распорядиться. Может, я ошибаюсь?

— Нет, я и правда понятия не имею.

— Тогда какая-то ерунда получается.

— Наверное. Но разве ты забыла — я сделал тебе предложение.

— Помню, помню. И еще я помню, как ты уже просил выйти за тебя ту самую девушку Коттер. Неужели, по-твоему, у меня меньше ума, чем у нее?

— Ума у тебя больше, чем у любой девушки из всех, что я когда-либо встречал. Именно поэтому я очень надеюсь, что ты отыщешь ответ.

— Что случилось с Синтией?

Я оплатил счет, мы вышли, и я проводил Люсиль до библиотеки. По пути она упомянула ряд свойств моего характера. Люсиль никогда не делает комплиментов, хотя уверена в обратном. На этот раз она заметила, что вместо того, чтобы заниматься чем-то полезным и творческим, я работаю ищейкой у большого дяди-букмекера, заключающего страховые пари. Мне это определение кажется слишком уж смелым и даже бестактным, но Люсиль не испытывает пиетета перед страховым бизнесом. Она считает, что он отрицательно воздействует на меня.

— Ты и правда хочешь вот так взять и распутать это дело? — удивленно осведомилась она.

— Отчасти да.

— И хочешь, чтобы я нашла тебе ответ? Сказала, где Синтия?

— Ну хотя бы дала наметки.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Значит, ты сошел с ума, — подытожила Люсиль.

— Нет, и ты скоро это поймешь.

— Значит, ты полагаешь, что я вдруг возьму позво-
ню тебе и с бухты-баряхты скажу: эта самая Синтия
там-то и там-то?

— Может, не совсем так, но принцип верный.

— Ха! — фыркнула Люсиль.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дом 626 на Парк-авеню занимает добрую половину квартала. В нем двадцать девять этажей и сорок три квартиры. Согласно статистическим данным, каковые наша компания обожает, полагая с Марком Твенном, что существует ложь, наглая ложь и статистика, — общее состояние обитателей дома 626 близко подходит к сумме в миллиард долларов. Именно поэтому попасть в этот дом немногим легче, чем в Форт-Ноксе. Однако, поскольку наша компания застраховала частную собственность жильцов этого дома на пять-шесть миллионов долларов, швейцара я знаю неплохо. Это большой толстый человек по имени Гомер Клапп. Его интеллектуальная оснастка, необходимая для этой должности, выражается в зверином подозревании всех и каждого, у кого за душой нет миллиона, в самых черных замыслах.

Он машинально протянул ко мне руку, в которую

я автоматически вложил пятьдесят центов и объявил, что иду на свидание с Э.К.Брендоном.

— Ты зрярываешь свое сердце, Харви, — сказал он, созерцая монету на ладони. — Я сам готов ссудить тебе эту сумму, причем без процентов. Можешь купить жетон для метро.

— Умри!

— А главное, мистера Брендона нет дома. Зато его супруга есть.

Я вложил в его ладонь доллар и спросил:

— Ты не видел в эти дни его дочку?

— Нет.

— Когда ты созерцал ее в последний раз?

— Примерно на прошлой неделе. С тобой-то все в порядке? — осведомился он, складывая доллар и кладя его в карман.

— Ничего такого в ней не приметил?

— Видел ее и точка. А что собственно?

— Ну, например, я хотел бы знать, что на ней было.

— Одежда, — любезно пояснил он, после чего я стал убеждать его позвонить миссис Брендон и попросить ее оказать любезность и уделить немного времени мистеру Харви Криму из страховой компании. Похоже, миссис Брендон умирала от скуки, потому как сообщила, что будет счастлива это сделать.

Мне нередко случалось бывать в шикарных квартирах нью-йоркского Ист-сайда, и поэтому удивить меня не просто. Но квартира Брендона сумела это сделать. Дверь мне открыл дворецкий, и я увидел

огромный с мраморным полом холл. Для тенниса, быть может, площадка и была маловата, но вот для бадминтона в самый раз. Впечатление зала для бадминтона подчеркивалось и двумя винтовыми лестницами, справа и слева, что вели на балкон второго этажа, отчего потолок холла делался шестиметровой высоты. Все это напоминало декорации особняка из «Унесенных ветром», только перенесенные из Джорджии на угол Парк-авеню и Шестьдесят пятой улицы. Дворецкий принял мое пальто, после чего на балконе появилась женщина — похоже, это была сама миссис Брендон. Немного постояв, она стала спускаться по левой лестнице. Она была одета в сиреневое — в тон обоям. Стулья в холле были обиты красной кожей, а дворецкий был в лиловом.

— Дорогой мистер Крим! — воскликнула хозяйка, наклоняясь ко мне так, словно желая расцеловать. Но, вовремя вспомнив, что мы видимся впервые, она ограничилась восклицанием. — Дорогой мистер Крим, как я рада вас видеть!

От нее сильно пахло спиртным. Она пила не водку, это точно, но похоже, очень многое другое. Я исполнился к ней уважения: несмотря на изрядное количество выпитого, она вполне твердо держалась на ногах.

— Прошу вас, проходите, — сказала она, тщательно выговаривая слова. — Вам нравятся интерьеры Малиетти? Мне кажется, сексуальная жизнь декоратора не должна иметь никакого отношения к оценке

его работы. Малиетти — один из лучших мастеров своего дела. Вы со мной не согласны?

— Вы правы, — отозвался я.

Дворецкий распахнул перед нами дверь в гостиную, а когда мы вошли, затворил ее за нами. Гостиная была площадью девять на девять ярдов и была обклеена фиолетовыми обоями, на которых изображались французские парки. Мебель была в основном белой, а на полу лежал обюссоновский ковер, который, похоже, стоил сотню акций «Ай-Би-Эм».

Миссис Брендон прошествовала к столику в конце гостиной, на котором лежала китайская фарфоровая лошадка, к несчастью, расколотая пополам. Лошадка была также фиолетовой.

— Ужас не только в том, что бедняжка разбилась, — прокомментировала миссис Брендон. — Увы, она существует в единственном экземпляре. Ни починить, ни заменить. Это эпоха Тан, шестой век.

Она подала мне половинки, и я с неподдельным интересом осмотрел их.

— Это не шестой век, — наконец, изрек я. — Династия Тан правила с шестьсот восемнадцатого по девятьсот шестой год, если верить историкам, но эта фиолетовая красавица, похоже, из девятого столетия. Это лошадь бактрийской породы. На таких монголы совершали набеги на Китай. Лошади отбивались от табуна, их крали, брали в виде трофея, и потом они прижились с китайскими. В музее «Метрополитен» есть одна такая же лошадка — с красным седлом.

— Какая прелесть! — миссис Брендон захлопала в

ладоши. — Какой вы умный, мистер Крим. По этому поводу надо выпить. Знаете, Малиетти взял с меня за эту лошадку одиннадцать тысяч долларов, хотя она стоит по-настоящему в десять раз дороже. Вы со мной согласны?

— Она бы и впрямь стоила так много, миссис Брендон, если бы, конечно, была настоящей, — отозвался я. — Но эта фиолетовая штучка — подделка, и причем не самая искусная. Я, похоже, даже знаю, где в Италии делают такие. Красная цена ей — шестьдесят долларов у Блумингсдейла, но не больше.

Миссис Брендон замерла, потом дала волю чувствам:

— Да как вы смеете, нахал?! — воскликнула она. — Как вы смеете заявляться ко мне и разговаривать в таком тоне? Да я сейчас велю вас вышвырнуть вон. — Интересно, что во время тирады она по-прежнему сохраняла выражение томной утонченности. Гнев был только в голосе, но затем, побушевав, она устало сказала:

— Ладно, черт с вами, приятель. Давайте лучше выпьем. — Она взяла половинки лошади и бросила в корзину. — Что будете пить? Все правильно. Водись с педами и получишь, что заслужила. Ну так не стойте столбом, говорите: что будете пить?

— Я не пью на работе, — пояснил я.

— Да? Какая жалость! Неужели вы не хотите выпить в честь того, что сэкономили вашей фирме десять тысяч? Если вы не против, я выпью глоток джина с содовой. У меня, видите ли, газы. Я пони-

маю: это чудовищное признание от дамы в сиреновом, что она рыгает, как не знаю кто, но что делать, если это так? Вы не возражаете, если я немного выпью? Газы — ужасный недуг для дамы.

— Прошу вас, не стесняйтесь.

Она набухала полстакана джина, добавила столько же содовой и осведомилась, откуда я так хорошо разбираюсь в лошадях эпохи Тан.

— Когда работаешь в страховой компании, делаешься большим эрудитом, — отвечал я, — но я пришел сюда рассуждать не о китайских лошадках, миссис Брендон. Если эта ваша лошадка застрахована на десятку, наша компания без разговоров оплатит вашу потерю и не станет присылать человека, чтобы выяснить, что к чему. Если вам угодно, я попытаюсь не забыть написать бумагу о том, что вышеуказанный предмет старинны раскололся пополам. Мне даже не потребуется отмечать, что статуэтка поддельная, потому что, учитывая общую сумму страховки Брендона, им это все равно.

— Вы хотите сказать, что Э.К.Брендон — суцая находка для страховой фирмы?

— Вне всякого сомнения, миссис Брендон.

— Раскройте секрет: сколько он стоит? Я никому не скажу.

— Тут можно только гадать, миссис Брендон, но похоже, денег у него больше, чем в Форт-Ноксе. Разве вам это не известно?

— Мне? День ото дня я знаю об Э.К. все меньше и меньше.

— Так что, мне сообщить о лошадке?

— Десять тысяч! Господи, ну зачем они мне? Пропить их что ли? К тому же мне никогда до них не добраться. Если Э.К. узнает, что я прикарманила его десятку, он растерзает меня в клочья. Он спит и видит во сне деньги так, как проститутка — дни своей девственности. Нет, тут уж ничего не попишешь. Перед вами увядший цветок лаванды сорока двух лет отроду. А черт, мне на самом деле сорок семь. Что ж, я добилась своего. Вышла замуж за богача! Ну, а вы, стало быть, явились сюда из-за девицы, больше ведь не из-за чего?

— Я думал, вы сами затроните тему.

— Какую тему?

— Тему Синтии.

— Синтии? А что с ней, спаси ее Господь?

— Говорят, она ушла из дома.

Миссис Брендон подошла ко мне и легонько поцеловала меня в щеку. Если не считать алкогольных паров, это было даже приятно. Впрочем, в вопросе женщин меня нельзя считать объективным. Они мне нравятся все — независимо от роста, возраста и комплекции.

— Господь с вами, старина, — сказала она, — сами посудите, разве вы не ушли бы, если бы были дочерью Э.К.?

— Мне не просто вообразить себя дочерью Брендона, миссис Брендон, — сказал я, — но возможно, я и впрямь так поступил бы.

— Зовите меня Алисой. Мы ведь по сути дела

собутыльники, и я начинаю кое-что видеть через прелестную пьяную дымку. Э.К. вызвал вас, считая, что его дочку похитили. Ему все время мерещится похищение. Но при чем тут страховая компания?

— Он застраховал дочь от киднэппинга, — пояснил я.

— Не может этого быть!

— Тем не менее это так. Кроме того, он не плохо застраховал и жизнь девушки.

— Да? И кому выплачивается сумма?

— Ему. Он владеет обоими полисами.

— Знаете, — задумчиво проговорила она. — Оказывается, он еще больший мерзавец, чем я предполагала.

— Не знаю, не знаю. Но деньги он любит.

— А кто их не любит? Но вы считаете, старина, что Синтию умыкнули?

— А вы другого мнения?

— Да. Синтия обьялась папашей и решила уйти. Ей бы следовало сделать это давным-давно. Но у нее, видите ли, принципы. Я бы лично ограбила его до нитки.

— Вам нравится Синтия?

— У нас общий враг.

— А где он?

— Кто?

— Общий враг.

— У себя в офисе. Потом, если он окажется в настроении, то вернется сюда, посмотрит на меня с

презрением, и начнется еще один прелестный вечерок.

Когда она говорила, дверь открылась и на пороге оказался, глядя на нас с нескрываемым презрением сам хозяин. Для своих лет он выглядел неплохо. Он был в форме. У него был квадратный подбородок, жесткий взгляд и, если бы он красил свои седые волосы, то стал бы очень похож на Рональда Рейгана. У него были бледно-голубые глаза, каковые он вперил в меня, пытаюсь понять, кто я такой и что здесь делаю. Я назвал свое имя, которое, как обычно, не произвело никакого впечатления, и сообщил, что работаю в страховой компании, которая ведет его дела.

— В таком случае вам надо иметь дело со мной, а не с моей женой, — ровным голосом сообщил он.

— Последний из джентльменов, — обронила Алиса. — Ну что ж, идите, старина, и заходите, когда мы потеряем бриллиантовое кольцо или нефтяную скважину.

— Достаточно, Алиса, — перебил ее муж.

Она замолчала. Лед в его голосе был сигналом, который она сочла за благо принять к сведению. Я понял, что в трезвом состоянии она сильно его побаивалась.

Мы оказались в его кабинете, все стены которого от пола до потолка были уставлены книгами в кожаных переплетах, которые, судя по всему, никто не читал. В полках было сделано два отверстия для портретной галереи предков. Брендон жестом предло-

жил мне садиться. Затем осчастливил меня следующей репликой:

— В компании мне сказали, что выделили для этого дела лучшего сотрудника. Вы не производите такого впечатления. Как, вы сказали, вас зовут?

— Харви Крим, — сладким голосом подсказал я.

— Ну, и что же вы собираетесь делать?

— В каком смысле?

— Как собираетесь искать мою дочь?

— Мне сказали, что вы уверены насчет похищения.

Почему?

— Ее нет с понедельника. Сейчас четверг.

— Почему вы думаете, что ее похитили? Она не могла просто уйти из дома?

— Она уже однажды пыталась так поступить. Тогда я ей сказал: если подобное случится еще раз, и я в течение двадцати четырех часов не получу сведений о ее местопребывании, я оставлю ее без гроша.

— Ясно. Она дочь вашей бывшей жены?

— Да, но это не имеет никакого значения.

— Но если имел место киднэппинг, тогда должно было появиться письмо с требованием денег — как это обычно бывает в таких случаях.

— Они выжидают.

— Но...

— Черт побери, Крим. Вам говорят, ее похитили. Вы понимаете, что означает для меня необходимость выплатить три-четыре миллиона наличными?

— Но вы же застрахованы.

— Не валяйте дурака, Крим. Это будет слишком крупная операция...

— Если ее похитили...

В таком духе мы и толковали. Он был убежден, что ее умыкнули и потребуют выкуп — от пяти до десяти миллионов долларов. Он вбил это себе в голову, и его невозможно было переубедить. Мне, правда, удалось добиться от него кое-каких фактов насчет дочери, но с темы киднэппинга сбить его оказалось нельзя.

Наконец я сказал:

— Мистер Брендон, предположим, что вашу дочь и правда похитили. Предположим, за нее потребуют выкуп в пять миллионов долларов. Вы готовы платить?

Он помолчал и сказал:

— Смедли просил показать вам фотографии, — и с этими словами взял со стола тоненькую пачку фотографий и протянул мне. Одна из них была цветной. На ней была изображена девушка с рыжими волосами. Похоже, цвет волос она унаследовала от матери. Это была высокая, длинноногая, худощавая девица, и если она не поражала неземной красотой, то было видно, что у нее есть характер.

— Ну, так вы бы заплатили такой выкуп? — повторил я.

— Сколько вы зарабатываете в неделю, мистер Крим? — в свою очередь спросил он, и в его интонациях почувствовалось презрение.

— Чистыми выходит двести шестьдесят.

— В таком случае вы не имеете никакого отноше-

ния к суммам вроде пяти миллионов. Для вас это пустой звук. Для меня — реальность.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— На рынке, мистер Крим, за вас не дадут пять миллионов. За эти деньги можно приобрести сотню специалистов получше, чем вы. Почему нельзя сказать то же самое о моей дочери?

— В самом деле, почему? — я не мог сдержать улыбки. — Но в то же самое время это было бы дурной рекламой, верно?

— Верно. Но прежде чем вы еще раз позволите себе такую улыбочку, мистер Крим, я бы хотел вам напомнить, что, во-первых, я обладаю всеми связями, какие только можно купить за деньги, а, во-вторых, я физически крепче вас и могу без особого труда разломить вас на две части.

— Я это запомню, — пообещал я. — Ведь мало кому захочется, чтобы его разломали пополам.

— Сущая правда, мистер Крим.

— Так или иначе, я обогатил свои знания — мне известно, что вы человек опасный, мистер Брендон. Может, хотите услышать и обо мне?

— Милости прошу, мистер Крим. Для меня будет приятной неожиданностью узнать, что и вы человек опасный.

— Нет, мистер Брендон, ничего опасного во мне нет. Но я очень даже смекалист, что может доставить порой куда больше хлопот.

— Если это так, мистер Крим, то, пожалуй, вы без особого труда найдете мою дочь.

— Может, и найду, — улыбнулся я и поспешил добавить:

— Я не ухмыляюсь, мистер Брендон, поэтому не торопитесь применять свою силу. Я просто тихо улыбаюсь в знак удовлетворения.

С этими словами я встал и вышел из кабинета, и не подумайте, что для этого не потребовалось определенного мужества. Я опасался, что Э.К.Брендон выстрелит мне в спину и дело с концом, но он позволил мне удалиться с миром. Смешно, как многие из нас представляют себя здоровяками, готовыми чуть что пустить в ход кулаки. Это даже неприлично. Я только надеялся, что никак не уронил престиж компании. После того как Смедли проявил ко мне такую снисходительность, было бы обидно лишать его обильных страховых взносов от мистера Брендона.

Дворецкий проводил меня до выхода. Согласно сведениям, предоставленным мне компанией, его звали Джонас Биддл. Я-то не сомневался, что это, так сказать, псевдоним, а от рождения он был известен как, скажем, Станислав Брунски. Не успел он затворить за мной дверь, как я спросил:

— А скажи-ка, старина, горячий ли нрав у твоего хозяина? Он и правда стреляет в тех, кто ему не нравится? И как часто это происходит?

— Информация стоит денег, — невозмутимо отозвался дворецкий.

— Опомнись, друг, — сказал я. — Ты начитался походов Майка Хаммера¹.

— Я не читаю, — возразил он, — я смотрю телевизор.

— Тогда застрелись, — дружески посоветовал я ему.

На это он захлопнул дверь перед моим носом. Я же спустился на лифте с двадцать девятого этажа, прошел через вестибюль. У подъезда стояла полицейская машина из девятнадцатого участка, и возле нее маячила крупная моложавая, облаченная в твидовый костюм фигура сержанта Келли. Он поджидал меня.

— Где ты покупаешь костюмы? — спросил я.

— У Брукса, — ответил он.

— По тебе все равно видно, что ты полицейский.

— Черта с два! Ты лучше вот что скажи мне, Харви, — почему ты вечно осложняешь себе жизнь?

— Я не прилагаю никаких особых усилий. Получается как-то само собой.

— Лейтенант хочет с тобой потолковать. Можешь подъехать в моей машине, можешь взять такси, а можешь и прогуляться пешочком.

— А что, если я не хочу толковать с лейтенантом?

— Харви, ты хочешь с ним потолковать.

— О'кэй. Я жажду. Пройдусь пешочком.

Снова пошел снег. Такой уж выдался денек — то пойдет снег, то перестанет, то снова зарядит. Март — паршивый месяц.

¹ Герой детективных романов Микки Спиллейна.

Келли потащился со мной, бурча, что очень хотел бы хорошо ко мне относиться.

— Все хотят хорошо относиться к Харви Криму, — сообщил я, — но как ты узнал, что я там побывал?

— Где?

— В доме 626 по Парк-авеню.

— Маленькая птичка прилетела и прочиткала.

— Мерзкая птичка с крысиным хвостом по имени Гомер Клапп?

— Зачем так отчаиваться, Харви? — удивился Келли. — Это его святая обязанность — ставить нас в известность. У нас не так много людей, чтобы нести наблюдение за домом. Ты и сам это знаешь.

— Я ему плачу, а он стучит вам. Хорошо устроился!

В таком духе мы и беседовали по пути к участку. Девятнадцатый участок находится на 67-й улице между Третьей и Лексингтон-авеню. Старое грязное здание из красного кирпича, затесавшееся в самую сердцевину роскошного квартала Силк-Стокинг в Манхеттене. Лейтенант Ротшильд занимал маленький кабинетик на втором этаже — он сидит там за обшарпанным столом, попивает молоко по причине язвы и относится к нарастающим изо дня в день недоверием к роду человеческому.

Когда я вошел, он неприязненно буркнул мне:

— Садитесь, Харви, — а когда я опустился на шаткий и пыльный стул, он продолжил: — Видите ли, Харви, у полицейского в наши дни забот полон рот. Он хочет к себе хорошего отношения. Мы все этого

хотим. Но никто его не любит. А знаете, Харви, что может быть хуже того, что тебя не любят?

— Ну, наверное...

— Не угадывайте, Харви. Плохо, когда тебя не любят, но куда хуже, когда тебя держат за идиота.

— Я вас понимаю, лейтенант, — покивал я головой. — Чего уж тут приятного, если вас держат за идиота.

— Отлично. Я рад, Харви, что мы понимаем друг друга. Наша задача — ловить жуликов и сажать их в тюрьму. Вы же оберегаете их добро, позволяете им выбираться сухими из воды. Выставляете нас идиотами каждый божий день. Вы представляете, как это отражается на моей язве?

— Очень сожалею, — отозвался я.

— Черта с два вы сожалеете. Что вы делали в доме 626 по Парк-авеню?

— Я что, попал в гестапо? Почему я должен отчитываться перед вами в своих передвижениях? Я арестован?

— Нет, зачем же. Но я так подогрею почву под вашими ногами, что у вас на подошвах появятся волдыри.

— Лейтенант, — сказал я с теплотой в голосе, — почему бы нам не быть друзьями?

— Потому что я не хочу быть вашим другом, Харви. Я хочу знать, что вы делали в доме шестьсот двадцать шесть?

— Ходил в гости. Наносил дружеский визит.

— Нет, Харви, у Э.К.Брендона нет друзей.

— Вот как устроены все полицейские. Ну ни за что не признаются, что им что-то известно. Им непременно надо выколотить это из тебя.

— Зачем вы посещали Э.К.Брендона, Харви?

— Он ведет дела с нашей страховой компанией.

— Послушайте, Харви, — глаза Ротшильда превратились в щелочки, а язва, похоже, взыграла. — Слушайте внимательно: будете валять дурака, я вам устрою веселую жизнь. Зачем, по-вашему, мы сидим в этом участке? Тут у нас под самым носом денег больше, чем на всем остальном земном шаре. Думаете, это большая радость? А теперь отвечайте прямо: где девица?

— Какая девица?

— Синтия Брендон, черт бы вас побрал! И пожалуйста, не спрашивайте, откуда мне известно о том, что она пропала. Может, полицейские и глупы, но не настолько, как вам кажется. Так где же девица?

— Я не знаю.

— Это правда?

— Это правда.

— Ну ладно, попробую вам поверить на некоторое время — минут на десять, не больше. Так что же вы делали у Брендона?

— Я уже вам сказал: он ведет с нами свои страховые дела.

— Вы мне не сказали ровным счетом ничего. От какого-то болвана швейцара я получаю сведений больше, чем от вас. — Ротшильд скорчил гримасу и залпом допил свое молоко. — Значит, он у вас

застрахован? Так что же пропало? Что у него украли? Почему на сцену выходите вы?

— У миссис Брендон есть фарфоровая статуэтка лошади эпохи Тан — так она по крайней мере считает. На самом деле это итальянская подделка. Она раскололась пополам. Я заходил взглянуть на нее.

— Харви, вы лжете! — буркнул Ротшильд. — Ну а теперь послушайте меня. Синтия Брендон вышла из этого дома в прошлый понедельник. Сегодня четверг. Во вторник один из моих сотрудников, детектив Гонсалес, видел Синтию Брендон в Центральном парке. Она прогуливалась. Если вы помните, во вторник была такая же мерзкая погода, как и сегодня, но они шли держась за руки. Все прекрасно, пара голубков и только, но Гонсалесу показалось, что он уже видел этого парня. Что-то щелкнуло у него в голове. У Гонсалеса потрясающая память на лица. Так или иначе, он вернулся в участок и стал просматривать архивы. В конце концов он нашел фото этого субъекта в картотеке Интерпола. Два раза в год Интерпол посылает нам такие фотографии...

Ротшильд открыл ящик стола, вынул папку, а из нее глянецовую фотографию, которую протянул мне. На ней был изображен смуглый и довольно красивый человек. У него было волевое лицо и приятная улыбка, — мне всегда нравились такие лица и я, сопоставляя их со своей физиономией, понимал, что сравнение получается не в мою пользу.

— Ну, что можете сказать об этом человеке? — осведомился Ротшильд.

— Он вызывает у меня чувство зависти. Так должен был бы выглядеть я, если бы правильно выбрал бы родителей. Кто же это?

— Его настоящее имя — Валенто Корсика, и он родился в Рагузе. Это городок в Сицилии. Он учился там, а потом в Милане и Лондоне. Отлично говорит по-английски, по-французски и, понятно, по-итальянски. Безукоризненные манеры. Известен под именем графа Гамбиона де Фонти. Смех и только! Граф! Криминальное досье отсутствует. Есть только аресты. Дважды задерживался итальянской полицией, два раза — Скотланд-Ярдом и один раз — Сюрте. Ничего повесить на него никому не удалось, но Интерпол передал нам информацию в три тысячи слов.

— Чем он занимается? — спросил я. — Богатыми наследницами?

— Нет, нет, Харви. Ничего подобного. Случись им играть в покер, Корсика шутя покрыл бы все фишки Брендона и многих других. У него другая профессия — лидерство.

— Лидерство?

— Оно самое, — Ротшильд изобразил на своем лице некоторое подобие улыбки. Улыбка получилась не бог весть какая, но для Ротшильда это было явным шагом вперед. — Видите ли, Харви, согласно данным Интерпола, последние пятнадцать лет Корсика готовился стать руководителем мафии.

— Мафии? Вы меня не разыгрываете?

-- Мафии, Синдиката, называйте это как угодно.

Валенто Корсика готовился возглавить крупнейший клан организованной преступности. Ровно двенадцать недель назад Джо Азианти, главный мафиозо, скончался от инсульта. Во вторник Фрэнк Гонсалес видит наследника, прогуливающегося в парке с Синтией Брендон. Слава Богу, у него оказалась слишком цепкая память, и он разобрался, кто есть кто. А потому, Харви, или вы потолкуете со мной по душам, или, видит Бог, я позову кого-нибудь из наших сотрудников, он даст вам по башке, а я выдвину против вас обвинение в нападении на сотрудника полиции со смертоносным оружием. А потом я отправлю вас в камеру предварительного заключения, прямо здесь, в участке, и вы проторчите там неделю, прежде чем кто-то поймет, что с вами случилось.

— Вы этого не сделаете.

— Хотите проверить, Харви?

— Позовете полицейского, чтобы он оглушил меня? Не верю!

— Именно это я и собираюсь сделать, Харви. Лучше уж поверьте, что я вовсе не шучу.

— О'кей.

— Что о'кей?

— Буду говорить. Я очень нежный. Стоит мне вывернуть руку, и я тут же ломаюсь. Э.К.Брендон уверен, что его дочь умыкнули. Я поклялся, что ничего не скажу полиции, так что видите, как мне можно доверять.

— Что, что?

— Это все он! Лично я не верю в киднэппинг.

— Что значит, это все он?

— Я хочу сказать, что Брендон думает, что ее похитили. Если бы я заподозрил похищение, вам бы долго пришлось обрабатывать меня резиновым шлангом, прежде чем я поделился бы своими подозрениями. Но я в это не верю, да и показания вашего Гонсалеса не наводят на мысль о киднэппинге.

— Пожалуй. Кстати, мы обходимся без резиновых шлангов. Но в вашей версии, Харви, есть одна крошечная дырочка.

— Я знаю. Я...

— Вы, вы, — согласился Ротшильд. — Я не понимаю, при чем тут вы. Тут нет украденной собственности — ни драгоценностей, ни денег. Почему на это дело отрядили вас?

— Я знаю, почему. Брендон — обладатель страховки от похищений.

— Страховки от похищений?

Я кивнул и рассказал всю историю, а Ротшильд сидел за своим обшарпанным столом и, держа в руках стакан с остатками молока, смотрел на меня с кислым, недоверчивым выражением лица. Когда я закончил, он глубоко вздохнул, встал и вышел из кабинета, и тут же вернулся с пакетом молока, из которого снова наполнил стакан.

— Отлично, а теперь скажите, о чем вы, Харви, умолчали?

Умолчал я о ста тысячах долларов и не собирался в этом признаваться ни за что на свете.

— Вот и вся история, лейтенант.

— Вся, говорите, история? Ну, и куда же вы направитесь, когда выйдете из моего кабинета?

— Понятия не имею.

— Может, запомнили, тогда попробуйте припомнить.

— Беда в том, что вы слишком уж верите в мою смекалку. Мне пару раз повезло, а вокруг ходят слухи, что я великий отгадчик тайн.

— Вы не смекалистый, вы хитрый и лживый, Харви. Я вам не верю ни на грош. Впрочем, я никому не верю. Такая уж моя полицейская натура.

— лейтенант, — сказал я самым искренним тоном, — я не имею ни малейшего понятия, куда делась девица, а то, что ее видели в Центральном парке под ручку с новым главарем мафии, для меня большая новость. Честное слово юного скаута!

Ротшильд не удостоил меня ответом. Он только уставился на меня, как он неплохо умеет делать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В пятницу я проверил наши досье, прочитал все, что мог, о семействе Брендонов и пролистал три книги о Синдикате, а затем позвонил доктору Фреду Бронстайну, психоаналитику с Восточной Семьдесят пятой улицы.

— Сейчас не могу с вами говорить, Харви, — буркнул он в трубку. — У меня пациент.

Я перезвонил ему через полчаса.

— Харви, — раздраженно пробурчал он, — вы же знаете, что в рабочее время я отвечаю только на звонки по делу.

— А откуда вам известно, что это не звонок по делу?

— Послушайте, Харви, у меня нет времени переливать из пустого в порожнее.

— Я позвонил не затем, чтобы почесать язык. Я в тяжелом положении. Я хочу вас видеть.

— Это обойдется вам в тридцать долларов.

— Не может быть! — ахнул я.

— Очень даже может быть, — подтвердил он. — Тридцать долларов.

— Раньше было же двадцать...

— Но тогда и пакет молока стоил двенадцать центов, Харви.

— Меня тогда и на свете не было.

— Короче, тридцать долларов, Харви, и точка. Не хотите, дело хозяйское.

Я принял условия, а он стал ворчать, что из-за меня у него пропадает субботнее утро.

— Если бы вы знали, с каким трудом я выкраиваю время, чтобы в субботу утром поиграть в сквош, — жаловался Бронстайн.

На следующий день я убедился, что это так: он был в теннисных туфлях, а на стуле лежали ракетки.

— Субботнее утро — это целых пять сеансов психоанализа, Харви, — сообщил мне Бронстайн, — а пять сеансов это сто пятьдесят долларов, но деньги — это еще не все в нашей жизни.

— Неужели?

— Не все, Харви. Вы уж мне поверьте. Для вас деньги — это символ. Кто-то называет жмотом, но это не совсем верный диагноз. Если говорить о вашем отношении к деньгам, что само по себе...

— Кто у нас анализируемый?

— Вы, Харви.

— Тогда, может, говорить буду я? Дело не в деньгах. Дело в том, что меня не любят. Взять к примеру лейтенанта Ротшильда, он меня терроризирует.

— Прилягте, Харви.

— Спасибо, — сказал я и вытянулся на кушетке. — У него язва, и стоит ему посмотреть на меня, я начинаю ощущать, что он винит за свою язву меня...

— Все тот же лейтенант Ротшильд?

— Все тот же. Господи, вы думаете, их двое?

— Я думаю, что нет смысла обсуждать сейчас лейтенанта Ротшильда, Харви. Мы уже этим раньше занимались. Нам надо разобраться в вас.

— Я и говорю о себе. О том, какое впечатление я произвожу на людей типа Ротшильда.

— Харви, сколько раз вам повторять! Ротшильда мы уже обсуждали.

— Ладно, ладно, но Ротшильд...

— Харви, я пойду играть в сквош, — сказал Бронстайн, схватив ракетку. — Продолжать нет смысла. Я пытаюсь продуктивно использовать сеанс, а вы начинаете объясняться в ненависти к лейтенанту Ротшильду. Я пошел играть...

— На мои-то денежки?

— Я с вас не возьму ни цента. Это подарок. А теперь все!

До Доннеловского филиала Нью-Йоркской публичной библиотеки я дошел пешком, забрал Люсиль Демпси, и мы отправились на ланч в Дубовый зал Сент-Реджиса. Люсиль была задумчива, а когда взглянула на меня, то тревожно осведомилась, все ли со мной в порядке.

— Ну конечно, а что?

— А то, что этот ланч обойдется тебе в пятнадцать долларов.

— Знаю, — мрачно отозвался я. — Очень даже знаю. А ты не стесняйся. Ешь. Наслаждайся.

— Как же я могу наслаждаться, когда каждый съеденный здесь кусочек для тебя как раскаленный свинец?

— А! Какая теперь разница. Ты лучше скажи, где может быть эта самая Синтия Брендон? Она разгуливала на днях в Центральном парке с новым королем мафии.

Люсиль посмотрела на меня по-матерински встревоженно, и я рассказал ей все до конца. Потом она заказала ланч. Пока мы ели, она обдумывала услышанное. Как большинство умных женщин, она стала изыскивать наивные способы заставить меня почувствовать себя интеллектуально выше нее.

— Харви, где училась Синтия? — спросила она меня.

— «Энн Бромли», маленький колледж в штате Коннектикут, возле Данбери. Четыреста пятьдесят студенток — только девушки, все богачки.

— Она получила диплом?

— Ни в коем случае. Она ушла. Ее не осмеливались отчислить из уважения к папиным деньгам, а она не хотела учиться.

— Почему они хотели ее отчислить?

— Потому что она хотела положить конец расовой сегрегации в колледже. Еще в первый год пребывания там она притащила пять негрятенок, заплатила за их

обучение и потребовала, чтобы их зачислили в колледж. Там всех чуть удар не хватил. Она угрожала все рассказать газетчикам, но они призвали ее старика, и ему удалось ее утихомирить.

— О! Ты знаешь, Харви, мне начинает нравиться эта твоя Синтия. Небось, были толки да пересуды насчет ее увлечения марихуаной?

— Откуда тебе это известно?

— Такая, как она, не могла не попробовать наркотиков. У тебя есть ее фотографии?

Я вынул фотографии и показал Люсиль.

— У меня есть кое-какие смутные догадки, — сказала она, наконец. — А потом завтра мы берем велосипеды и едем кататься в Центральном парке. Ты катаешься на велосипеде?

— Еще как! Но кого мы там увидим — Синтию под ручку с Валенто Корсика?

— Может, мы будем просто вдвоем. В конце концов, завтра воскресенье. Разве ты не имеешь права взять выходной?

Вместо того, чтобы как следует выспаться, подобно всякому цивилизованному человеку, я начал утро с завтрака в зоопарке с Люсиль. Она не из тех, кого можно назвать крошкой — в мисс Демпси пять футов семь дюймов роста и сто тридцать фунтов веса, а потому она съела порцию овсянки, два яйца, четыре куска бекона, два тоста, запив это двумя чашками кофе. А перед этим выпила стакан апельсинового сока. Я наблюдал за всем этим буйством с чувством

ужаса и зависти. Мой завтрак состоял из чашки черного кофе.

— Тебе сразу же стало бы легче на душе, — сказала Люсиль, — если бы ты плотно позавтракал. Завтрак — главная еда дня.

— Об этом неустанно твердила мне мама.

— И она была абсолютно права.

— Неужели тебе никто не говорил, что худший способ завладеть мужчиной — это сообщать ему, что его мать была права.

— Я совершенно не убеждена, что стараюсь завладеть тобой, Харви. То, что я испытываю к тебе определенные нежные чувства, вовсе не означает, что я всерьез намереваюсь выйти за тебя замуж. У тебя есть с собой фотографии Синтии?

— А что?

— Дай мне одну.

— Сейчас?

— Ну да! Ты вечно задаешь банальные вопросы.

Я протянул ей фотографию Синтии. Люсиль положила ее в сумочку и быстро завершила бесконечный завтрак. Мы отправились к лодочной станции, где дают на прокат и велосипеды. Погода в этот день резко улучшилась — утро выдалось холодным, но солнечным, а поскольку, благодаря указу мэра, машинам в парке появляться запрещено, воздух был чистый и прозрачный как хрусталь. На Люсиль была шерстяная юбка и белый свитер с высоким воротом. Для тех, кто не знал ее характера, она казалась очаровательной. Фигура у нее была умопомрачитель-

ная, хотя она^{*} плотно ела три раза в день. Она не делалась менее красивой от того, что на ней были туфли без каблучков и шла она спортивной походкой. Я решил, что именно ее совершенство меня ввергает в депрессию.

— Зачем тебе фотография? — спросил я. — Неужели ты думаешь, что она еще разгуливает по парку с графом Гамбионом де Фонти, он же Валенто Корсика.

— Потерпи и все скоро узнаешь.

— А зачем велосипеды?

— Для забавы, Харви. Разве это не забавно? В нашей жизни не так уж много по-настоящему забавного. Есть и еще одна причина. На велосипедах мы приедем прямо на Тусовку.

— А это что такое?

— Потерпи, узнаешь.

За лодочной станцией мы стали в очередь. Молодые, старые и люди средних лет жаждали поскорее получить на прокат велосипеды. В такой обстановке трудно было сохранить депрессию. Я понял, что сам факт нахождения в парке в воскресный день резко поднимает настроение. Нам выдали очаровательные английские велосипеды с ручными тормозами, и уже через несколько минут мы крутили педалями по Ист-драйв, направляясь на север.

— Раз уж мы здесь оказались, — сказала Люсиль, — то мы можем заехать на Овечий луг с запада.

— И что тогда? — любопытствовал я.

— Тогда мы окажемся на Тусовке.

— Что такое Тусовка?

— Это то, что делают люди, когда сердца их наполнены радостью, а не ненавистью. Харви, ты слишком стар и циничен, а потому я ничего не стану тебе растолковывать. Скоро сам увидишь.

К тому времени мы уже въехали на холм за музеем, и снова двинулись на север. За всю мою взрослую жизнь мне не случалось раскатывать на велосипеде по Центральному парку так, чтобы вокруг не было ни одной машины. Я поблагодарил нашего мэра и бросился догонять Люсиль. Она была в лучшей форме, — во-первых, потому что ее не тревожили тягостные раздумья, и во-вторых, из-за всех этих овощей, которыми она питалась. К тому моменту, как мы оказались в районе 110-й улицы, я был вынужден попросить ее умерить пыл.

— Как же мы углядим Синтию, если выдаем полсотни миль в час?

— Харви!

— Давай взберемся на этот холм пешком, — чтобы не утратить навыков ходьбы. Ведь потом всю неделю мне придется ходить пешком.

Но когда мы миновали северо-западную часть парка и, сделав поворот, оказались на Вест-драйве и двинулись в обратном направлении, у меня открылось второе дыхание, и я почувствовал, что мне дышится намного лучше, чем когда-либо до этого. Мы спустились по пологому холму к 72-й улице, потом еще проехали немного вверх по другому холму по направлению к Овечьему лугу, а затем спешили и двинулись на своих двоих. К Овечьему лугу с разных сторон

стекались люди: в основном молодежь, мальчики и девочки держались за руки, улыбались, и вид у них был вполне раскованный.

Кое-кто из молодых людей носил бороды, кое-кто из девиц был облачен в нечто вроде кимоно. В них было что-то от битников, и у каждого — в петлице, в руке, в волосах — был цветок. У некоторых цветы были нарисованы на щеке. Они двигались к площадке, где уже собралась добрая тысяча таких, как они.

— Это и есть Тусовка? — спросил я Люсиль.

— Угадал, — отвечала она.

Кое у кого на площадке были музыкальные инструменты, в основном барабаны, и ребята выбивали дробь. Получалось нечто похожее на «Бананан». У некоторых из собравшихся были плакатики. На одном было написано: «Любить — да, ненавидеть — нет!», на другом: «Любовь — это все».

— Как это называется? — спросил я одного паренька.

— Тусовка.

— Он говорит, что это Тусовка, — сообщил я Люсиль.

— А я что тебе говорила?

— А что такое Тусовка?

— Слишком стар, папаша.

— Кто?

— Ты, папаша.

— Слишком стар, чтобы понять, — пояснила его юная спутница.

— Что я тебе говорила, — сказала Люсиль.

— Это значит любовь, папаша, — пришел на помощь еще один юнец.

— Не надо усложнять. Это надо почувствовать, папаша. Ты попал в правильное место.

Место к тому времени сделалось чересчур людным. Вокруг расположились два-три десятка полицейских, но работы у них не было. Никто ничего не делал, если не считать маленькой группы музыкантов-барабанщиков на бугре, отбивавших дробь.

— Я ищу одного друга, — говорила Люсиль.

— В этом месте полным-полно друзей, — уверил ее высокий рыжеволосый и бородатый парень в джинсах, похожий на викинга. — Полным-полно друзей, сестра. Ты это почувствуешь.

— Почему они зовут меня папашей, а тебя сестрой? — обиженно спросил я.

— Ты просто стар, папаша, — сообщила мне девушка.

У нее были две соломенные косички, лицо ангела и розовый сарафан. Ко лбу был приклеен серебряный кружок.

— Дело не в годах, — добавила она. — Дело в душе.

— Я ищу Синтию Брендон, — сказала Люсиль.

— Синтия... как там ее?

— Брендон.

— Постараюсь запомнить, — улыбнулся викинг.

С велосипедами мы прошли через толпу. Это была самая добродушная толпа, которую мне только случилось видеть. Велосипедисты, вроде нас, мужчины и женщины постарше пешочком, молодежь всех видов,

матери с колясочками — все это людское многообразие создавало толпу. Добродушные и хорошее настроение просто удивляли, никто не сердился, не толкался, хотя к этому времени на поляне уже собралось тысячи три, а то и все четыре. Люсиль внедрилась в толпу разукрашенных цветами хиппи и настойчиво-терпеливо задавала свои вопросы.

— Нигде не видели Синтию?

— Извини, дорогая... не случилось...

— Ба-на-нан, — распевал барабанный хор. — Ба-на-нан.

Респектабельные отдыхающие с Пятой авеню не могли пробиться ближе к месту действия и смотрели со сдержанным неодобрением издалека, задавая полицейским вопросы, почему такое допускается, но те лишь отмахивались от них, заявляя:

— Пока все тихо-мирно, пусть разгуливают, в чем хотят.

— Не видели Синтию? — в сотый раз осведомилась Люсиль.

— Ты теперь будешь задавать этот вопрос все утро? — не без раздражения спросил я. — Чего ты хочешь услышать?

— Я хочу найти кого-нибудь, кто ее знает.

— Зачем?

— Потому-то они и зовут тебя папашей, — усмехнулась Люсиль. — Дело даже не в том, как ты выглядишь. Внешне ты не похож на взрослого, но...

— То есть, как это так?

— Да ладно, Харви, ты прекрасно понимаешь, в

чем дело. Ты очень даже хорош собой... Ты немного похож на того актера — как там его зовут... Джордж Гиззард?

— Гиззард. Джордж Гиззард.

— Вот, вот. Гиззард. И ты очень даже на него похож.

Разве можно сердиться на девушку, которая улавливает в тебе сходство с красавцем-актером, хотя правда заключается в том, что если кто действительно похож на актера, так это другой актер.

— Но в душе ты старик, Харви. — Она ухватила за куртку молодого человека баскетбольного роста, в ушах у которого было по искусственной маргаритке. — Ты не видел Синтию?

— Синтию? Господи, луг большой...

— Но все-таки, видел или не видел? — не унималась Люсиль.

— Боже, она же не привязана к дереву. Мы живем в свободной стране...

— Так где она? — гнула свое Люсиль.

— Долли! — крикнул парень светло-коричневой негритянке с венком из розовых гвоздик. — Где Синтия?

Девушка с гвоздиками томно махнула рукой и сказала:

— Красота — это естественность, красота — это жизнь...

— А как насчет Синтии? — напомнил я.

— А разве ее здесь нет?

— Слушай, папаша, — сказал баскетболист, указы-

вая на парочку, которая покачивалась в такт барабанам. — Это Дэн Купер. Он со своей подругой пишет пьесу — острую, как нож хирурга, безжалостно рассекующую гнойники общества. Синтия обещала дать денег на постановку, когда они ее допишут. Так что спроси у них про нее — должны знать.

— Спасибо, друг, — сказала Люсиль. — Я помоюсь, чтобы ты бросал без промаха. Чтобы в следующей игре ты сделал пятьдесят точных бросков.

— Спасибо, родная, — улыбнулся баскетболист в ответ.

— Ну как? — осведомилась она у меня, пока мы шли к драматургу.

— Просто потрясающе! Ну разве могу я жениться на такой умной женщине. Меня же прогонят, как только я рот открою.

— Ну, раз ты такой глупенький...

— Увы.

Мы пошли к драматургу. У него была желтая борода, а на обеих щеках его спутницы было написано «любовь». Им было лет по девятнадцать. Когда Люсиль задала вопрос насчет Синтии, они в упор уставились на нее, потом пристально поглядели на меня. Затем молодой человек спросил:

— А что делает папаша? Кто он такой?

— В каком смысле, кто я такой? — не утерпел я.

— Легавый?

— Если он и легавый, то это новая модель, — сказала девушка. — Он просто куколка. Иди сюда, куколка, — обратилась она ко мне. Это были первые

приветливые слова с тех пор, как я ступил ногой на этот чертов луг. Она вынула помаду и нарисовала у меня на лбу цветок с пятью лепестками. Это привлекло зевак, но толпа вокруг нас быстро рассеялась. Тогда она написала помадой на одной моей щеке «любовь».

— Харви, ты просто прелесть, — сказала Люсиль.

— Он не легавый, — заключил драматург.

— Откуда вы знаете? — спросил я его.

— Он работает в отделе расследований страховой компании, — пояснила Люсиль. — Харви, покажи им свое удостоверение.

Я выполнил ее распоряжение.

— Что случилось с Синтией?

— В понедельник она ушла из своего дома, — начал я, — сегодня воскресенье, но от нее никаких известий.

— И вы ее за это осуждаете?

— И не думаю. Но вдруг она угодила в беду? Кто тогда будет платить за вашу постановку?

— Почему вы считаете, что с ней стряслась беда? — спросила девица.

— Послушай, папаша, — начал парень, но его подруга решительно перебила его и сказала:

— Он абсолютно прав. Кто будет платить за твою постановку? Но вы, кажется, из страховой компании? Какое отношение это имеет к Синтии?

— Она застрахована.

— Хладнокровный подход, — заметила девушка.

— Почему? — удивилась Люсиль. — По крайней

мере, мы хоть пытаемся разыскать ее и помочь, если ей нужна помощь.

— Она права, — заметил Дэн.

— У вас есть какие-нибудь предположения, где она может быть? — спросил я ребят.

— Никаких. Мы целую неделю пытались ее разыскать. Но все без толку. Мы решили, что если уж где ее и можно встретить, то в воскресенье на этом вот лугу.

— А ее здесь нет, — сказала девушка. — Мы тут с утра.

— Спрашивали всех подряд.

— Искали ее.

— Черт побери! — воскликнул молодой человек. — Она исчезла!

— Сбежала, — сказала девушка. — Вам не случилось видеть ее папочку и мамочку? Так вот она от них сбежала.

— Что ее интересовало? — спросил я ребят.

— Бердслей, Чарли Браун, «Виллидж бойс».

— Гражданские права, — сказала девушка.

— Герман Гессе, — вспомнил драматург.

— Английские народные песни.

— Вы и правда думаете, с ней что-то случилось? — осведомился молодой человек.

— Она еще увлекалась компьютерной службой знакомств, — сказала его подруга.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я смутно надеялся, что в десять утра в понедельник она будет пусть с похмелья, но трезвой. Но мне не повезло. Не знаю уж, сколько успела выпить Алиса Брендон, но надралась она изрядно. Поскольку пила она водку, разило от нее не так

уж сильно, но вот с равновесием у нее дела были плохи. Увидев меня, она сказала, медленно и тщательно выговаривая слова:

— Дорогой мистер Крим. Как мило с вашей стороны снова меня навестить! Знаете, после вашего ухода я решила, что вы похожи на Лоренса Харви, хотя он, пожалуй, будет покрасивее. Правда, все дело, возможно, в том, что его тоже зовут Харви...

— Я Харви Крим, миссис Брендон, — напомнил я.

На ней было нечто розово-красно-фиолетовое. Она стала усиленно приглашать меня с ней позавтракать.

— Я уже завтракал. Но кофе выпью с удовольствием.

— А может, апельсиновый сок пополам с водкой, а? Дорогой мистер Крим, не заставляйте меня пить в одиночестве с утра.

Комната, где она завтракала, представляла собой застекленную и отапливаемую веранду, с которой открывался ландшафт — крыши и башни. Пол был выложен изразцовой плиткой, а на столике из стекла и алюминия стоял завтрак. Комната была украшена белыми и розовыми розами. Я сказал себе, что без особых усилий мог бы перенять привычки богатых людей. Я удивился вслух, почему миссис Брендон не получает от всего этого никакого удовольствия.

— Потому что мой муж — вошь, мистер Крим, — последовал ответ. — Еще вопросы будут?

Тем временем дворецкий Джонас подал ей завтрак — кофе, яичницу с беконом, колбасу. Все, кроме кофе, я отклонил. Она же невозмутимо попивала свой водочно-апельсиновый напиток, ее комментарии по поводу хозяина ничуть не смутили дворецкого.

— Будут.

— Тогда придержите их, пока эта тварь не уберется отсюда. Я имею ввиду дворецкого Джонаса Бидлла. Не выношу дворецких вообще, а этого особенно. Это разведслужба Брендона, хотя и отличается удивительной тупостью. — Ну, проваливай, Джонас, да поживее.

Дворецкий удалился с непроницаемым лицом.

— Почему он это терпит? — поинтересовался я.

— Потому что ему платят, чтобы он это терпел, Харви, — заметила миссис Брендон. — Я была бы

счастлива, если бы он уволился, но он терпит и терпит. Слушайте почему вы не пьете ваш сок?

— С утра для меня это яд.

— Бедняга! Придется выпить мне, чтобы добро не пропадало. — Она взяла стакан и отпила большой глоток. — Ну, задавайте ваши вопросы, Харви.

— Меня интересуют компьютерные знакомства...

— Это еще что за чертовщина? А, вы имеете ввиду компьютерные тесты на сочетаемость людей? Синтия была на этом просто помешана.

— Почему?

— Возможно, надеялась встретить человека, который полюбил бы ее — и понятия не имел бы, что она дочь Э.К.Брендона. По этой же причине она взяла себе имя Джейк. Она уверяла всех в «Энн Бромли», что ее зовут Джейк. Это не случайно. Джейк — имя, которое Э.К. ненавидит лютой ненавистью.

— Но при чем здесь компьютер? Разве у нее не было романов с мальчиками?

— Харви, разве вы не изучали мужской рынок в наши дни? От него девушке трудно прийти в восторг. У Э.К. летняя резиденция в Грин-Фармз.

— Где это?

— Восточная часть Вестпорта, штат Коннектикут. Точнее, дом принадлежит Синтии. Он достался Синтии от матери, но, скорее, напоминает тюрьму, чем место для отдыха. Поэтому скажите мне, ну где Синтия может встретить симпатичных ребят? Ну где, говорите?

— Но у ее отца есть друзья, а у них дети...

— Когда-нибудь вы их увидите и все поймете.

— А как насчет ваших друзей?

— Мои друзья — напитки, Харви. Ну, выпейте сока!

Когда я спустился вниз, там меня уже поджидал сержант Келли в твидовом костюме от братьев Брукс. Он спросил:

— Ну что теперь скажешь, Крим?

— То, что когда у нас будет полицейское государство, ты станешь вице-президентом, а лейтенант Ротшильд — президентом.

— Это было бы здорово, — отозвался Келли. — Лейтенанта давно манит Белый дом. Только не думайте, что мы играем в фантики, Харви. Четыре известные торпеды¹ присоединились к туристам, которые считают, что Нью-Йорк — Город Веселья. Это ребята из Техаса: Джек Селби, который называет себя Ринго, Фредди Апсон, известный как Призрак, и Малыш Билли, про которого известно, что он выполнил двадцать семь особых поручений, а также Джо Эрп, который называет себя Потомком, возможно, потому, что когда не убивает по заказу, смотрит телевизор.

— Отлично. Значит в нашем городе гости дорогие. Но стоит ли из-за этого хватать меня за рукав и пугать прямо на тротуаре?

— Никто тебя не пугает, Харви. У тебя бзик насчет полиции...

— Как у всех мирных граждан, разве не так?

¹ Амер. сленг. — наемные убийцы

— У меня, например, нет никакого бзика. Но послушай! Эти четверо техасских мальчиков не имеют никакого отношения к Синдикату. Они из банды Толстяка Ковентри, который большой человек на Юге, и штаб-квартира у него в Хьюстоне. Синдикату так проще. Ковентри оказался крепким орешком.

— Я тоже помню реку Аламо.

— Не надо хохмочек, Харви.

— Что же мне еще прикажете делать? Но, может, все-таки вы с Ротшильдом отстанете от меня и почитаете детективные романы, а я займусь своим делом?

— Вот про это и разговор, Харви. Про твою работу. Вопрос в том, что эти ребята направляются туда, где находится Валенто Корсика, а также Синтия Брендон. Может завариться хорошая каша. А лейтенант полагает, что ты со своей ловкостью и смекалкой...

— Скажи лейтенанту, что я глуп, как пробка, — огрызнулся я. Келли улыбнулся. Я повернулся к нему спиной и зашагал прочь.

У себя в офисе я оказался в половине двенадцатого. Там уже ждала меня Люсиль. Мейзи Гилман в коридоре сообщила, что ко мне пришла сестра.

— А у тебя, кстати, есть сестра? — поинтересовалась Люсиль. — Я, в сущности, знаю о тебе так мало...

— Сестра! — фыркнул я. — Вот влияние ИМКА¹.

¹ ИМКА — христианская организация молодых людей

Почему бы просто не сказать, что знакомая? Тебя что, выгнали из библиотеки?

— Во-первых, никто меня не выгонял, а, во-вторых, тут скорее не ИМКА, а ИВКА¹. И еще чувство собственности, потому-то я и назвалась твоей сестрой.

— Значит, ты пришла.

— Ну да. А знаешь, почему? Потому что я имею право на одиннадцать дней отпуска по болезни, а я не пропустила за этот год ни дня, и вот вчера, засыпая, я придумала кое-что и хотела было позвонить тебе поделиться, но, к счастью, решила, что коль скоро ты лег спать в нормальное время...

— Да, — перебил ее я.

— Что значит «да»?

— Это значит вот что: я понял, что тебе пришло в голову вчера на сон грядущий, но если ты будешь изъясняться вот таким вот образом, вся английская грамматика полетит к чертям.

— Какой ты злой!

— Ну так вот, ты подумала о компьютерной службе знакомств.

Она опустила на стул с той стороны стола и, серьезно поглядев на меня, сказала:

— Харви, у тебя потрясающая работа. Разумеется, ты сразу подумал о компьютерной службе знакомств. Мы оба об этом подумали. Но почему, скажи на милость?

¹ ИВКА — христианская ассоциация молодых женщин

— Потому что как бы нам ни нравились скоростные шоссе, иногда приходится ехать по пыльному проселку, если другой дороги нет.

— Ох, Харви, — рассмеялась Люсиль. — Как ты любишь яркие метафоры. Но ты не прав. Просто если уж надо ехать по скоростному шоссе, то ты его отыщешь.

— Это точно.

— Да, да, Харви. Все не так уж сложно, как тебе кажется. Все дело в точке зрения. С одной точки зрения, царит полный абсурд. Дочь Брендона ушла из дома, ее видели в Центральном парке под ручку с графом как там бишь его...

— Валенто Корсика, он же граф Гамбион де Фонти.

— Ну да. С мистером Корсика, претендентом на престол короля Синдиката или мафии. Кстати, чего именно?

— Это одно и то же.

— Затем, она не приходит на Тусовку. Знаешь, Харви, на месте Синтии я бы обязательно пришла туда в воскресенье, и только какая-то страшная беда могла бы мне помешать. Видишь ли, Тусовка полностью, всецело подходит Синтии.

— Почему?

— А потому, что все хотят, чтобы их любили, а Синтии это нужно просто позарез.

— Все, говоришь? — переспросил я.

— Ну да. А теперь послушай меня внимательно, Харви, — Я никогда не видел Люсиль в таком

возбуждении. Лицо ее разругалось, и волосы полыхали огнем в свете солнечного луча, пробившегося в одно-единственное окно моего кабинета. Она была так удивительно и неповторимо прекрасна, что я чуть было не перебил ее и не предложил ей руку и сердце. К счастью, я вовремя опомнился.

— Перед тем как прийти сюда, я заглянула в нашу библиотеку, Харви, — сказала Люсиль.

— Ты же сказала, что взяла бюллетень.

— Ну да. Я сказала нашим, что у меня жутко болит голова, и заскочила на минутку.

— Какое коварство! — воскликнул я. — И это Люсиль Демпси, американка из Новой Англии, белая, пресвитерианка...

— Харви, это была невинная ложь. И вообще, ни с кем мне не бывает так трудно, как с тобой.

— Неужели?

— Выслушай же меня. Я забежала в библиотеку и заглянула в кабинет социальных исследований. У нас там есть досье на компьютерную службу знакомств. Я сделала ксероксы трех направлений — вот они. Две статистические таблицы для возраста между восемнадцатью и тридцатью, а третья — между восемнадцатью и двадцатью семью. Люди в большинстве своем — жуткие консерваторы, и многие относятся к этому как к ерунде, но я уже успела понять, что это процветающий бизнес. Их задача помочь найти друг друга мужчинам и жен-

щинам, у которых есть общие вкусы и устремления.

— Я и так знаю для чего созданы службы компьютерных знакомств, — возразил я, — но от этого не продвинулся ни на шаг к разгадке ребуса с Синтией.

— Правда? Так вот слушай, Харви. Все думают, что прекрасно разбираются в этом вопросе. Но за тот час, что я просидела тут в ожидании тебя, я просмотрела вопросники. Не отмахивайся от них. Они очень интересные. Они не только вылавливают сходства, но и указывают на различия с тем, чтобы люди могли удачно дополнять друг друга. Это не так глупо, как кажется. Они устанавливают сочетаемость людей на основе как их сходств, так и различий. Например, анализ характера. Это, например, заставляет вас анализировать себя объективно...

— Ну да. Я всегда считал, что главное — уметь взглянуть на себя со стороны, представить, как видят тебя другие.

— Верно, Харви, но в данном случае задача — не раскрывать страшную правду, а найти способ сделать А и Б подходящей парой.

Я задумчиво поглядел на нее, сказав:

— Продолжай.

— Хорошо. Вот у нас тут восемнадцать слов: спортивный, беспокойный, усидчивый, молчаливый, отчаянный, упрямый, оптимистичный, нервный, одинокий, честолюбивый, общительный, сдержанный, щедрый, эгоистичный, мрачный, основательный, фантазирующий и преданный. Вас просят выбрать шесть

прилагательных, которые, на ваш взгляд, лучше всего характеризуют вас. Можно предположить, что психологической исходной посылкой будет попытка определить не столько себя, сколько то, как человек видит идеального мужчину.

— Это вовсе не означает, что из этого может получиться идеальный брак.

— Нет, конечно, Харви. Я уверена, что никто толком не понимает, что именно это означает, да и вообще лично для меня это все фокусы, самые настоящие фокусы. Но я пытаюсь понять суть процедуры.

— Вперед, сыщица!

— Взять хотя бы проблему статуса. Вопросник пытается классифицировать людей по группам, с точки зрения статуса. Вас спрашивают, есть ли у вас кредитная карточка. Они перечисляют различные машины — «континенталь», «кадиллак», «плимут», «форд», «шевроле», «рамблер», «фольксваген», «триумф», «мустанг» — и спрашивают, что бы вы выбрали?

— Не знаю, что уж тут могла написать Синтия.

— Или Валенто Корсика. Или еще — предположим, вы начинаете неделю с двумястами долларов в кармане. Сколько из этой суммы вы готовы потратить на следующее: свидания, чаевые, книги, пластинки, кино, косметику, путешествия, такси.

— А про хобби ничего не говорится?

— Здесь есть все, что угодно. В ряде тестов вас просят самоопределиваться, указав, что вас больше интересует: медицина, право, музыка, литература,

бухгалтерское дело, гольф, история, политика, война сегодня, прошлые войны, драматургия, лыжи, коньки, преподавание, бридж, покер, канаста. И так далее. Укажите, что для вас на первом месте, что на втором, что на третьем. Ты меня понимаешь, Харви?

— Все больше и больше. Как они устанавливают эмоциональную сочетаемость, или это их не интересует?

— Они задают прямые вопросы, Харви. Например, устанавливают расовую принадлежность. Кто вы — белый, чернокожий и т.д. Но в одном разделе вас спрашивают иначе: представителей какой расы предпочитаете? Опять же, они перечисляют основные религии и просят вас указать, какой вы отдаете предпочтение, но в других анкетах вас просят указать, какого вероисповедания хотели бы вы видеть вашего партнера. Вас просят указать свой рост, но в одном из разделов спрашивают, какой рост вы предпочитаете в партнере. Так же дело обстоит и с возрастом — два вопроса. Кстати, насколько богат Валенто Корсика?

— Бесконечно богат.

— Богаче, чем Э.К.Брендон?

— Тут дело не в том, сколько у человека денег, — пояснил я Люсиль, — но в том, какое количество денег он в принципе контролирует. Так вот, братец Корсика контролирует денег больше, чем Э.К.Брендон.

— Вот такие тут вопросы: «Ваше отношение к деньгам». Возможны ответы: «Я хочу быть очень

богатым. Я хочу быть умеренно богатым. Меня не интересует богатство. Я ненавижу деньги». И далее: «Я из очень богатой семьи. Я из среднего класса. Я из рабочей семьи». Есть вопрос о профессии отца. Там пустое место, и ты туда вписываешь информацию. Что касается партнера, то надо указать профессиональные категории его родителей, какими бы ты хотел эти категории видеть. Ну что, правда, все становится яснее?

— Или туманнее. Ну а как это связано с американской ситуацией?

— Да, в общем, никак, если не довольствоваться банальностями вроде бейсбола и яблочного пирога. Так, например, имеется вопрос: «Если у вас есть свободное время, чем бы вы его заняли: посмотрели бы пьесу Шекспира, балет, бейсбол, бокс или послушали бы симфонию?» Предложите ответить на это американскому выпускнику колледжа, гражданину Ганы и финну — и по ответам ни за что не угадать их национальность.

— Но если люди Корсики задумали это нарочно...

— Нарочно для чего, Харви? Ты можешь объяснить?

— Ладно, давай на время забудем об их резонах, лишь предположим, что они это сделали. Зачем тогда давать искренние ответы? Почему не солгать?

— Потому что они не дураки, Харви. Они хотели, чтобы все было правдоподобно. У всего этого должно быть некое единство.

— Ах да! — воскликнул я. — В компьютере есть

ведь программа. Мы забываем, что эти чертовы устройства не умеют думать. Они могут только выдавать то, что в них заложено, а в данном случае они запрограммированы на определенную задачу. Советники Корсики не в состоянии угадать, в чем она заключается, поэтому он вынужден отвечать честно. Предположим, что он отвечает на вопросы самым искренним образом. Ну, а как насчет выпивки — это тоже интернациональная черта?

— У них есть вопросы и на этот счет. «Пьете ли вы очень много, больше обычного, умеренно, редко или вообще не пьете». И так же выясняется отношение к выпивке: одобряете, предпочитаете — виски, бренди, вино. Это содержится не во всех вопросниках, но в двух из них я отыскала такие вопросы. И еще азартные игры. «Никогда, время от времени, очень часто». Твоя Синтия играет?

— Никаких намеков на это я не слышал. Да и зачем ей играть? В ее среде это что-то необычное.

— А Корсика?

— Думал об этом. Ну, конечно нет. С его стороны это было бы полным идиотизмом — ему принадлежит половина штата Невада... Ты что, намекаешь, что Э.К.Брендон и мафия могут произвести на свет божий очень похожих отпрысков?

— Нет, конечно, Харви. Но это не означает, что они не могут похожим образом заполнить анкеты.

— Это серьезное открытие.

— У нас таких открытий впереди еще немало.

— Ладно, с чего начнем? — осведомился я.

— С самой большой фирмы, — тотчас же ответила Люсиль. — Называется «Компьютерные социальные исследования в сорока семи штатах, Мексике и Канаде». Их офис — на Пятой авеню, дом пять-девять-девять.

— Дом Скрибнера. Очень неподходящее место — это один из немногих уцелевших на Пятой авеню викторианских особняков.

— Они хотят респектабельности, Харви, это как раз понятно. А тебе придется накормить меня ланчем.

Мы отправились на Женскую биржу, а потом прошли по Пятой авеню до Дома Скрибнера. Но там нас ожидало разочарование. Мы оказались в крошечном офисе, десять футов на двенадцать, где сидела старушка, окруженная кипами анкет и папок. Она близоручко устала на нас. Вокруг не было ни намека на компьютер.

— Вас трое? — спросила старушка.

— Двое, — поправила Люсиль. — Я и мистер Крим.

— Вы из полиции? — осведомилась бабушка, протирая толстые линзы очков. — Господи, глаза у меня уже не те, что прежде. Если вы из полиции, то Стенли говорит, что у нас все честно и законно на сто процентов. Это что, дверь хлопнула? — подозрительно осведомилась она у Люсиль.

— Нет, мэм, — ответил я.

— А где еще один из вас? Где третий?

— Нас только двое.

— Но вошло же трое.

— Нет, нет, — поспешила уверить ее Люсиль. — Только двое.

— А кто такой Стенли? — спросил я.

— Мой сын, конечно.

Письменный стол был завален какими-то бумагами. Старушка порылась в них и пояснила:

— Это стол Стенли. Он у меня страшно неаккуратный.

— Где Стенли? — спросил я.

— Он всегда был неаккуратным. С самого детства. И рассеянным. Вы представляете, он делал домашнее задание, потом откладывал тетрадь в сторону и забывал, где она. «Стенли, — говорила я ему, — сделал работу, отдай тетрадь мне».

— Так где же Стенли? — гнул свое я.

— Где Стенли? А что? Почему вас это интересует?

— Мы хотели бы знать, где ваш сын, миссис... — мягко пояснила Люсиль.

— Меня зовут Элли.

— Мы бы хотели бы знать и вашу фамилию, — сказала Люсиль. — Неудобно звать вас только по имени.

— Вы симпатичная девушка, — сказала старушка. — Жаль Стенли не встретил вас до своей помолвки. Он сейчас там.

— Он совершает помолвку?

— Нет, нет. Это случилось в прошлом месяце. А сейчас он в Бруклине, у мистера Бампера, там, где стоит этот компьютер. Стенли решил, что через компьютер он может делать статистические подсчеты

сочетаемости пар, а его секретарша забеременела, и вот я сижу здесь. Это страшно интересный проект. Стенли у меня очень умный...

— Дорогая дама, — перебил я ее, — тут у вас сказано: «Компьютерные социальные исследования в сорока семи штатах...»

Она заулыбалась.

— Это идея Стенли. Правда, неплохо?

— Так почему же не пятьдесят штатов? — спросил я.

— Стенли решил, что сорок семь выглядит психологически убедительней. Вы со мной не согласны?

Мы выразили полное согласие и ушли. Мы решили навестить фирму «Компьюдейт», на углу 57-й улицы и Мэдисон-авеню. Это было маленькое, но бурно действовавшее учреждение. У них даже имелся компьютер. Главным был улыбающийся толстяк по фамилии Пигаро. Кроме него в офисе было еще трое работников, и наши сердца исполнились надеждой.

Мистер Пигаро вручил нам свою карточку.

— Пигаро тут, Пигаро там, — сказал он и улыбнулся.

Улыбка получилась широкой — до ушей. Мы сказали, что успели побывать в «Компьютерных социологических исследованиях», на что он понимающе улыбнулся и сказал:

— Эта контора бросает тень на всех нас. Но ничего, вам стоит только пуститься в плавание по волнам будущего, и стихия вам покорится. Подумайте только: впервые в истории у нас появился шанс

свести фактор случая к абсолютному нулю! Разумеется, эксперимент находится на младенческой стадии, и нам еще предстоит завоевать целые миры, но представьте только: вы можете жениться на девушке, которую никогда до этого не видели, причем с полной уверенностью, с полной непоколебимой уверенностью, что она будет разделять ваши мысли, привычки, отношение к еде и сексу... Почему вы так ужасаетесь, миссис...

— Мисс Демпси.

— Почему вы так ужасаетесь, мисс Демпси? Разве следует пугаться будущего? Разве не лучше шагать вперед с гордо поднятой головой, твердо зная, что тебя ожидает?

— Это отличная мысль, — согласилась Люсиль.

— Вы представляете какую-то школу? Или область? Надо начинать с самого начала, так, словно вы стоите рядом с Маркони или Эдисоном...

— Я работаю в отделе расследований страховой компании, — сказал я. — Меня зовут Харви Крим.

Его лицо застыло, но улыбка сохранилась. Это было, я вам скажу, зрелище. Все еще улыбаясь, он холодно спросил:

— Чем могу быть вам полезен, сэр?

— Поверьте, вы не сделали ничего плохого, — поспешил я его успокоить. — Мы расследуем пропажу дорогой меховой шубы, и девушка, заявившая о потере, пользовалась вашей компьютерной службой. Если бы вы могли сказать нам имя человека...

— Почему бы вам не спросить ее?

— Мы с этого и начали. Но адреса мы найти не можем. Вот мои документы.

Пигаро внимательно изучил мое удостоверение. В нем я обычно держу десятидолларовую бумажку. Когда он вернул мне документы, то улыбался вовсю, а купюра пропала.

— Все в порядке. Так кто же ваша девушка?

Теперь на его лице играла улыбка соучастника, и я усомнился, принимает ли он когда-нибудь что-нибудь на веру.

— Синтия Брендон.

— А-ха-ха! — секретарша, сидевшая неподалеку, которая по совместительству являлась машинисткой и отвечала на телефонные звонки, слушала нас с таким вниманием, что кончики ее ушей зашевелились.

— Убавь пылу-жару, — крикнул ей Пигаро. — А то у тебя лопнут барабанные перепонки. — И обращаясь к нам, сказал: — Пойдемте ко мне в кабинет, там, кажется, есть места на балконе третьего яруса.

Юмор у него был тяжеловесный. Я покосился на секретаршу и увидел, как она высунула язык в его адрес.

Его офис был бесвкусен — хром и стекло.

— Мне нравится чувствовать себя в будущем, — пояснил Пигаро, обводя комнату рукой. — Присаживайтесь, присаживайтесь. Вы пришли в хорошее место. Синтия Брендон. Так что же за шубка?

— Русский соболь, очень дорогая вещь, — выпалила Люсиль, и глазом не моргнув. Ее пресвитерианское

воспитание быстро быстро отступало под напором обстоятельств.

— Надо же! Нужен настоящий талант, чтобы так тратить деньги. Сколько, по-вашему, это стоит?

— Семьдесят две тысячи долларов.

— Пигаро здесь, Пигаро там, — пробормотал он. Его чувство юмора не ослабевало. — Знаете, почему я это вспомнил?

Мы ждали ответа с нетерпением.

— Потому что они идеально подошли друг другу как жених и невеста. Не знаю, поженились они или нет, но это входило у них в планы.

— Вы хотите сказать, что Синтия Брендон вышла замуж? — спросил я.

— Планировала, братец Крим. Не дождетесь, чтобы я выдал непроверенную информацию шамусу. Вы ведь шамус? — неуверенно спросил он меня, на что я ответил:

— Это словечко в ходу в Калифорнии. Я же расследую дела нью-йоркской страховой компании. А кто, собственно говоря, они?

— Они?

— Ну да. Вы только что сказали: они подошли друг другу. Синтия Брендон и кто еще?

— Это должно быть в досье, — Пигаро улыбнулся и сказал в селектор: — Сильвия, принеси мне досье на Синтию Брендон и ее кавалера.

Пару минут спустя Сильвия появилась с двумя папками и положила их на стол. Я протянул за ними

руку, но Пигаро накрыл их своими толстыми ручищами, улыбнулся и сказал:

— Нет, нет, это информация конфиденциального характера. Только мы можем заглядывать в эти папочки. Задавайте мне вопросы, и я отвечу на те, где интимные тайны не будут нарушены.

— Это очень благородно с вашей стороны, — сказала Люсиль.

— Стараемся понемножку, — отозвался Пигаро. — Но пусть ваши похвалы не будут слишком медоточивы, иначе налетят пчелы со своими страшными жалами. Диккенс.

— В наши дни редко услышишь ссылки на Диккенса, — улыбнулась Люсиль.

— Да, да, именно. Ну что ж, — сказал он, открывая папку. — Синтия Брендон. Смотрим наугад. Раздел третий, часть шестая. Вопрос: «Что, по-вашему, основной источник вашего кризисного состояния?» Ответ: «Истеблишмент». Теперь смотрим досье партнера. Раздел третий, часть шестая. Тот же вопрос. Ответ: «Истеблишмент».

— А кто у вас в этой папке? — спросила Люсиль.

— Замечательный молодой человек. Его зовут Гамбион де Фонти. Он итальянец, но из очень старинного почетного рода. Денег куры не клюют.

— Гамбион де Фонти, — повторил я.

— Гамбион де Фонти. Раздел второй, часть вторая. Вопрос: «Нужны ли вам деньги?» Ответ: «Нет, у меня их достаточно». Вторая папка. Часть вторая. Вопрос...

— Спасибо, нам все ясно, — сказала вежливо

Люсиль. — У Синтии Брендон достаточно денег, как и у Гамбиона де Фонти. Кстати, известно ли вам мистер Пигаро, что он граф?

— Нет. Не может быть.

— Тем не менее это так.

— Так вы его знаете?

— По крайней мере слышаны. — сказал я. — Разумеется, у вас есть адрес?

— Ну да. Отель «Рицхэмптон», угол Шестьдесят четвертой и Мэдисон.

— Так оно и должно быть, — кивнула Люсиль. — Где еще останавливаться человеку, как не в «Рицхэмптоне»?

Мистер Пигаро углубился в размышления.

— Знаете, — сказал он наконец, — а ведь ведь бракосочетание Синтии Брендон и настоящего законного графа могло бы составить нашей фирме неплохую рекламу. Я в этом не сомневаюсь.

— Он вполне настоящий, но не совсем законный, — сказал я.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Правда? Какая жалость, — сказал Пигаро с грустной улыбкой. — Пытаешься помочь людям, но жизнь выкидывает с тобой глупые фокусы...

— Это точно, — согласился я.

— Нам надо две ксерокопии анкет, — заявила Люсиль мистеру Пигаро.

— Боюсь, это невозможно. Их содержание — тайна.

— А за десять долларов?

— Тайна стоит дороже.

— Харви, дай мистеру Пигаро пятнадцать долларов — это наш предел.

Я извлек из кармана три пятидолларовые бумажки, и Пигаро заказал сделать ксерокс, после чего мы раскланялись. Внизу в вестибюле я сказал Люсиль:

— Этому надо положить конец.

— Чему, Харви?

— Сама знаешь чему. Отправляйся-ка обратно, в Доннеловский филиал публичной библиотеки города Нью-Йорка, где тебе и положено находиться.

— Ты шутишь, Харви?

— Ничего подобного, — свирепо произнес я. — Какие шутки?

— Харви, не говори таким тоном. Это просто ужасно. Кстати, когда этот смешной толстяк назвал тебя шамусом, ты тоже ответил ему так, что просто мороз по коже. Ты вовсе не хочешь, чтобы я вернулась в библиотеку.

— Я об этом мечтаю.

— Но в чем же, собственно, дело?

— А в том, что ты создаешь у меня комплекс неполноценности. Ты ударила в солнечное сплетение моему мужскому я. Думаешь, легко быть мужчиной в этом мире? Ничего подобного.

— Харви, я не нарочно.

— Может быть. Но это не меняет сути дела. Сколько тебе лет?

— Харви, ты это прекрасно знаешь, и, по-моему,

это просто безобразие, что ты постоянно об этом заводишь разговор.

— Отлично. Тебе двадцать девять лет и ты не замужем. Тебе легко говорить о том, что это, мол, безобразие, но как, по-твоему, я могу себя чувствовать? Я хотел быть кинорежиссером, а вместо этого стал сыщиком в страховой компании, причем, по слухам, я самый лучший сыщик в этом городе. Ну и как я, скажи на милость, теперь себя чувствую после того, как ты провела этот день?

— А как? Что я такого сделала?

— Ты меня просто унижала.

— Но я пыталась тебе помочь, — сказала Люсиль, и в голосе ее зазвучал явный испуг.

— Ты прекрасно знаешь, как лучше всего можешь мне помочь. Возвращайся в свою библиотеку.

— Харви, во-первых, я на бюллетене, а во-вторых, я волнуюсь за тебя и решила немножко помочь. Просто глупо предполагать, что у меня есть хотя бы одна десятая твоей смекалки и знания дела. Я никак не могу понять, что плохого, если я нахожусь рядом с тобой?

— Послушай, детка, — сказал я, всеми силами пытаюсь сохранить в интонациях теплоту и понимание. — Я прекрасно понимаю тебя, но работа может оказаться слишком опасной. Мне обязательно надо навестить отель «Рицхэмптон».

— Да они уже оттуда давно съехали, Харви, так что зачем торопиться?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что это очевидно, Харви, и если ты...

Я посмотрел на нее так, что она поперхнулась и сказала:

— Ладно, Харви, мы сейчас же направляемся в «Рицхэмптон». Я приношу свои извинения и больше не буду встречать, но ты, пожалуйста, прости меня и не прогоняй, потому что я давно не получала такого удовольствия — пожалуй, с детства, когда я окунула светлые косички своей сестры Стефани в чернила, пока она спала.

— Ты и правда это сделала?

— Святая правда!

— Почему?

— Потому что я ее ненавидела.

— Почему ты ее ненавидела?

— Потому что она была такая добропорядочная, что просто ужас.

— Ну ладно, пошли, — согласился я, и мы двинулись по Мэдисон-авеню к «Рицхэмптону». У меня закралось подозрение, что отель имеет дела с нашей компанией, и когда, позвонив по телефону, я узнал, что это так, то представил Люсиль и себя Майку Джекоби, тамошнему сотруднику службы безопасности.

В Майке Джекоби нет ничего особо колоритного. Он старательно изучал криминологию, полицейскую психологию и гостиничный менеджмент в университете Нью-Йорка. Впрочем, для мальчика из Бронкса он сумел создать неплохой образ хладнокровного и невозмутимого человека, знающего, что такое Европа. Он носил усы и сшитые на заказ костюмы. Он

оказался очень любезным — возможно, потому, что сразу же положил глаз на Люсиль — и быстро раздобыл регистрационную карточку графа. Пока я ее просматривал, он шептал мне на ухо:

— Как ее зовут?

— Да я не про нее. Как зовут твою девушку?

— Люсиль Демпси.

— У тебя с ней роман?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Что ты кипятишься? Я задал вежливый вопрос. Я просто хочу знать, насколько ты ею увлечен.

— А в чем дело? — удивился я. Только что я передал карточку Люсиль, и она углубленно стала ее изучать, а потом принялась листать журнал. Джекоби тарасился на нее, как на диковину. Наконец, он сказал:

— А потому что я хочу на ней жениться!

— Вот значит как? Ты ее впервые увидел сегодня и сразу же готов жениться?

— Если бы я встретил ее раньше, то уже давно на ней женился бы. Я всю жизнь мечтал о такой девушке.

— Я поинтересуюсь у нее на этот счет, — пообещал я.

— Только будь поаккуратнее, пожалуйста, со словами, — попросил он.

— Люсиль, — сказал я, — мистер Джекоби в тебя влюбился и хотел бы знать, не хочешь ли ты выйти за него замуж.

— Нет, — отрезала Люсиль. — но все равно, большое спасибо, мистер Джекоби. Смотрите, тут граф Гамбион де Фонти зарегистрирован два раза.

Самое смешное, — обратилась она ко мне, — что Валенто Корсика открыто регистрируется в этом отеле, а твой лейтенант Ротшильд и его сержант Келли об этом и понятия не имеют. Или я ошибаюсь?

— Думаю, что не ошибаешься, — отозвался я.

— Я бы не назвала это проявлением непрофессионализма. Вы со мной не согласны, мистер Джекоби?

— Вы хотите сказать, что просто не собираетесь рассматривать мою кандидатуру как потенциального супруга, так что ли?

— Именно так, но, пожалуйста, не сердитесь. Я скажу прямо: если бы у нас в библиотеке были те же порядки, что и в полиции этого города, мы бы никогда и ни за что не смогли бы отыскать ни одной книги.

— Люсиль, — сказал я, — полицейское управление не имеет никаких оснований наводить справки в отелях по этому поводу.

— Причем, первый раз он потребовал президентский номер. Что вы скажете, мистер Джекоби?

— Это и впрямь отличные апартаменты. Неужели вы не испытываете по отношению ко мне совершенно никаких чувств?

— Мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз, мистер Джекоби. И как же они велики?

— Столовая, гостиная, кухня, три спальни, буфетная...

— Сколько стоит?

— Четыреста долларов в день.

— Невероятно.

— Это не дорого. В «Карлайне», говорят, это стоит даже...

— Не так громко, Люсиль, — предупредил я, но она, не обращая на меня никакого внимания, продолжала:

— И у вас не возникло никаких подозрений? Появляется граф Гамбион де Фонти, выкладывает уйму денег за несколько меблированных комнаток — и вас это не удивляет?

— Дорогая мисс Демпси, — возразил Джекоби, — у нас возникают подозрения, когда гости не платят. Позвольте заметить, что вы относитесь к этому несколько странно...

— Или как раз разумно. Все зависит от точки зрения. На второй карточке он регистрируется как граф де Фонти с супругой и заказывает номер для новобрачных. Почему он регистрировался вторично?

— Такое у нас правило.

— Минуточку! — встрял я. — Это случилось в понедельник, ровно неделю назад, так?

— Так, — сказал Джекоби.

— А сколько стоит номер для новобрачных?

— Люсиль, какая разница?

— Разница должна быть, но даже если это и не так, то, считай, это проявление естественного любопытства со стороны человека, который когда-нибудь надеется побывать в роли невесты, хотя и не обязательно в этом конкретном номере для новобрачных.

— Триста шестьдесят долларов в день, — сказал Джекоби. — Ну, с чего мне было строить подозрения?

— Скажи на милость, зачем тебе такая девица? — спросил я его. — С ней хлопот не оберешься!

— Ничего, я бы с ней поладил. Нет, простите меня, мисс Демпси, я вовсе не это хотел сказать. И вообще он нагло врет, когда утверждает, что я влюбился с первого взгляда. Я просто хотел сказать, что был бы рад возможности узнать вас немного лучше.

— Имя Синтии Брендон не навело вас ни на какие мысли?

— Нет, а почему оно должно было навести меня на какие-то мысли?

— И в самом деле, с какой стати, если не считать такого пустячка, что это дочь одного из самых богатых людей Америки, а именно Э.К.Брендона.

— Элмера Кэнтуэлла Брендона?

— Так точно.

— М-да, замуж она вышла без лишней шумихи, — хмыкнул Джекоби.

— Значит, они действительно жили в номере для новобрачных? — воскликнула Люсиль.

— По крайней мере, провели ночь.

— А потом?

— Уехали.

— Этого и следовало ожидать, — хладнокровно заметила Люсиль.

Мы стали смотреть в журнале, не оставили ли они нового адреса, но такового не оказалось. Мы допросили швейцара, из которого удалось выдоить предположение, что, уезжая, молодожены сели в такси и

отправились в аэропорт Кеннеди. Швейцар не был уверен. Вернее, был, но не на все сто процентов.

— А кто этот граф Гамбион де Фонти? — полюбопытствовал Джекоби.

— Бандит, — коротко ответил я. — А потому, если увидишь его, дай мне знать.

Он снова предпринял попытки добиться свидания с Люсиль, и она дала ему свой номер телефона. Когда мы вышли из отеля, я спросил, зачем она это сделала.

— Но он так настаивал...

— Он осел!

— Тебе не о чем беспокоиться, Харви.

— Кто беспокоится?

— Но ты сердисься...

— Немного. Потому что ты таскаешься за мной по всему городу.

— Хочешь, чтобы я ушла?

— В данный момент мои желания, судя по всему, не имеют никакого значения.

— По крайней мере, — сказала Люсиль, — твоя работа куда интереснее, чем моя. Мне она нравится. Ну разве это не прелесть — не надо делать ровным счетом ничего и полностью располагать своим временем.

— Это как же прикажешь тебя понимать?

— Харви, опять ты сердисься.

— Господи, я работаю как проклятый на эту чертову компанию, а ты говоришь «ничего не делать».

— Как проклятый, как проклятый, — поспешно согласилась Люсиль.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Было три часа дня, и месяц март с его любовью к капризам решил, что пора наступить и весне. Яркое светило солнце, и подул легкий южный ветерок. Существует легенда, что худший климат в южном полушарии — в Лондоне, но эта легенда существует только потому, что мы, ньюйоркцы, не любим хвастаться. Поэтому, когда ни с того ни с сего выдается такой вот погожий денек, — небо голубое, воздух чистый и прозрачный, не жарко и не холодно, — то город делается не так уж плох, и его жителей охватывает непонятное воодушевление. Я обнаружил, что держу Люсиль за руку.

— Харви, — сказала она, — пошли в зоопарк.

— Куда, куда?

— Я понимаю, ты думаешь о том, что я тогда сказала. Харви, я была не права.

— Мне надо работать, — сказал я и отдернул свою

руку от руки Люсиль, словно это была раскаленная кочерга.

— Харви, — с укоризной произнесла Люсиль, — мне было так приятно держать тебя за руку. Я понимаю, ты винишь меня за мою протестантскую этику, смысл которой можно кратко выразить так: тот, кто работает, — хороший человек, тот, кто не работает, — дурной, но ведь есть и другая Люсиль Демпси.

— Где?

— Возьми меня опять за руку и увидишь. Кстати, разве умение шевелить мозгами — не главная часть твоей работы?

Я сказал, что это так, и мы двинулись к зоопарку. Похоже, многим ньюйоркцам показалось, что это самая привлекательная часть города в такой чудесный день, а потому люди превосходили по своей численности животных в соотношении двадцать к одному. У каждого есть свои любимые звери в зоологическом саду Центрального парка. Люсиль, например, помещана на морских львах. Я же разрывался между яками и слонами — возможно, потому что нелепое в этой жизни задевает меня больше всего, а нелепее слонов бывают только яки. Люсиль согласилась с моей точкой зрения и, вдоволь полюбовавшись на яка, мы отправились в кафе.

— Харви, — сказала Люсиль, — это наше самое очаровательное свидание.

На это я только кивнул.

— Ты немного расслабился, что только приятно, —

продолжала она. — А кроме того, это, пожалуй, наше единственное свидание, ведь те ланчи, которыми ты меня кормил, не в счет.

— А как насчет продолжения, скажем, в опере «Метрополитен»?

— Если ты считаешь, что опера — развлечение, то конечно. Хотя, по-моему, это тяжкий долг. Впрочем, я опять начинаю вредничать.

— Ничего, ничего, сейчас у меня кроткое состояние. Но скажи: зачем тебе понадобились ксерокопии вопросников?

— Ах да, видишь ли, Харви, в них что-то сильно не так. Ну, скажи на милость, почему он на ней женился?

— Может быть, из-за гражданства? Но я не знаю процедуры его получения.

— Тут надо посоветоваться с юристом. Но в этих анкетах я мельком увидела раздел под названием «Глубинный анализ личности». Там около тридцати вопросов, а точнее утверждений, на которые нужно отвечать «верно» или «неверно». Обрати внимание на вопрос двадцать один в досье графа. Утверждение: «В любых обстоятельствах я должен быть главным». Ответ «неверно». Утверждение: «Я предпочитаю власть любви». Ответ «неверно». Это пункт двадцать четыре. А вот пункт двадцать девять: «Я довольствуюсь немногим» — «верно». Люсиль озадаченно посмотрела на меня. — Я, конечно, плохо разбираюсь в этой твоей мафии, но у меня складывается впечатле-

ние, что они выбрали в главари совсем не того человека, какой им требуется.

— Почему ты думаешь, что он ответил на вопросы искренне?

— Мне так кажется.

— Но почему?

— А почему бы нет?

— Потому что у человека вроде Корсики должны быть хорошие советники и консультанты.

— Харви, по-моему ты гадаешь, как и я?

— Скорее всего. Но, Господи, он не должен стать главой синдиката.

— Где этот твой адвокат, о котором ты говорил? — осведомилась Люсиль. — Мы уже в досталь нагулялись.

— Его зовут Макс Оппенхайм, он помогал мне разводиться. По-моему, он очень хорошо соображает.

Адвокатская контора «Фаррел, Адамс и Оппенхайм» находится на углу 48-й улицы и Пятой авеню, и потому мы взяли такси. Мы приехали туда в половине пятого и были препровождены в кабинет Оппенхайма, где он как раз подкреплялся чашкой кофе с датским печеньем. Макс роста невысокого — всего пять футов четыре дюйма, но то, что он теряет в высоту, он восполняет в ширине. Его костюмы являются собой шедевры портняжного искусства, и, странное дело, его двести двадцать фунтов не производят неприглядного впечатления. Он стал усердно потчевать нас датским печеньем, а когда мы отказались, сообщил, что у его партнера Джо Адамса нет

никаких проблем с собственным весом, и он любит лакомиться «наполеонами» и эклерами, потому всегда найдется парочка для нас. Мы оба покачали головами, на что Макс сказал:

— Беда с вами, худыми, не в том, что вы дразните нас, толстяков, вашими поджарыми фигурами, но в том, что вы отказываетесь от потрясающе вкусных вещей. Вот что сбивает меня с толку и ставит в тупик.

Люсиль взяла печенье, на что Макс заметил:

— Посмотри, Харви, какая добросердечная девушка. У нее есть состраданье. Не думаешь ли ты на ней жениться? Ты ведь теперь вольная птица. Если, конечно, ты уже не женился на этой самой Саре Коттер, что была замешана в дело Сарбина.

— Нет, не женился, — подала голос Люсиль. — Харви зануда, но не дурак.

— В общем-то, он и правда не дурак. Тогда чем могу быть вам полезен?

— У нас есть одна гипотеза, Макс, — сказал я. — Но дело тут серьезное, так что не думай, что я пришел отнимать у тебя время попусту.

— Все равно тебе придется платить, так что какая разница.

— Я заплачу.

— Харви, ты приходишь за советом, я продаю тебе совет. А случай гипотетический, потому как, возможно, дело не очень законное. За это я беру по двойной таксе.

— Ты этого не сделаешь.

— Может, и не сделаю. Но не все ли тебе равно — ты спишешь это на расходы по делу, а фирма оплатит.

— Харви все равно страдает. Это надо понимать, — мягко заметила Люсиль.

— Я понимаю, — отвечал Макс.

— Ладно, повеселились и хватит, — угрюмо проворчал я. — Дело состоит вот в чем. Человек приезжает в США. Официально, под вымышленным именем. А это значит, что у него поддельный паспорт. Ему нужно получить гражданство, но его документы и прошлое тому помеха. Ему необходима подпорка. Не исключено, что ради этого он может попытаться жениться на американке, но мы не знаем, какова юридическая процедура.

— Вы только предполагаете, что он женился на девушке или вы знаете, что он женился?

— Женился, женился, — сказал я.

— Мы в этом почти что уверены, — сказала Люсиль, — но у нас нет доказательств, что женитьба реально имела место.

— Похоже, они разделили брачное ложе, — сказал я.

— Какое отличное словосочетание «брачное ложе», — сказал Макс. — Их просто обожают юристы. Но почему бы вам не спросить их прямым текстом?

— Кого спросить?

— Новобрачных.

— Потому что они уехали.

— И не оставили адреса?

— Нет.

— Есть ли еще указания на брак? Кроме попытки жениха получить гражданство?

— Есть вероятность, что они полюбили друг друга, — сказала Люсиль, на что я сказал:

— Солнышко, прекрати.

— Да, ты у нас ведь не веришь в любовь, Харви.

— Ни за что и никогда, — съязвила Люсиль.

— Ну почему, у него бывают редкие приступы влюбленности, — пришел на мою защиту Макс.

— Да, да. Например, с той жуткой женщиной, от которой вы помогли ему избавиться, разведя их.

— Она была не так уж ужасна, — запротестовал я.

— И вовсе не я их развел, — решил защитить и себя Макс. — Это сделал судья. Я только проследил за тем, чтобы Харви вышел из этой мясорубки не нагишом. Ну ладно, дети, вернемся к делу. Вы хотите, чтобы я начертил схему действий вашего жениха?

— Вы очень точно это сформулировали, — признала Люсиль.

— Спасибо. Ну что ж. Я обращаю внимание на некоторые факты, упомянутые вами. Этот человек хочет получить право постоянного пребывания в Соединенных Штатах. Ему необходимо положение куда более прочное, нежели то, на что может рассчитывать иммигрант. Кстати, эта американская невеста родилась в Америке?

— Да.

— Как же он отыскал ее, позвольте узнать?

— А это важно?

— Может быть, может быть.

— Он и девушка заполняли анкеты компьютерной службы знакомств.

— Что, что?

— Ну, разве вы не знаете? — улыбнулась Люсиль.

— Компьютеры подбирают идеальных партнеров.

— Первый раз слышу такое.

— Кончай, Макс, об этом знают все, — вступил в разговор я.

— Все равно не слышал.

— Ладно. Это пользуется большим успехом у школьников в старших классах, студентов и даже у взрослых. В этих конторах люди получают анкеты, куда вносят разные сведения о себе. Ну там, сколько лет, как вы относитесь к сексу, какого цвета у вас глаза и кого вы больше любите — Тома Кортни или Берта Ланкастера.

— Вот, значит, как это делается в наши дни? — недоверчиво спросил Макс.

— Скорее всего, так будет делаться в ближайшее время. Над всем этим нависла тень будущего. У каждого из заполнивших анкет есть номер. Все эти номера вносятся в большой компьютер и так далее и тому подобное.

— Вы надо мной издеваетесь, — сказал Макс, — а это не лучший способ обращаться с опытным, хотя и располневшим адвокатом.

— Увы, Макс, такова горькая правда, — сказал я. — Так теперь живут люди. Компьютер должен выявить номера, у которых наибольшее количество совпадающих или дополняющих друг друга ответов.

Есть идиотская, но очень популярная теория, смысл которой состоит в том, что если ты любишь клубничное мороженое и я люблю клубничное мороженое и мы оба курим марихуану, то нам предстоит счастливая совместная жизнь, пока нас смерть не разлучит.

— Плохо в это верится, Харви, — заметил Макс. — У меня, например, жена и пятеро детей. Тебе не известно, что в семье, где пять и больше детей, разводы случаются крайне редко? Бывает, кто-то может и сбежать, но разводов раз два и обчелся. Ну ладно, этих двух свел компьютер. Они поженились. Вы хотите знать, что они предпримут дальше?

— Так точно.

— Они поедут в Канаду.

— Почему в Канаду? — удивилась Люсиль.

— Ничего другого им не остается делать, — авторитетно отозвался Макс. — Вы очаровательная девушка, но, как говорится, во многих отношениях совершенно невинны.

— Не понимаю.

— Естественно, потому что вам неизвестны законы об иммиграции. Я и сам тут не большой специалист, но кое-что все-таки знаю. Ваш молодой человек заимел американскую жену, но это не означает, что он получает американское гражданство или право на постоянное проживание в стране.

— Но я-то думала...

— Ну конечно. Так все думают. Стоит жениться на американке — и дело в шляпе? Нет, это только первый шаг. Кстати, этот ваш гипотетический ново-

брачный — он что — полный идиот или у него есть консультанты?

— Есть, есть, — уверил я Макса, — и очень неплохие.

— Тогда он знает, какие шаги предпринимать. Первое — жениться на американке. Второе — уехать в Канаду. Третье — пойти в американское консульство и попросить постоянную въездную визу на том основании, что он женился на американской гражданке. Если не вмешаются какие-то непредвиденные обстоятельства, он получит такую визу.

— Вот как, значит, делаются такие дела, — сказала Люсиль.

— Именно так и никак иначе, — подтвердил Макс.

— Но это просто глупо.

Наступила долгая пауза, после чего Макс сказал:

— Да. Наверное, это выглядит глупо. Но тем не менее это делается именно так.

— Но все равно нам от этого немного пользы, — сказала Люсиль, — если мы не узнаем, куда именно в Канаду они поехали. Вы уж нас просветите!

— Люсиль, опомнись! Откуда Максу знать это?!

— Скорее всего, я вам могу это сказать, — услышали мы Макса.

Мы оба изумленно уставились на него, а я спросил:

— Это как прикажешь понимать?

— Но ты, кажется, говорил, что у него хорошие консультанты?

— У меня есть основания это предполагать.

— В таком случае у меня есть основания предпола-

гать, что он отправился в Торонто. Видишь ли, Харви, если бы все мои клиенты были такими, как ты, я бы рехнулся. Адвокат — это тот же доктор. Разве ты спрашиваешь своего врача все время «Почему? Почему?»

— Я, например, спрашиваю, — сказала Люсиль.

— Я хожу только к психоаналитику, — сказал я. — Психоаналитикам такой вопрос задавать бессмысленно. Знаете, что отвечает мой, когда я все-таки спрашиваю его: «Почему?»

— Нет, скажи, — отозвалась Люсиль.

— Он отвечает, что я псих. Ну ладно, хватит об этом. Значит, он поехал в Торонто?

— Поехал, имея на то веские основания, — сказал Макс без тени улыбки. — Дело в том, что Квебек, Монреаль и Галифакс — морские порты, и потому у тамошних консульств хватает специфических вопросов, связанных с иммиграцией — и ответы тоже имеются. Если ваш приятель — человек с извилинами, он не поедет к морю. С консульством в Торонто у него будет меньше хлопот, а теперь авиакомпания «Америкен эрлайнз» открыла рейс, который доставляет вас в Торонто из Нью-Йорка за сорок пять минут.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес я. — Что же делать?

— Это твой ребенок, — отозвался Макс, — так что делай, что хочешь. У меня и без того хлопот полон рот. В конце месяца получишь от меня счет. Ты на ней женишься? — вдруг спросил он, кивая в сторону Люсиль.

— Ты же знаешь, что сейчас я не в состоянии жениться, — буркнул я.

— Разговоры о браке приводят Харви в уныние, — сказала Люсиль. — Как его адвокат вы должны это прекрасно знать.

— Вы умная девушка, — отозвался Макс, — и мой совет вам прост: чуть надавить в нужном месте, и все выйдет по-вашему.

— Пошли, — буркнул я Люсиль.

Я встал, двинулся к двери. Макс крикнул мне вдогонку:

— Харви!

Я открыл дверь перед Люсиль.

— Харви! Небольшой бесплатный совет.

— Слушаю.

— Позови полицию.

— Что?

— Позови полицию, Харви. Им платят деньги за то, чтобы убирать мусор.

— Большое спасибо, — сказал я.

— Приглядывайте за ним, — сказал Макс Люсиль.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На улице золотистая дымка весеннего солнечного дня потускнела, уступая место нью-йоркским сумеркам. Здания из стекла и бетона выбрасывали на улицы миллионы людей, устремлявшихся по домам. Пройдет еще час, и не станет лучшее время суток: улицы совсем опустеют, загрустят. Кое-где еще временами напоминает о себе бурный деловой день, но такие всплески делаются все реже и реже, и наконец наступает блаженная тишина. Только те ньюйоркцы, кто живут в центре, могут по достоинству оценить эти часы. Но в ближайшие сорок минут улицам суждено было напоминать бурлящие реки. Некоторое время я постоял в середине людского потока вместе с Люсиль, размышляя, что мы провели вместе полдня, и это оказалось совсем неплохо, даже если учесть ее стремление сочетать роли матери, диктатора, учителя и переводчика. В целом все вышло неплохо. Я решил, что должен как-то извиниться за

свое неважное настроение, и сказал, что мне очень понравился сегодняшний день.

— Мне было сегодня очень хорошо, Люсиль. Правда, я пару раз на тебя огрызнулся...

— Что ты, Харви...

— Но это мои нервы...

— Ну, конечно, Харви...

— Ну, а теперь у меня миллион дел, — учтиво сообщил я ей, — надо доделать то и се, узнать, когда следующий рейс из аэропорта Кеннеди.

— Ла Гардиа, — мягко поправила меня Люсиль.

— Что значит, Ла Гардиа?

— То, что вылетать нам надо из аэропорта Ла Гардиа, а не Кеннеди. Самолеты компании «Американ эрлайнз» летают из Ла Гардиа. Последний рейс был в пять. Следующий в семь. У нас полно времени. А в Торонто мы будем в восемь тринадцать.

— Макс сказал, что нам лететь всего сорок пять минут, — промямлил я.

— Правда? Это преувеличение. Конечно, если будет попутный ветер, то мы уложимся в час, но по расписанию полет занимает час тринадцать.

— Откуда ты это знаешь?

— Я попросила секретаршу Макса навести справки.

— Когда?

— Пока ты препирался с Максом.

— Я не заметил, чтобы ты выходила из комнаты.

— Просто дверь была открыта, я подошла к порогу и тихо попросила ее все узнать.

— Ты обожаешь шептаться. Это дурная привычка.

— Что ты говоришь!

— А что ты имела в виду, когда сказала: мы вылетаем из аэропорта Ла Гардиа?

— Харви, ты делаешься невыносим. Ты не в себе.

— Ничего подобного. Я абсолютно спокоен. Мы прекрасно провели день. Ты была просто прелесть. Ты мне нравишься. Тебе хочется командовать всеми, кто попадется на пути, но тем не менее ты мне нравишься. Возможно, я отнюдь не герой-победитель, и мною нужно руководить, и я не жалею. Ни в коем случае. Но сейчас я лечу в Торонто. Причем лечу туда один!

— И бросаешь меня на произвол судьбы? После того как я блуждала с тобой весь день по лабиринтам. Тайны о Синтии Брендон. Когда начинается самое интересное, ты задаешь стрекача, Харви, ты не можешь меня бросить! Я просто не верю, что ты на такое способен.

Она вытащила из сумочки платок и стала промокать им глаза, но я холодно ответил:

— Убери платок. Твои слезы притворны. Лучше скажи прямо: чего ты хочешь.

— Ну ладно. Мне никогда до этого не было так интересно. Я хочу лететь с тобой.

— Нет.

— Да.

— Ты знаешь, сколько времени у тебя уйдет на то, чтобы вернуться домой и упаковаться?

— Я готова лететь прямо сейчас. Господи! Час тринадцать. Это все равно что поехать в Бруклин.

— Нет.

Мы препирались еще минут десять, а затем у нас ушло еще пятнадцать минут на то, чтобы найти такси. В аэропорте Ла Гардиа мы выкроили время, чтобы съесть по сэндвичу, да и в самолете нам кое-что предложили вместе с коктейлем. Самолет взмыл в воздух, и в восемь ноль девять, на четыре минуты раньше, чем полагалось по расписанию, совершил посадку в торонтском аэропорту Милтон. Только тогда мы с Люсиль вдруг поняли, что оказались в другой стране — без багажа и (по крайней мере это касалось ее) без денег. Когда мы шли по вокзалу, я сообщил, что она должна мне пятьдесят четыре доллара шестьдесят центов.

— За что?

— Я купил два обратных билета. Каждый из них стоит пятьдесят четыре шестьдесят. Ты же сказала, что хочешь играть вместе со мной.

— Харви, неужели я должна еще платить за билет, когда у тебя полны карманы денег, специально выданных тебе фирмой на расходы? — Она открыла сумочку, порылась в ней и объявила: — Все равно у меня только двенадцать долларов. Так что теперь тебе придется либо поверить мне на слово, либо принять от меня чек.

— А вдруг нам придется задержаться до утра?

— Харви, — мягко спросила она. — Где обратная часть моего билета?

Я вручил ей билет, она сунула его в сумочку и повернувшись зашагала к стойке «Американ эрлайнз».

— Люсиль, ты куда? — крикнул я ей вслед.

— Обратю в Нью-Йорк. А чек я пришлю тебе по почте.

— Не валяй дурака, — сказал я и пустился ее догонять, но она прибавила хода, и догнал я ее только лишь у стойки. Я схватил Люсиль за руку и сказал:

— Ладно, я поверю тебе на слово. Хватит об этом.

— Уберите вашу руку, сэр, — холодно сказала она.

— Я был не прав.

— Ты самый фантастический жмот, каких я только встречала, Харви Крим, и единственно, почему я возилась с тобой, — это из чувства сострадания.

Девушка за стойкой внимала нашему диалогу с живейшим интересом.

— У всех у нас одни и те же проблемы, — заметила она.

— Это как прикажете понимать, что у всех у вас одни и те же проблемы? — поинтересовался я.

— Когда следующий самолет на Нью-Йорк? — осведомилась Люсиль.

— Настоящие мужчины перевелись, сэр. Через сорок минут, мисс.

— Хочешь, я встану на колени? — спросил я Люсиль.

— Да.

— Я на коленях, — сообщил я.

— Это не правда, но я принимаю извинения при одном условии: пока мы в Канаде, ты больше ни разу не упоминаешь про деньги, понятно?

— Понятно.

— Ну ладно, а теперь бери такси и едем в отель «Принц Йоркский».

Я поплелся за ней, мы сели в такси, и лишь когда машина поехала, я поинтересовался, почему она выбрала именно этот отель.

— Знаешь, если бы мы с тобой поженились, — начал я, но увидев, как на лице ее появилось выражение полного понимания и участливости, сам себя перебил: — К черту! Фред Бронстайн лопнул бы со смеху. Короче, почему ты выбрала именно этот отель?

— Кто такой Фред Бронстайн?

— Мой психоаналитик.

— Какое право он имеет смеяться над тобой?

— Но почему все-таки отель «Принц Йоркский»?

— Потому что это самый большой отель в Торонто, во-первых, и самый большой отель в мире, во-вторых.

— Ты сильно ошибаешься. Это самый большой отель в мире, только его ошибочно соорудили в Торонто, штат Канада.

— Можешь спросить у водителя, Харви, — невинным голосом предложила Люсиль.

— Джек, — обратился я к водителю, — как ты думаешь, это самый большой отель или не самый большой?

— Во-первых, я не очень-то люблю янки, во-вторых, меня зовут не Джек, в-третьих, я должен довезти вас от аэропорта до отеля, но я вам не справочное бюро. А в-четвертых, дама права.

— А почему вы не любите американцев? — спросила Люсиль.

— Послушайте, дама, я не хочу ни с кем ни о чем спорить. Я же сказал, что вы правы. Это самый большой отель в мире. И точка!

— Где еще он мог бы остановиться? — прошептала мне в ухо Люсиль.

— В Торонто много отелей.

— Разве он не захочет остановиться в самом большом?

— Но у нее могут быть другие мысли на этот счет.

— С какой стати ему ее слушать?

— А?

— Что значит «а»? — подозрительно осведомился я.

Так мы разговаривали, пока не подъехали к отелю. Если он и не был самым большим отелем в мире, то по крайней мере не намного уступал рекордсмену. Люсиль поинтересовалась, что мы скажем, если кто-то спросит, почему у нас нет багажа, но я ее успокоил, заметив, что вряд ли нам зададут столь нескромный вопрос.

— Сюда ежечасно входят сотни людей и сотни выходят.

— Но они же не регистрируются.

— А кто тебе сказал, что мы будем регистрироваться? — спросил я, удивленно посмотрев на нее.

— Но сейчас половина девятого, и мы в Торонто. Ну что ты на меня так смотришь, Харви? Ты большой мальчик, я большая девочка, и мы никогда не были до этого в Канаде. Учти, что ты можешь купить здесь

английские свитера высокого качества, а я хотела бы осмотреть достопримечательности.

— И сегодня же мы сядем на самолет и вернемся в Нью-Йорк.

— А я думала, ты хочешь разыскать свою Синтию.

— Может, и так. Но, может, парочка голубков прилетела и улетела так же спешно, как улетим и мы.

— В таком случае имей ввиду, — коротко проговорила Люсиль, — что последний самолет улетает в Нью-Йорк в половине десятого, а сейчас уже без десяти девять.

Ее слова не приходилось ставить под сомнение. Я прекратил спор и предложил ей осмотреть торговые точки в огромном вестибюле отеля, пока я буду искать сотрудника службы безопасности.

— Без меня? — удивилась Люсиль.

— Без тебя, — отрезал я.

— Ладно, Харви, — согласилась она, — я не буду упорствовать, потому что, скорее всего, они уже разошлись. Но можно я позвоню в американское консульство?

— Зачем?

— Им все равно пришлось бы обратиться в него за визами. Ведь именно это сообщил нам твой друг Макс.

— Так поздно? Но они уже закрылись.

Я не стал противоречить и разрешил ей позвонить. Мы договорились встретиться в той части вестибюля, где был отдел регистрации гостей. Молодая дама за стойкой администрации сообщила мне, что безопас-

ностью здесь заведует некто капитан Альберт Густин. Когда я сообщил ей, что являюсь частным детективом, она, в свою очередь, сказала, что капитан Густин работает в Скотланд-Ярде, и что сейчас его вряд ли можно застать у себя в кабинете, но попытаться я могу.

— У нас тут большая международная торговля, и если я вам чем-то могу помочь, мистер Крим... Это была ваша жена или нет?

— Нет, нет...

— Как замечательно, когда молодой неженатый мужчина путешествует со своей секретаршей... А впрочем, может, вы женаты, мистер Крим?

— Нет, нет.

— А!

— И она не моя секретарша.

— О! — она подумала с минуту, потом сказала, — Вам, может, нужен двойной номер? Правило у нас такое: гости без багажа платят вперед. Глупое и устарелое правило. Вы не согласны?

Я взял два отдельных номера, заплатил вперед, удивляясь, каким ветром меня сюда занесло. Причин было две — гипотеза толстого юриста и предположение сумасшедшей библиотечарши.

В офисе службы безопасности в другом конце украшенного пальмами вестибюля, отделанного в египетском стиле, мне посчастливилось застать капитана Густина. Он был в твидовом костюме с трубкой, походил на Джона Уэйна, говорил с английским акцентом. В кабинете его было целых три зеркала, и

ему не составляло никакого труда увидеть свое отражение — стоило только чуть чуть покоситься вправо или влево. Он объяснил, что задержался только потому, что обедает с кем-то в этом же отеле. Когда-то Густин любовно пригладил свои волосы, я понял, что он носит парик. Он был шести футов роста, а я чувствую себя не очень уютно с такими гигантами. Он крепко пожал мне руку, и я стойко снес боль от его тисков.

— Наша фирма почти такая же большая, как «Ллойд», — сказал я, надеясь поразить его воображение.

Он изучил свою нижнюю часть лица в одном из зеркал и сообщил, что не имеет права разглашать тайны гостей отеля.

— Не беспокойтесь, все это ради их же блага, — попробовал я сыграть роль честного и открытого парня.

— Так, так. Ну ничего, ничего. Я думаю, мы поладим.

Он взглянул на часы и сказал:

— Где же моя птичка? Мне обещали позвонить, когда она появится. Вы женаты, мистер Крим?

— В разводе.

— А, значит, мы с вами одного поля ягоды. Говорят, вы путешествуете с прелестным багажом. Очень вас понимаю.

Я поблагодарил Бога, что он не наделил меня грубой физической силой и агрессивностью — ведь

тогда я врезал бы Густину по морде и оказался в канадской тюрьме.

— А, собственно, какой от этого вам навар? — спросил он, мешая жаргон с метафорами. Я объяснил, в чем состоит мой навар.

— Ерунда! Не верю ни единому слову!

— Это как же прикажете вас понимать?

— Догадки и романтические бредни. Мафия! Ха! Никакой мафии нет. Вы, янки, обожаете мир приключений. Просто вы не в состоянии честно признать, что у вас полно гангстеров, вот и начинаете придумывать сказки про мафию.

— Значит, мафии не было и нет?

— Вот именно.

— Выходит, это я изобрел мафию?

— Вовсе нет, Крим, не надо брать на себя лишнего. Просто так у вас принято считать.

— Я вешу сто пятьдесят три фунта без одежды, — сообщил я.

— Правда? Вы стало быть не в форме. Упражнения, тренировки и все будет отлично!

— Может, я также изобрел Валенту Корсику, он же граф Гамбион де Фонти?

— Ладно, ладно, Крим, зря вы кипятитесь. Вы хотите сказать, что если бы мы были в одной весовой категории, то у нас мог бы состояться мужской разговор? Напрасно вы так. Я считаю вас отличным парнем. Сейчас мы закроем эту проблему. — Он взял телефонную трубку и сказал: — Это Густин. Посмотрите журнал регистрации за последние десять дней.

Узнайте, останавливался ли у нас Валенто Корсика или граф Гамбион де Фонти. — Как там пишутся эти имена, Крим? — осведомился он и передал своему собеседнику их по буквам, одновременно любуясь на себя в зеркало. Это у него получалось отлично. — Вот и молодец, — сказал он, кладя трубку, а я, не претендуя на лавры Генри Хиггинса из «Пигмалиона», решил, что Густин такой же британец, как и я. — Подождите минуту, — обратился он ко мне.

— Спасибо за помощь, — отозвался я.

— Не за что. Ну как, нравится у нас в Торонто?

— Я здесь всего пару часов, из которых большую часть времени провел в такси и в этом отеле, так что судить не берусь.

— Хорошо, хорошо... У вас, янки, отличное чувство юмора.

— Рад это слышать, — сказал я, — хотя вряд ли ваш человек отыщет эти имена в журнале регистрации.

— Почему? Вы же сказали, он женился под именем графа де Фонти.

— Так-то оно так, но ему вряд ли будет сложно убедить свою молодую жену, что графу следует путешествовать инкогнито.

— Ну, вы преувеличиваете, старина. Я уверен, что этот ваш граф Гамби или как там его, если и останавливался у нас в отеле, то под собственным именем. Почему бы нет?

— Я же говорил вам о мафии, — вежливо напомнил я.

— Опять вы за свое... — В этот момент зазвонил телефон, он схватил трубку, и я услышал: — Да, да, да... Сию минуту. — Обернувшись ко мне Густин сообщил: — Ничего отдаленно напоминающего эти фамилии. Увы! Боюсь, что вы немного ошиблись. Был бы рад пригласить вас в бар пропустить по рюмке-другой, но меня ждут. Птичка прилетела. Пойдемте со мной, полюбуетесь на нее.

— Но разве вы не можете проверить, какие пары примерно этого возраста останавливались в отеле? Можно было навести справки у администраторов. Может, кто-то опознает по описанию. По акценту...

— Дорогой друг, — сказал Густин, — вы слишком серьезно относитесь к своей персоне, но вы же не из Интерпола и даже не из нью-йоркской полиции. Ради вас мы не можем перевернуть отель кверху дном. Это крупнейший отель в мире...

Я поплелся за ним из офиса к месту встречи с птичкой. Птичка была крашеной блондинкой лет сорока с небольшим. У нее было два весомых аргумента — бюст и рост. Наш Джон Уэйн облизывался, как кот. Было такое впечатление, что он впервые увидел женщину. Они, пританцовывая, удалились. Густин даже и не подумал попрощаться.

Я уселся в кресло напротив стойки администратора и стал ждать. Я просмотрел местные газеты, потом вечерние нью-йоркские и снова погрузился в ожидание.

Я прочитал статьи Уолтера Липмана, Джеймса Рестона, Макса Лернера, убедился, что мир наш

полон горестей и секса, и вновь окунулся в процесс ожидания.

Я подошел к стойке и спросил, нет ли для меня какой-то информации.

— Сейчас погляжу в вашем ящике, мистер Крим, — отвечала администраторша. — Я могу заодно поглядеть, нет ли чего для мисс Демпси.

Ни для кого — ничего.

Я вернулся в свое кресло и снова стал ждать. Ко мне подошел человек из службы безопасности Джона Уэйна и осведомился, не встречались ли мы с ним раньше.

— Ну, конечно, встречались. В офисе мистера Густина. Вы сидели в первой комнате и печатали. Меня зовут Харви Крим, я работаю в отделе расследований в страховой компании.

— Ясно, чем могу помочь, мистер Крим?

— Когда закрывается американское консульство?

— Когда как. В пять, шесть, в семь. Иногда позже. Но сейчас-то они точно закрылись.

Я сказал спасибо и снова стал ждать. Было десять часов. В вестибюле стало совсем тихо. Я вполне мог бы отправиться в заранее оплаченный мною номер, но я слишком устал и разнервничался, чтобы найти силы встать с кресла. Я лихорадочно перебирал в голове неприятности, которые могли выпасть на долю честной порядочной девушки, которую я втянул в мафиозные дела. Зачем я сделал это? Ведь она, простая искренняя душа, всю жизнь жила среди книжек и не имела ни малейшего отношения к той

мерзопакости, с которой мне постоянно приходится сталкиваться по долгу службы. Ну конечно, я кругом виноват. Я даже решил, что в этом замешан Густин. Он явно решил взяться за Люсиль, понимая, что она — моя ахиллесова пята. У Люсиль, наверное, есть мать. Когда дочь выловят из реки, мне придется собирать все свое мужество и сообщить матери страшную новость. Как ни странно, но я никогда не спрашивал Люсиль, есть у нее мать или нет. Что я ей скажу? Что Люсиль меня обожала, а я потерял ее в чужом городе?

Она вернулась без десяти двенадцать. Вошла в вестибюль, опираясь на руку типа, который был лет на десять моложе меня, а стало быть, и ее, — и куда красивее меня, если вам нравятся эти так называемые чистые открытые американские лица. В дальнем конце вестибюля они стали прощаться, на что ушло минут пять и, наконец, он нежно поцеловал ее в щеку и удалился. Когда она дошла до моего кресла, то имела нахальство сказать:

— Бедненький Харви, у тебя такой усталый и нервный вид.

— Зато ты выглядишь как чертова роза!

— Харви!

— Кто это такой?

— Харви, я не сомневаюсь, что ты ревнив, — радостно улыбнулась она. — Если бы ты знал, как мне это приятно! Но тут тебе не о чем беспокоиться. Джимми — милый, очаровательный мальчик, мы с

ним учились в Рэдклифоре, он в Гарварде, вспоминали доброе старое время. Он очень мил — вот и все.

— Потому что ты сочла своим долгом его поцеловать.

— Ах, вот ты о чем! Харви, но это и поцелуем-то назвать нельзя. Я просто клюнула его в щеку. Ну-ка, встань, — и когда я послушался, она обняла меня и крепко поцеловала в губы.

— Вот это настоящий поцелуй, — добавила Люсиль, — Нежный, но настоящий. Ну как, тебе от него не полегчало?

— С какой стати мне от него могло полегчать? Ты знаешь, о чем я думал, когда сидел здесь?

— Нет.

— О том, что тебя оглушили, удавили, утопили...

— Харви, ты просто прелесть! А я всего-навсего обедала с этим милым мальчиком, который работает в консульстве.

— Обедала? Ты хочешь сказать, что ты обедала, пока я тут голодал?

— Харви, но что же мне оставалось делать? Я позвонила в консульство, а там, кроме уборщицы, был только Джимми. Он задержался, чтобы доделать какую-то работу. Мы разговорились, и, когда он узнал, что я кончила Рэдклифф в шестидесятом, а он Гарвард — в шестьдесят третьем... Ты же знаешь, я никогда не лгу насчет своего возраста. Он очень просил меня приехать в консульство, а потом стал умолять отобедать с ним, потому что он не женат, всего два месяца в Торонто и чувствует себя страшно

одиноко, хотя и работает первым помощником вице-консула. Я не ошиблась? Бывают вице-консулы?

— Откуда, черт побери, мне знать?

— Пожалуйста, не сердись, Харви. Я ведь узнала все, что ты хотел, о Синтии и графе.

— Узнала?

— Ну да. Они получили свои визы сегодня и сегодня же убыли в Нью-Йорк семичасовым самолетом. Мы разминулись с ними в воздухе.

— Ну и, конечно, они жили в «Принце Йоркском», — проворчал я.

— Какой ты вредный, Харви! Ты даже не хочешь сказать мне спасибо. Нет, они не жили в «Принце Йоркском» — теперь в нем никто уже не останавливается. Они жили в «Ридженси», это роскошный новый отель.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сначала я подумал, что мне померещился сержант Келли, и сказал Люсиль:

— Видишь темноволосого верзилу в твидовом костюме? Он как две капли воды похож на сержанта Келли, который делает все, чтобы лейтенант Ротшильд

ненавидел меня больше и сильнее.

Вскоре выяснилось, что это и правда сержант Келли, а я не такой параноик, как мне показалось. Келли стоял у справочного бюро торонтского аэропорта Милтон. Рядом с ним стоял коренастый тип с бычьей шеей и в штатском костюме. На типе было крупными буквами написано «полиция». Увидев меня, Келли ухмыльнулся и весело крикнул:

— Привет, Харви! Приятно встретить знакомое лицо в чужой стране!

— Это и правда сержант Келли! — восторженно воскликнула Люсиль.

— А это мой коллега, констебль Бримптон из

полиции Торонто, — продолжал Келли. — Поздоровайтесь с моим другом Харви Кримом, констебль.

В Торонто, похоже, было принято при рукопожатии калечить руки другу друга. Когда констебль Бримптон наконец отпустил мою кисть, он одобрительно улыбнулся мне и сказал Келли:

— Вы были правы, сержант. Очень уж вы ловки, мистер Крим. Вполне оправдываете вашу репутацию. Келли правильно говорит — вы порой слишком уж шустры, но смекалисты.

Эта встреча состоялась в десять минут девятого на следующее утро. Мы приехали в аэропорт и собирались садиться на самолет, вылетающий в Нью-Йорк. Я сказал спасибо тому и другому.

— А это, стало быть, Синтия Брендон, — заключил констебль Бримптон. — Не мое дело давать советы, и учить американцев воспитывать детей, но лично я считаю так: кто бережет розгу, тот портит ребенка.

— Вы всегда так думали? — осведомилась Люсиль.

— Всегда, — подтвердил констебль Бримптон.

— Это не мисс Брендон, — сообщил я.

— Харви!

— Мы не в Нью-Йорке, сержант, — говорил я Келли, — мы даже не в Соединенных Штатах. Мы в доминионе Канада, в этом самом доминионе, а, впрочем, идите отсюда к чертовой бабушке...

— Вы, мистер Крим, забываете обо мне, — сурово напомнил констебль Бримптон.

— Но как интересно, вы узнали, что мы здесь? — с удивлением осведомилась Люсиль.

— Человек по фамилии Густин позвонил в управление полиции Торонто, а они уж — лейтенанту Ротшильд. А он велел мне садиться на первый же самолет, и вот мы здесь.

— Чертова пародия на Джона Уэйна, — буркнул я.

— Это просто прелесть! — воскликнула Люсиль. — Только я не Синтия Брендон.

— Нет, вы Синтия Брендон, — возразил Келли. Констебль Бримптон присоединился к нему:

— Послушайте, мисси, — сказал он, — препирательства только осложняют всем жизнь, а зачем нам это, верно я говорю?

— Как вы меня назвали? — заинтересовалась Люсиль.

— Мисси, а что?

— А то, чтобы вы впредь не вздумали называть меня так еще раз. А теперь слушайте оба и внимательно. Меня зовут Люсиль Демпси, и я работаю в Доннеловском филиале Нью-Йоркской публичной библиотеки. Вы слышали о такой библиотеке? Я, например, знаю об Экспо-67...

— Не будем втягивать сюда Экспо-67, мисси! — буркнул Бримптон.

— Опять мисси! Да как вы смеете!

Это было для меня нечто новое, такой я Люсиль никогда не видел. Я вернул себя в реальность, сообщив Келли:

— Как ни странно, но она говорит правду. Сколько лет Синтии Брендон?

— Двадцать.

— Отлично. Посмотрите повнимательнее на моего доброго друга Люсиль Демпси. Разве она выглядит на двадцать?

Келли уставился на нее, а я спросил его:

— Вы видели фотографии дочери Брендона?

— Вроде как видел...

С белым от гнева лицом Люсиль открыла сумочку и вынула права и еще какие-то бумажки. Келли изучил их, после чего мы получили возможность с удовольствием распрощаться с констеблем Бримптоном. Вернее, это я попрощался. А Люсиль не сказала ни слова.

Мы пошли к самолету. Келли двинулся за нами. Я стал уверять его, что это совершенно необязательно.

— Так велел лейтенант. Ротшильд приказал мне приклеиться к вам прочнее, чем клей.

— Но мы не в Нью-Йорке и не в Штатах. Это Канада.

— Потому-то я так вежлив и деликатен, — объяснил Келли.

Его место было в хвосте, рядов на шесть сзади нас. Я сел рядом с Люсиль, которая за последние пятнадцать минут не проронила ни слова, что было совершенно для нее нехарактерно.

Мы прикрепили наши ремни, и затем я сказал, что, может быть констебль Бримптон и задел ее за живое, но он не хотел обидеть.

— Хотел, но не он, а ты.

— Я?

— Ты, Харви Крим. Ты просто дрянь.

— Почему? Что я такого сделал?

— Безмозглая дрянь, — повторила она. — Харви Крим. Последний из великих мотов и расточителей. Великий Гэтсби. Знаменитый бонвиван...

— Если бы я хоть понимал, что такого сделал...

Мы уже взлетели, самолет набрал высоту, и это позволило сержанту Келли отстегнуть ремень и подойти к нам. Он спросил у Люсиль, не могли бы они переговорить наедине.

— Ступайте, — сказал я. — Мисс Демпси вам нечего сказать.

— Мисс Демпси сама будет решать, — поджав губы отвечала Люсиль. Она встала и спросила: — Рядом с вами кажется, есть свободное место, сержант?

— Так точно, мисс Демпси.

Даже не поглядев в мою сторону, Люсиль отправилась с Келли. Мне и раньше доводилось сносить ее фокусы, но это уже било все рекорды! Оскорбление оказалось таким тяжким, что некоторое время я неподвижно сидел в кресле. Похоже, мои чувства вполне отразились у меня на лице, потому что подошла стюардесса и осведомилась, все ли со мной в порядке.

— Более или менее, — отозвался я. — Скажите, мисс, сколько вам лет. Или я проявляю нескромность?

— Сегодня я занята, — отозвалась она и добавила, — мне двадцать четыре. А завтра я свободна.

— Вы бы обиделись, если бы я сказал, что вряд ли кто-то принял бы вас за семнадцатилетнюю?

Она улыбнулась и сказала, что была бы только счастлива.

— Другое дело двадцать лет. Никому не хотелось бы, чтобы ее приняли за семнадцатилетнюю, но мои друзья говорят, что за последние четыре года я ни чуточки не изменилась. Ой, меня зовут.

Она ушла, а я сидел без движения. Впрочем, не совсем без движения. Я пытался показать тем, кто глядит на меня сзади, что я абсолютно спокоен и в прекрасном настроении. Минут десять я не вставал с места, потом поднялся и прошел в хвост самолета, чтобы выпить воды. Келли сидел ближе к проходу, посадив Люсиль к окну. Я подошел к ним, улыбнулся, выразил надежду, что у них приятная беседа, и вдруг пролил воду из стакана на колени Келли. Потом засуетился, заизвинялся, но это не смогло подавить естественный рефлекс в Келли, который вскочил на ноги, схватил меня за ладканы и прошипел:

— Ах ты, гаденыш! Я же тебе все кости переломую!

— Ладно тебе, Келли, — охладил я его пыл. — Мы с тобой не в Нью-Йорке, а в самолете. Ты только подумай о газетных заголовках. «Нью-Йоркский полицейский избивает частного детектива в авиалайнере». Или еще хлеще: «Детектив в штатском незаконно пересекает границу Канады». Прелесть. Ротшильд будет в восторге.

Я шипел так же, как и Келли. Люсиль, увидев меня в объятиях этого громилы, с упреком сказала Келли:

— Я похоже, ошиблась в вас, сэр!

Он отпустил меня и обернулся к ней.

— Пустяковое происшествие, но вы готовы убить человека, — продолжала она. — Неужели ваш первый импульс — применять грубую силу, проявлять жестокость?

Он туго смотрел на нее, разинув рот. С его брюк капала вода. Я вернулся и сел на свое место, пытаюсь не думать о том, что может случиться, когда мы с Келли снова встретимся в Нью-Йорке. Вскоре появилась и Люсиль. Усаживаясь рядом, она спросила:

— Ну-ка, хоть раз в жизни скажи правду, Харви, это ты нарочно облил брюки сержанту Келли?

— Да.

— Умышленно?

— Да.

— Но почему?

— Он мне не нравится.

— Я, правда, говорила с ним всего несколько минут, но он показался мне вполне приличным человеком — честным и вполне образованным.

— Вот это-то мне особенно не нравится. Похоже, он оказался настолько приличным парнем, что ты все ему растрезвонила.

— Разве симпатичные и честные люди вызывают у тебя антипатию?

— Дорогая, давай не будем говорить на эту тему.

— Ну признайся, что это так, — не отставала от меня Люсиль.

— По крайней мере, ты мне нравишься. Порой я даже делаюсь от тебя совсем без ума.

— Харви...

— Но потом ты начинаешь мною командовать. Так все же, что ты успела разболтать Келли?

— В сущности, ничего. Мне очень приятно было от тебя это услышать, но я вовсе не пытаюсь командовать. Не могу представить себя в этой роли, Харви. Я всего-навсего библиотекарьша. И ты зря считаешь, что я все растрезвонила сержанту Келли. Я, например, и словом не обмолвилась о тех деньжищах, что ты возишь с собой.

— Но почему же тогда...

— Он поинтересовался, как я думаю, похитили Синтию или нет. Я сказала, что не похоже. Вряд ли кто похитит девушку, по собственной воле вышедшую замуж за будущего короля мафии. Кстати, Джимми совершенно не верит в мафию. Он говорит, что это просто великий миф, а на самом деле никакой мафии в природе не существует.

— Кто, черт возьми, этот Джимми?

— Харви, ты опять ревнуешь. Ты прекрасно помнишь, кто такой Джимми. Это тот милый мальчик из консульства, который угостил меня обедом. Он очень мил, но совершенно тебе не соперник...

— Он идиот. Так что же ты сказала Келли, когда он спросил про похищение?

— Я повторила слова Джимми о том, что мафии не существует.

— Ну и что Келли?

— В отличие от тебя, он не стал кипятиться. Он только выразил удовлетворение тем, что такие милые молодые люди, как Джимми, состоят на дипломати-

ческой работе, а не на службе в полиции Нью-Йорка. Он также согласился с тем, что скорее всего Синтию никто и не думал похищать. Потом я рассказала ему о том, что Джимми видел ее и графа в американском консульстве.

— Боже! — простонал я. — Неужели ты ему это разболтала?!

— А что в этом такого, Харви? Даже если мафия — это миф, то этот псевдограф играет в опасную игру с законом.

— Что ты ему еще выложила?

— Больше ничего. Я провела с ним несколько минут, и если бы ты не проявил ничем необъяснимую глупость, я бы и вовсе там не оказалась.

— Глупость? Я?!

— Да, Харви, так с женщинами себя не ведут.

— Ты рассказала ему про «Рицхэмптон»?

Люсиль нахмурилась и помотала головой:

— По-моему, я вообще не упоминала об этом. А что?

— А то, что у меня безумное подозрение, что они вернулись обратно в «Рицхэмптон».

— Кто?

— Корсика и Синтия!

— Нет, вряд ли они это сделают.

— А почему бы и нет? — удивился я. — Они же не подозревают, что за ними погоня. Они не знают, что их там кто-то заприметил. Они же не считают себя беглецами и преступниками.

— Харви! — поспешно перебила меня Люсиль.

— Ну что?

— Я забыла сказать тебе одну вещь.

— Что?

— То, что мне еще сказал Джимми.

— Если это сказал Джимми, то я не желаю слушать.

— Напрасно, Харви, напрасно. Джимми сказал, что граф вряд ли по своей охоте женился бы на ком-то, кроме мальчика.

— Ты в своем уме?

— Абсолютно. Граф предпочитает мальчиков.

— Но как, черт побери, об этом догадался твой Джимми?

— Люсиль глубоко вздохнула и сказала:

— Потому что его часто принимают за того, кем он не является...

— А ты-то откуда это знаешь?

— Знаю. Женщин тут не проведешь.

— Черт знает что! — сердито воскликнул я.

— Харви, какой ты глупый. Ты никогда даже не пытался за мной поухаживать. Эта самая девица Коттер, на которой ты чуть было не женился, была худая, как палка. А мне кажется, что лучше иметь дело с габаритами тридцать восемь — двадцать четыре — тридцать восемь...

— Это ты у нас «тридцать восемь — двадцать четыре — тридцать восемь»?

— Да, Харви. Я.

— Очень неплохо для библиотечарши.

— Мир меняется, Харви, и библиотечарши тоже...

— Но твой друг Джимми мог ошибиться насчет графа...

— Нет, не мог, Харви. Граф попробовал за ним приударить.

— Где? Когда?

— Когда Синтия пошла в дамскую комнату, граф стал делать пасы Джимми. Они провели наедине три минуты, и граф был вполне настойчив в своих намерениях...

Я посмотрел на нее с новым интересом.

— Ты получила хорошее образование. Наверное, все было именно так, как ты говоришь. Но все-таки я в это не могу поверить. Люди из мафии способны на многое, но я уверено: они не потерпят, чтобы ими всеми руководил такой человек. Это же просто абсурд! А может, он самозванец?

— Все может быть, но от этого твоя задача не становится проще. Знаешь, что я думаю?

— Нет, я не знаю, что ты думаешь.

— Я думаю вот что. Если и правда существует эта самая твоя мафия, то они прекрасно осведомлены о других синдикатах — например о банде Толстяка Ковентри в Техасе. Если у них появляется новый босс, то зачем им его так подставлять? Почему им не найти кого-нибудь, чтобы отвлечь противника, а затем они спокойно разберутся со всеми, кто попробует им противостоять.

— Ничего безумнее я в жизни не слышал.

— Это только предположение, Харви. Бедняжка Синтия.

— Надо ее разыскать. Такой брак можно аннулировать.

— Все равно она бедняжка, — повторила Люсиль.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Было еще довольно рано, когда во вторник мы приземлились в аэропорту Ла Гардиа. Келли приклеился к нам, как ярлык к чемодану, а Люсиль по-прежнему ворчала, что не понимает, почему мы не связали наши планы с полицией.

— Потому что с полицией не связывают планов. В полицию являются с повинной или полиции сдаются.

— Может, тогда нам лучше сдаться, Харви?

— Харви Крим не сдается! — мрачно возвестил я.

— Господи, Харви, они же на нашей стороне. Они тоже хотят разыскать Синтию. Почему бы нам не помочь им?

— Во-первых, только та помощь ценится полицией, каковая...

— Какая сложная фраза, Харви...

— Какая разница. Главное, что ты меня понял.

— Если ты считаешь, что синтаксис не имеет

никакого значения, Харви, то, стало быть, мы потеряли способность общения.

— Ладно. От общения с подонками страдает, в первую очередь, синтаксис. Это тебя удовлетворяет? Я приношу свои глубокие извинения, если выразился неизящно.

— Харви!

— Ну, ладно. Буду с тобой совершенно прямо и откровенно. Ты, наверное, слышала, как я жаловался на моего босса Алекса Хантера и язвенника лейтенанта Ротшильда, но они агнцы по сравнению с мистером Гомером Смедли, вице-президентом третьей в мире страховой компании. И если люди думают...

— Вон такси, Харви, — перебила меня Люсиль.

Мы сели в такси, а Келли в следующую машину. Я дал водителю десятку и сказал:

— Это на чай. Я дам еще пятерку в дополнение к тому, что будет на счетчике. Мы едем в отель «Риц-хэмптон», что на Мэдисон-авеню.

— Кого прикажете убить, мистер? — радостно осведомился таксист.

— Решай сам. Видишь зеленую машину за нами?

— Да.

— Можешь ее потерять?

— За десять долларов я потеряю Джона Эдгара Гувера¹ и сорок его ребят. Спите спокойно.

Машина рванула вперед, а Люсиль мне напомнила, что я обещал рассказать ей о Гомере Смедли.

— Знаешь, кто правит компанией? — спросил я. — И знаешь, с чем страховая компания имеет дело? С деньгами. А что любят мои шефы? Опять же деньги. Вышеупомянутый Гомер Смедли вручил мне чек на пятнадцать тысяч долларов, и я обещал за это представить ему Синтию целой и невредимой. А он мне сказал — цитирую дословно или почти дословно: «Если вы не найдете ее, Харви, то пожалеете, что родились на свет божий». Это может показаться пустым бахвальством, но надо знать Смедли. Ты понимаешь, на что он способен?

— Я понимаю, что этот наш водитель способен нас убить, причем он явно собирается это сделать в самое ближайшее время.

Я был готов признать, что либо он отличный шофер, либо полный псих. Пока мы обменивались репликами, он выехал со стоянки и поехал по пригородам к улице Квинза со скоростью шестьдесят миль в час. Зеленый «Додж» с Келли на борту отчаянно старался не отстать. Я душой болел за своего водителя, который и понятия не имел, что за ним гонится полицейский. Если его поймают, то он отсидит три месяца, да еще заплатит сотню долларов. Я понял, что мой долг прибавить ему еще пятерку.

— Скажем им до свидания, — хмыкнул он, и машина, резко свернув на двух колесах, оказалась у кладбища, там повернула направо, налево и понеслась по улице вдоль кладбища, которая была водителю, похоже, хорошо знакома. Затем он выскочил на еще

¹ В то время шеф ФБР

одну пригородную улицу, повернул один раз, другой, после чего вырулил на широкую, обсаженную деревьями улицу, с которой были хорошо видны силуэты Манхэттена. Вид был красивый, а Келли исчез, как будто его и не было в природе вовсе.

— Ты не жалеешь денег, когда хочешь организовать убийство, — заметила Люсиль. — Мы вполне могли пообедать в Плазе...

— Мы добились своего.

— То есть.

— Мы потеряли Келли.

— Раз уж мы оказались в Нью-Йорке, то я помогла бы тебе избавиться от нашего друга Келли тридцатью тремя способами, причем без риска свернуть себе шею. Но ты, как и все американские мужчины, с пленок смотрел телевизор...

— Дама, — подал голос шофер, — вы против богатства?

— А, лучше смотрите на дорогу, — раздраженно буркнула Люсиль.

— Дама, меня не надо учить, как водить машину. Но человек должен есть-пить, вот и приходится зарабатывать доллары тяжким трудом.

Я не сказал ни слова. Наконец, мы подъехали к отелю «Рицхэмптон».

— Слава Богу и за это, — сказала Люсиль.

— За что же?

— Мы живы.

— Да, да, — рассеянно отозвался я, думая о своем офисе, где не был со вчерашнего дня. Если позвонить

Хантеру, то он попытается прямо по телефону оторвать мне уши за то, что я исчез, и потребовать, чтобы я немедленно появился в компании. Но если не звонить, никаких вопросов не возникнет, и я спокойно смогу продолжать поиски. Поэтому мы вошли в вестибюль отеля, и я позвонил из автомата Мейзи Гилман, которая всегда в курсе всех дел. Люсиль ждала меня у будки. Она, похоже, вообще забыла о своей библиотеке. Затем откуда ни возьмись появился появился местный детектив Майк Джекоби. Я заметил, как он переменился в лице, увидев Люсиль. Я одновременно слушал, как он объясняется с Люсиль, и внимал Мейзи Гилман, очень хотевшей понять, где меня носит нелегкая.

— В Канаде. Так и передайте Хантеру. Я иду по горячим следам. А что случилось-то?

— Да ничего, — сказала Мейзи, — кроме того, что Хантер не находит себе места и глубоко сожалеет, что не может вас заполучить.

— Передайте, что я ему позвоню попозже, — сказал я.

— Это его не удовлетворит.

— Тогда пусть застрелится.

Но от Мейзи было не так легко отделаться, и пока она подробно рассказывала мне о происходящем в фирме, Джекоби и Люсиль поглощенно о чем-то беседовали. Увы, я не мог понять, о чем именно. Затем Джекоби вдруг поклонился, поцеловал Люсиль руку и

удалился. Кажется, я повесил трубку, не дослушав щебет Мейзи. Я вышел из будки и спросил Люсиль:

— Не подводит ли меня мое зрение?

— А что такое ты увидел?

— Я видел, как этот мозгляк целовал тебе руку.

— Да, и, по-моему, это очень неплохой европейский обычай.

— Ньюарк, штат Нью-Джерси, — вот его Европа. А куда он делся? Я хочу с ним потолковать.

— Его должны обработать бритвой.

— Бритвой?

— Да, это особый вид стрижки. Стоит три доллара. Он стрижется два раза в месяц — причем, раз в месяц — бритвой.

— Отлично. Я рад, что тебе так хорошо известны его обычаи. Но я хочу поговорить с ним немедленно.

— Я уже говорила с ним, Харви.

— Причем тут ты? Я хочу задать ему кое-какие вопросы. Например, не возвращались ли в отель Синтия с этим графом. Черт возьми, у меня к нему два десятка вопросов.

— Ну, конечно, они вернулись. Это лишний раз показывает, какой ты умный. Мне бы и в голову не пришло искать их здесь. Но они вернулись, словно почтовые голуби.

— И что?

— И ничего. Они наверху, в номере для новобрачных.

— Прямо сейчас?

— Ну, конечно. Как здорово, Харви. Я о том, что ты заработаешь массу денег.

— Причем тут деньги? — удивленно воззрился я на Люсиль.

— Разве мы не работаем вместе?

— По-моему, тебе пора перестать симулировать и вернуться в библиотеку. Когда вернется Джекоби?

— Сразу, как подстрижется. Он собирался на ланч. Он приглашал меня составить ему компанию. Он обещал сводить меня в «Колони». Он сказал, что готов поспорить: ты никогда не приглашал меня туда.

— Он великий гостиничный сыщик. Рыщет по всем отелям. Это уж точно. Ну ладно, можешь постоять здесь или возвращайся на работу. А я иду в номер для новобрачных.

Люсиль схватила меня за руку, посмотрела в глаза и холодно сказала:

— Только попробуй, Харви Крим. После того, как я прошла с тобой весь путь, ты вдруг бросаешь меня. На такое способен не человек, а крыса.

— Я думаю о твоей безопасности.

— Либо я иду с тобой, либо закатываю при всех скандал.

— Ты этого не сделаешь.

— Хочешь проверить? — осведомилась Люсиль.

Мы подошли к лифту и я сказал лифтеру:

— Семнадцатый этаж. Номер для новобрачных.

— О вас докладывали? — осведомился лифтер.

— Вне всякого сомнения, — отозвался я и мысленно решил потом объяснить Люсиль, что хладнокровие и уверенность способны творить чудеса. На семнадцатом этаже был холл и три двери.

— Средняя дверь ведет в номер для новобрачных, — пояснил лифтер. — Правая — в президентский, левая — в номер для бизнесменов.

— Есть тут кто-нибудь, кроме графа с его молодой женой?

— В их номере никого. Но в президентском разные странные люди.

— Только не говорите мне, что там президент.

— В этом отеле он не остановится. Если тут что-то и есть президентское, то разве что цена.

Его физиономия сияла, и хотя он был непрочь постоять и полюбоваться внешностью Люсиль и моим остроумием, дела позвали его, и он уехал. Просто удивительно, сколько народу получало удовольствие от одного вида Люсиль.

— Ну что ж, — сказал я ей. — Синтия, стало быть вернулась.

— Харви, — начала Люсиль, взяв меня за руку. В ее голосе послышались какие-то новые нотки, и я удивленно посмотрел на нее.

— Харви, тут что-то не так.

— Почему это?

— Неужели тебя ничего не смущает? Нет, тут что-то явно не так. Должны быть голоса, музыка, а я ничего не слышу.

— Хорошая звукоизоляция, — пояснил я. — В маленьком фойе имелся толстый ковер, стены были обиты синтетически расписанными обоями, в углу стояла скамейка в неогреческом стиле и маленький

столик, а на нем ваза со свежими цветами. Шикарная обстановочка.

— Не слишком ли легко нас сюда впустили? — спросила меня Люсиль.

— Лифт — великое дело.

— Харви, не хохми. У тебя есть оружие?

— Ты с ума сошла. Зачем оно мне?

— Но ты ведь частный сыщик, — не унималась Люсиль. — А частные сыщики носят при себе оружие.

— Я расследователь страховой компании.

— Харви, давай дождемся Джекоби.

— Джекоби! Это же курам на смех! Великий оперативник. Ну его — с его европейскими манерами.

— Бога ради, Харви, не надо шутить. Я никак не могу взять в толк, почему нам нельзя было обратиться к сержанту Келли и лейтенанту Ротшильду? Зачем тогда вообще полиция? Я еще не видела ни одного фильма, где беды можно было бы избежать, не позвав полицию. Знаешь, по ходу действия наступает такой момент, где все зрители с двумя извилинами бормочут: «Ну, скорее, позвоните в полицию!» Но нет, идиот-герой, придуманный умниками из Голливуда, об этом и слышать не желает. Вместо этого он храбро шагает навстречу беде и бац!

— Я же говорил тебе: подожди меня внизу, — сердито прошипел я.

— Ладно, Харви, я больше не буду.

У двери был декоративный медный молоток. Я трижды постучал, и не успели стихнуть мелодичные звуки, как дверь открылась, и я вошел. Люсиль вошла

за мной, и дверь за нами закрылась. У дверей возник высокий загорелый человек. Рост его был шесть футов два дюйма, никак не меньше. На нем был серый пиджак, узкие брюки, ковбойские тисненные серебром сапоги и широкополая ковбойская шляпа. В руке у него был пистолет сорок пятого калибра, снабженный глушителем. Он улыбнулся, не разжимая губ, затем кивнул и, махнув рукой с пистолетом, пригласил нас в гостиную. Возможно, вы не имели возможности убедиться, до чего выразительными бывают эти короткие взмахи руки с пистолетом, но уж поверьте мне на слово. По ней можно четко представить себе, в каких отношениях с оружием находится этот человек. Встретивший нас молодец, смею вас уверить, был с ним на короткой ноге. Он давно и крепко дружил со всем, что стреляет. Так, по крайней мере, мне показалось, и я не испытал ни малейшей потребности проверять мои догадки на практике. Я послушно вошел в гостинную. Люсиль за мной.

В гостинной я увидел объект — или точнее, объекты — моего поиска. Высокая, хорошо сложенная молодая женщина сидела в кресле в состоянии полного ступора. На полу, вытянувшись во весь рост, лежал молодой человек. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы сказать: это был граф Гамбион де Фонти, он же Валенто Корсика. Это был ухоженный и вполне пригожий молодой человек. В петлице у него была белая гвоздика, что делало его похожим на упавший на пол манекен, из тех, что красуются в витринах универмагов. Но из манекена не может

хлынуть кровь, а у этого человека на полу из трех пулевых ран в груди обильно текла кровь.

В комнате было еще четверо мужчин, один из них отличался невероятной тучностью. «Толстяк Ковентри» — мелькнуло в моем мозгу. Странное имя... И тут я вспомнил, что говорил мне Ротшильд.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Толстяк указал на пустой диванчик и сказал, гнусаво растягивая слова:

— Присаживайтесь, ребята. Можете расслабиться. У нас тут дружеская встреча.

Мы сели на диван. Синтия Брендон вышла из свое-

го ступора, посмотрела на нас, а я спросил:

— Вы Синтия Брендон?

Она вдруг начала рыдать. Люсиль дотронулась своей рукой до моей и шепнула:

— Харви, мне страшно!

— Ну что ты, детка, — сказал толстяк, — ты среди джентльменов старой южной школы. Беспокоиться не надо.

Трое остальных теперь встали и по кивку толстяка подошли к нам.

— Обыскать его, — распорядился тот.

— У меня нет оружия, — сообщил я.

Но меня быстро и умело обыскали.

— Сумочку дамы, — распорядился толстяк.

Они изучили содержимое сумочки Люсиль.

— Все чисто, — доложил высокий улыбчивый человек, впусивший нас.

Они были одеты одинаково — серые фланелевые пиджаки с подбитыми ватой плечами, узкие брюки. У каждого были ковбойские сапоги, галстуки шнурком и бриллиантовые перстни. Лишь один был невысок и совсем юн. Прочие же ростом удались на славу, им было между тридцатью пятью и сорока.

— Я — Толстяк Ковентри, — сообщил главный, — ты, наверное, успел про меня послушаться, братец Крим?

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я верю в то, что всегда надо знать самое необходимое, братец. А теперь я представлю тебе мальчиков. Джентльмен, впусивший вас, известен, как Джо Эрп, Потомок. Никакого отношения к миллионерам Эрпам, но какой-то остряк назвал его Потомком, и прозвище осталось. Там вон Джек Сэлби, мы зовем его Рино, а вон тот бледный — Фредди Апсон, он же Призрак. Ну а это — Малыш Билли. Но пусть его габариты не вводят тебя в заблуждение, братец Крим. Ну-ка, Билли, сколько человек ты убил?

— Девятнадцать.

— А сколько тебе годков?

— Девятнадцать.

— Когда тебе исполнится двадцать, Билли?

— Завтра.

— Ну что, будешь отмечать день рождения новыми победами?

— Запросто.

— Кто у тебя девятнадцатый?

— А вон тот иностранный сукин сын, что валяется на полу.

Синтия издала отчаянный вопль.

— Замолчи, солнышко, — велел толстяк. — Кто будет твоим двадцатым?

— А вон та сволочь, что сидит на диване. Но, по правилам, это надо сделать завтра, правда, мистер Ковентри?

— Сущая правда, Билли. Ты у меня умница.

— Как вы можете оставить его?! — вскричала Люсиль. — Как вы можете сидеть и трепаться, когда он умирает?!

— Мысль хорошая, — одобрил толстяк. — Ну-ка, ребята, отнесите его на кухню или куда-то еще и положите в шкаф, что ли...

Эрп и Апсон взяли графа за руки — за ноги и вынесли из комнаты.

Люсиль глубоко вздохнула, взяла меня за руку и сказала толстяку:

— Вы удивительный человек, мистер Ковентри. Вы совершенно аморальный тип.

— Какое же клеймо вы собираетесь на меня поставить, мисси? — добродушно осведомился Ковентри.

— И не смейте называть меня мисси!

В этот момент я произнес глупую фразу из телесе-

риала о гангстере. Я был то ли перепуган, то ли ошарашен, но сказал следующее:

— Неужели вы думаете, это сойдет вам так с рук? — а когда Люсиль удивленно посмотрела на меня, добавил: — Черт возьми, мы же в Нью-Йорке, на Мэдисон-авеню. В отеле «Рицхэмптон». Вы что, психи?

Толстяк весело покивал головой:

— Ты просто чудо, сынок. Этот отель принадлежит мне.

— Как это так?

— Очень просто. Купил его пару месяцев назад — за семь миллионов долларов. Что скажешь, Большой Джо? — обратился он к Эрпу. — Это святая правда или гнусная ложь?

— Это святая правда, — отозвался Эрп.

— Но Джекоби... — Вы знаете Джекоби, местного детектива? — спросил толстяк.

Я тупо кивнул головой.

— Так вот, он работает на меня. Услужливый молодой человек, хотя и звезд с неба не хватает. Я — его босс. Потому-то он у меня такой услужливый.

— Вам не за чем нас убивать, — сказала Люсиль. — Мы не видели, как вы убили графа.

— Графа? Детка, он никакой не граф. Он глава организации, которую называют мафией. Слыхали о мафии, мисси?

Люсиль посмотрела на меня, а я — на нее.

— Господи, я до смерти напугана, — тихо прошептала она.

Толстяк ослабился и сказал человеку по кличке Ринго:

— Не сбегашь на кухню, Ринго, за бутылочкой пепси? — Ринго потопал на кухню, а Ковентри пояснил мне: — Приходится, понимаешь, следить за своим весом. Раньше я на это не обращал никакого внимания, но нынче принято уважать этот вот холестерин.

Тут появился Ринго с пепси, Ковентри без лишних церемоний взял бутылку и одним длинным глотком осушил ее до дна. Потом осторожно отставил бутылку в сторону, похлопал себя по животу и сказал, что в безалкогольных напитках есть что-то уютное и истинно американское:

— Прямо как яблочный пирог. Когда мы выходим на дело, я не разрешаю ребятам ничего крепкого. Ни за что и никогда. Работа и спиртное плохо сочетаются. Другое дело — безалкогольные напитки. Работник всегда имеет право промочить пересохшее горло, верно, Харви?

Харви! Я кивнул и внимательно посмотрел на него. Его ковбойские манеры сильно попахивали Голливудом. Он устраивал мне представление, но вот его «работники» были явно мастерами своего дела и вооружены были явно не ковбойскими пушками, а современным оружием с отличными глушителями. Работники, как он называл их, отличались отличной выучкой, да и он был отнюдь не провинциальным бандитом, случайно оказавшимся в большом городе.

— Можешь успокоить свою подружку — мы не

собираемся вас казнить — по крайней мере, завтра. Нашему Билли, конечно, не терпится отпраздновать свой день рождения, но за год у него будет много возможностей поставить новую зарубку на своем оружии.

— Харви? — вопросительно прошептала Люсиль, на что я ответил:

— Успокойся, по-моему, он говорит, что думает. Не волнуйся.

— Ты мне нравишься, Харви, — продолжал Ковентри. — Я тебе точно говорю.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Подумаешь, большая тайна. Я же говорил, Джекоби работает на меня. Нет, нет, он понятия не имеет, кто я такой. Он хороший, честный мальчик. Но я знаю о тебе многое. Например, что ты самый ловкий сыщик по страховым делам, и об этой твоей подружке тоже знаю: зовут ее Люсиль Демпси, и окончила она этот самый Радклиффовский колледж, что в Гарварде, или где он там, и что нынче она работает в Публичной библиотеке Нью-Йорка, все это мне рассказал Джекоби — между прочим, он прямо-таки без ума от твоей подружки.

— Кого еще вы знаете? — спросил я.

— Ты будешь удивляться, Харви, но я знаю и этого иностранца, которого убили мои ребята — куда вы, кстати, его дели?

— Сунули в ларь для грязного белья, — сообщил Джо Эрп.

— Ну и хорошо. Так вот, что его звали Валенто

Корсика, он же граф Гамбион де Фонти, и что он главный человек в мафии.

Синтия Брендон издала пронзительный вопль, потом внезапно замолкла и сказала совершенно нормальным голосом:

— Все это неправда, — и тяжело задышала.

— Что неправда, дорогая? — осведомился Ковентри.

— Что он был главой мафии. Он был графом. Ему заплатили десять тысяч за это... а вы его убили... Вы жестокие животные... и я никогда не любила Техас... Ведь именно оттуда родом мой отец.

— Успокойся, детка, — мягко сказал Ковентри. — Не надо так волноваться по пустякам. Техас тут не причем. Все дело в том, что нью-йоркская мафия совсем распоясалась: пора честным гражданам призвать мерзавцев к порядку. Мы хотим напомнить мафии: их дни сочтены. Это пока только первый шаг.

— Вы хотите сказать, что за этим и приехали в Нью-Йорк? — осведомился я.

— Господи, Харви, конечно, нет. У нас самые разные дела и интересы в Нью-Йорке, но когда мафия начала протягивать свои щупальца к этому отелю и пожелала его купить, я забеспокоился. У нас и раньше бывали недоразумения с мафией. Им невдомек, что мы владеем этой хижинкой. Видишь ли, им нравится местоположение. Я наставил в номерах «жучков». Конечно, я не прослушивал все разговоры, боже упаси, но дама Фортуна нам улыбнулась, и я узнал, что они замыслили внедрить сюда какого-то

поддельного графа и женить его на настоящей американке, да еще из Техаса. Разве это джентльменский поступок, скажи мне, Харви?

— Нет, конечно, — уверил его я.

— Он-то был истинным джентльменом, каким вам не быть никогда, — подала голос Синтия, вытирая глаза кружевным платочком. Теперь я мог получше ее разглядеть. Надо сказать, она была запоминающейся наружностью — рыжая и, по-своему, очень даже привлекательная: длиннолицая, длинноногая.

— Он может позволить себе любезничать с вами, — пояснила мне Синтия. — Только я видела, как этот крысенок убил бедного графа.

Малыш Билли только ухмыльнулся.

— Поэтому, если кого ему и придется убрать, так это меня. И если вы думаете, что я хоть минуту радовалась тому, что у меня богатый отец, мистер...

— Крим, — подсказал я, — но можете звать меня Харви.

— Ах, ах, зовите меня Харви, — передразнила меня шепотом Люсиль.

— Господи, что вы так волнуетесь, мисси, — сказал толстяк. — Билли уже выполнил обязательства по девятнадцати контрактам. Как говорится, все равно, за что висеть на виселице — что за овцу, что за корову. Ты со мной не согласен, сынок? — спросил он Билли.

Билли снова ухмыльнулся. Он изучал обивку кресла и ковырял ее ногтем.

— Знаете что, мистер Ковентри, — вдруг сказал он.

— А мне нравится это кресло. Нельзя ли отправить его ко мне в Техас?

— Почему нельзя, Билли, можно.

Толстяк улыбнулся, а за ним и остальные. Они явно любили своего талантливую юнца.

— Знаете, что еще бы мне хотелось, мистер Ковентри? — спросил то.

— Ну чего, Билли?

— Еще мне хотелось бы разложить на диване эту длинноногую рыжую стерву и как следует ее оттрахать.

— И это, наверное, можно устроить.

— Только через мой труп, — сказала Синтия.

— Поживем, увидим. Я уже говорил, что у меня нет намерений ликвидировать кого-нибудь из вас, а ты начинаешь дерзить. Я не люблю дерзких девчонок. Советую обратить внимание на слова Билли. Он парень уважительный...

— Послушайте, мистер Ковентри, — принял я его намеки сведению, — Не могу выразить, какое облегчение доставляет мне ваше философское отношение к происходящему. Поскольку вы знаете обо мне все, нет смысла пытаться ввести вас в заблуждение. У меня есть одна-единственная цель — доставить Синтию Брендон домой целой и невредимой.

— Я так и думал, Харви. Девушка крепко застрахована, да?

— Застрахована, — согласился я. — Но вы же знаете, что такое страховые компании, мистер Ко-

вентри. Они ни за что не станут платить страховку, если только найдут какую-то зацепку.

— Ну конечно, Харви. Кстати, у меня у самого есть маленькая страховая компания в Далласе. Но, Харви, ты уж говори дело, дружок. Не хочешь же ты сказать, что я так просто возьму и выпущу вас троих.

— Именно это я, вообще-то, и имел ввиду.

— Харви!

— Ну, конечно, мы могли бы дать вам слово...

— Харви!!

— Черт возьми, что же вы тогда хотите с нами сделать?

Некоторое время толстяк пребывал в размышлениях, потом сказал:

— Начнем с начала, Харви. Как говорится, рука руку моет. У тебя свои интересы, у меня свои. Помоги мне, и я помогу тебе. Ты хочешь заполучить Синтию. Ну, а я хочу кое-что взамен. Да, да.

— Если у вас есть деловое предложение, я готов его выслушать.

Обе женщины уставились на меня. Мне стало интересно, что они подумали, но догадок у меня не было. Люсиль посмотрела на меня, потом на Ковентри, потом опять на меня, потом обвела взглядом комнату, украшенную техасскими бандитами. Синтия смотрела только на меня. Я поглядел на Ковентри, а затем на Малыша Билли, который свернулся клубочком в кресле, словно большая кошка. Кобура с пистолетом выпирала из-под его пиджака.

— Имей ввиду, Харви, — сказал Ковентри, —

что я не могу отпустить вас просто так, когда у меня в ящике для грязного белья валяется Валенто Корсика.

Я пожал плечами, а Синтия крикнула:

— Никакой он не Валенто Корсика!

— Значит, я должен выбросить труп в реку, потом найти на этот отель покупателя, завершить свои дела в Нью-Йорке и убраться восвояси. Но это же жуткие хлопоты. А все из-за вас, Харви. Поэтому, самое разумное, что мне остается сделать — это убить и вас троих и отправить в воду, вслед за графом.

— Но у вас, кажется, есть другое предложение?

— Суцая правда, Харви. Я готов к честной сделке. По-настоящему, мне следовало бы перекинуть вас троих в Техас и устроить вам отдых на ранчо — с недельку-другую, пока улягутся все страсти... Но вы, городские жители, никогда не можете выкроить время для такого полезного, целебного отдыха.

— Что же вы хотите?

— Не денег, Харви. Что такое для меня просить выкуп за эту молодую особу, — так пустяки. Да и вообще киднеппинг — занятие для сопляков. Мне нужен настоящий товар, и я надеюсь, ты, дружок, выведешь меня на него.

— Серьезно?

— Ну да. Никогда не слышал о такой штуке: «Аристотель созерцает бюст Гомера».

— Что, что?

Четверо бандитов радостно осклабились.

— Да, да, Харви, — холодно пояснила Люсиль. Но

мне ее объяснение было ни к чему. Я уже и так понял, к чему клонит толстяк, и слушал его внимательно.

— Картина висит в музее «Метрополитен», — продолжала Люсиль. — За нее заплатили два миллиона долларов.

— Истинная правда, — подтвердил толстяк. — У тебя очень даже сообразительная подружка. Она, картина то бишь, именно там и находится. Я слышал, что ваша компания имеет дело с этой организацией.

— Бросьте, мистер Ковентри, — сказал я. — В мире не существует такой компании, у которой хватило бы средств застраховать музей «Метрополитен». Кое-что страхуем мы, а кое-что еще с десятков других компаний. Мы заключаем договор, потом он истекает, потом снова заключаем, потому как еще не придумали такую счетную машинку, которая могла бы складывать те доллары и центы, какие стоят все штучки в этом здании на Пятой авеню.

— Я это знаю, Харви, — улыбнулся толстяк. — Но для меня важно не то, на сколько они у вас застрахованы, а то, что вы — и ты, Харви, в частности, — и знаете, как у них работает служба безопасности. Мне не нужен весь музей. Мне хватит одной старой картинки, потому как в Техасе появился клиент — он готов выложить пять миллионов, если я достану ее ему. Ну, а пять миллионов долларов, да без налогов, Харви, — это тебе не баран чихал. Никак нет, сэр!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Если и существует нечто, объединяющее всех толстых людей, это их понимание того, что человеку нужно питаться. Ковентри не поспешил на ланч для нас троих. Шампанское, четыре вида сэндвичей, салат, сыр, свежие фрукты, красное

вино для желающих, кофе, печенье, пирожные. И еще бутылка бренди. Все это вкатил на столике в гостиную Малыш Билли. Когда я предложил ему угощаться, он только покачал головой и сказал:

— Я не ем с гостями. Я всего-навсего помощник.

Честный и скромный юноша! Они нас оставили одних. Но когда я подошел к задней двери, там стоял Ринго и ковырял во рту зубочисткой. Когда я высунул голову из парадного входа, то увидел в коридоре Малыша Билли, практиковавшегося в умении быстро вынимать пистолет из кобуры.

— С этими пистолетами одна морока, — пожало-

вался он мне. — да еще глушитель! А вы какое оружие предпочитаете, мистер Крим?

— Ригли¹, — сказал я, захлопнул дверь и попытался проверить, не работает ли телефон. Он, разумеется, не работал.

Люсиль наливала себе шампанского и уговаривала Синтию съесть сэндвич. Она сделала паузу и предложила мне попробовать позвонить в полицию.

— Хорошая мысль, — одобрил я.

— Неужели ты думаешь, я буду есть сэндвичи, когда бедный Гамбион валяется в ящике. Что, по-твоему, у меня совсем нет сердца? Ты хуже моей матери!

— Гамбион больше не в ящике, — информировал я Синтию. — Они завернули его в простыню и спустили его по шахте для грязного белья. Сейчас он, наверное, уже на дне речном.

— Как вы можете даже говорить такое!

— Я только пытаюсь улучшить ваш аппетит, Синтия. Лично я помираю от голода.

Я взял сэндвич и съел в два приема. Осушил бокал шампанского и закусил еще одним сэндвичем. Сэндвичи были вкусные, но маленькие.

— Откуда тебе это известно? — удивилась Люсиль.

— Что именно?

— Насчет Корсики.

— Он никакой не Корсика, — воскликнула Синтия. — Ну почему вы меня не слушаете?

— Это мне сказал Ковентри, — ответил я Люсиль,

¹ Сорт жевательной резинки

а затем спросил Синтию: — Откуда вам известно, что он не Корсика?

— Бедняга не выдержал и все мне рассказал. Он нищий младший сын нищего графа. У него не выдержали нервы, и мы так и не поженились, но он проделал все, что от него требовалось. Он был вполне симпатичный, хотя и любил не девочек, а мальчиков, но это вина не его, а его мамы! Ему дали денег, чтобы он прошел через компьютерный тест, им надо было сбить со следа иммиграционные службы и полицию. Он мне даже нравился, бедняжка, и вдруг на тебе!

— Съешьте что-нибудь. Вам станет легче, — посоветовал я.

Синтия начала с шампанского. Выпив два стакана, словно это была вода, она взялась за сэндвичи. При всей своей худобе аппетит у нее оказался очень даже неплохим, и горка сэндвичей стала заметно уменьшаться. Она пояснила Люсиль, что привычка говорить с набитым ртом появилась у нее еще в школе.

— Вот вам и радость от того, что у тебя богатые родители. Надо же, швырнуть его в шахту для грязного белья!

— Не надо играть в кошки-мышки с законом. Ему нужно было дважды подумать.

— Вы все еще мне не верите?

— Может, верим, может, нет. Кто знает? — Я немного подумал и сказал: — Какая разница? Он взял

от них деньги. А потом случилось то, что должно было случиться.

— Ладно, Харви, — перебила меня Люсиль. — Не надо читать нотаций. Ты что, будешь им помогать? Я имею ввиду безумный план ограбить «Метрополитен»?

— Да, — сказал я, — буду.

— Прелесть! Просто прелесть!

— Слушай, — отозвался я. — Пора бы вам, девочкам, как следует пораскинуть мозгами. Если я не соглашусь, он поубивает всех нас. Если я помогу ему, в благодарность он, глядишь, даст нам шанс выжить. Вот такие дела. — Я вынул свой блокнот, написал на нем: «Неужели не понятно, что комната прослушивается?» Показав запись им обеим, я прибавил: «Будем обманывать их», потом пошел в туалет и там, порвав страницу, спустил ее в унитаз. Когда я вернулся, Синтия устремила на меня задумчивый взгляд.

— Ему тридцать шесть лет, — холодно заметила про меня Люсиль. — Стало быть, ему на шестнадцать лет больше, чем тебе, Синтия. Более того, он разведен, ненадежен, беден, а также неуравновешен. Про него говорят, что он очень смекалист, но пока он согласился помочь ограбить музей искусств «Метрополитен». Это наводит на печальные мысли.

— По-моему, он просто прелесть, — заметила Синтия.

В этот момент зазвонил звонок в дверь. Я бросился к дверям в надежде, что увижу там страдающее от

язвы лицо лейтенанта Ротшильда. Но на пороге стоял Толстяк Ковентри.

— Девочки будут в целости и сохранности, — объявил он. — Тут есть цветной телевизор с большим экраном. Сюда доставят газеты с журналами, так что, я думаю, они прекрасно проведут время. Ну, а ты, Харви, пойдешь с нами — сейчас проверим, какие сигналы посылают нам костры.

Под голливудско-ковбойскими интонациями, похоже, пряталось бруклинское происхождение — впрочем, пряталось неплохо. У Ковентри были удивительно маленькие ножки, и он смешно семенил ими, топая ковбойскими сапогами, вызывая у меня в памяти какие-то смутные ощущения. Мы вышли из номера для новобрачных и перешли в президентский — это оказались вполне впечатляющие апартаменты. Там было полно столиков красного дерева с гнутыми ножками, позолоченных зеркал и фальшивых обюссоновских ковров, бледно-голубых, с оторочкой цвета слоновой кости.

Ковентри с гордостью демонстрировал мне все это великолепие, хотя и признал, что пока еще ни один президент США не спал в этом номере.

— Когда в Белый дом приходит президент из Техаса, Харви, — посетовал толстяк, — начинаешь думать, а почему бы ему не дать немного подзаработать земляку, но нет, он останавливается в «Карлайле».

Сигналы от костров пришлось обсуждать в кабинете, где тон задавала черная кожа кресел и диванов, и

друг на друга глядели бюсты Джорджа Вашингтона и Бенджамина Франклина.

Помощники, то есть Джо Эрп и Фредди Апсон, сидели без пиджаков, а двое других несли караул — под пиджаками бугрились пистолеты сорок пятого калибра, а в руках у них были стаканы с «панателлой» чтобы подсластить горечь выпитых «бурбонов». Мне предложили те же самые напитки, а потом Ковентри призвал собравшихся к порядку одним простым вопросом:

— Ну что, Харви, можно ограбить «Метрополитен»?

— Ограбить можно что угодно, если приложить достаточно силы и ума. Сейф, недоступный для грабителей — это миф. Что запер один человек, может открыть другой.

— Мне нравится твой ответ, — похвалил меня Ковентри. — Честное благородное слово, нравится. Впрочем, иного я не ждал от человека такой профессии. Но как это сделать?

— Вы хотите попасть в музей после его закрытия? — спросил я. — Наверное, вы уже все как следует осмотрели.

Ковентри кивнул в сторону Апсона и сказал:

— На счету Фредди столько ограблений, сколько звезд на небе. Конечно, Харви, он уже все посмотрел. Скажи ему, что ты на этот счет думаешь, Фредди.

Фредди вытянул ноги и, растягивая слова, сказал:

— По мне, так туда может залезть и ребенок.

— Но как?

— Самое простое — это через первый этаж. У них там тоже что-то вроде музея. Знаешь его?

Я кивнул.

— Так вот, там есть вход с автостоянки. Двойная дверь, которую можно открыть парой ножниц. Первая дверь из стекла в дюйм толщиной. У каждой двери цилиндрический замок. Если бы у меня не оказалось ключей, можно открыть замки отмычкой или вырвать клещами. Любой из способов займет не больше пол-минуты. Внутренняя дверь деревянная, толщиной два дюйма с такими же замками. Если все идет гладко, я проникаю внутрь за полторы минуты. Если возникают осложнения — за две. Затем я попадаю в довольно длинный зал, где у них разные старинные хибары, которые у них называются парфеноны что-ли, или как-то там еще. Дома, в которых жили древние боги. Надо пройти через него, подняться по лестнице, свернуть налево, и вы попадаете в главный вестибюль. Оттуда надо подняться по большой лестнице вверх в итальянский зал, потом направо, в третьем зале свернуть налево, и вы оказываетесь в зале, где висит эта самая картина. Остается только взять ее под мышку и удалиться.

— Ну, что ты скажешь на это, Харви? — спросил Ковентри.

— Он прав. Попасть туда нетрудно.

— Так-то оно так, Харви, а как выбраться?

— В том-то вся штука, — согласился я. — Выбраться нельзя.

— Разве что ты нас выведешь, Харви.

— Это исключено. Господи, вы представляете, что начнется, когда вы откроете самый первый замок?

— Для того-то ты нам и нужен, Харви, — удовлетворенно произнес толстяк. — Так что же начнется?

— Разомкнется цепь. В этом, собственно, и состоит основное различие между «Метрополитеном» и, скажем, Музеем национальной истории. Оно определяется разницей в страховке. Не то чтобы в Музее национальной истории не было ничего ценного, но просто эти ценности не очень-то продашь, да и вообще у тамошней администрации своя особая точка зрения. Вот потому-то хулиганам из Флориды удалось туда забраться и вынести алмазы. Никто не связывал национальную историю с алмазами — в том числе, и администрация музея. Но в «Метрополитене» все иначе: одна-единственная картина может потянуть на рынке на пять с лишним миллионов долларов. Нельзя ограбить Форт-Нокс. Нельзя ограбить «Метрополитен». Все входы, выходы, двери, окна, шахты, люки снабжены электронной сигнальной системой. Такие дела.

— Ладно, — улыбнулся Ковентри. — Мы взламываем первый замок, и что происходит?

— Для начала, в центральной службе безопасности есть табло.

Да. Правда, в музее, в подвальном этаже. Начинает мигать лампочка, она указывает место, где что-то не так. Дежурный сразу понимает одно: цепь разомкнулась. Когда вы открываете вторую дверь, он уже понимает, что имеет место умышленное вторжение.

Но уже до этого он связывается по радиисвязи с охранником в крыле филиала музея, предупреждает его о случившемся и просит выяснить, в чем дело, в передней части музея. В выставочной галерее находится еще один охранник, по ночам он охраняет греческий и этрусский залы. Он получит сигнал тревоги по своему передатчику и вместе с охранником центральной части спустится вниз. К этому моменту им уже будет известно, что имеет место попытка проникновения в музей, и они имеют право применять оружие. Ваши техасцы, конечно, ребята ловкие, но и те свое дело знают.

— Выходит, может начаться маленькая война? — спросил Ковентри.

— Вот именно, — сказал я. — Но я описал вам только то, что случится в самом музее. Между тем, начальник охраны музея свяжется с городом. Возможно, с девятнадцатым участком. Он, возможно, включит прожектора у музея на Пятой авеню и, если это будет после полуночи, то любая патрульная машина обязательно остановится, и полицейские пойдут выяснять, в чем дело. Он также может включить полный свет в музее и привести в действие сирену. Но даже если он ничего этого не сделает, разомкнутая цепь сигнализации все прекрасно расскажет ребятам из девятнадцатого участка, а может, и в агентстве Пинкертон. На «Метрополитен» работают и пинкертонцы, и шерлоки холмсы.

— Неплохо устроились, Харви, ничего не скажешь! — фыркнул Ковентри.

— Это точно, но и это еще не все. Где-то в зале античной архитектуры спрятан электронный глаз. Если включить его и указать направление, то автоматическая камера сфотографирует вас, а если вы от нее каким-то чудом ускользнете, то вас снимут в одной из шести точек на пути к рембрандтовскому залу. Ваш маршрут будет отмечен на табло в комнате дежурного. Но до рембрандтовского зала вам все равно не добраться, потому что вас успеют ухлопать, или, по крайней мере, поднимется перестрелка. Даже если и в ней вы уцелеете, то здание будет окружено полусотней полицейских. А если и этого окажется мало, то еще подоспеет подмога. Такие вот дела. Надо трижды подумать, прежде чем идти грабить музей «Метрополитен».

— Но именно это мы и собираемся сделать, Харви. Потому как вариантов всего два: или эта самая картинка едет в Техас, или ты и эти две цыпочки отправляются на тот свет. Если ты думаешь, что я шутки шучу, то ты ошибаешься.

— Нет, сэр, — учтиво отозвался я. — Я понимаю: какие уж тут шутки.

— Тогда, дружище Харви, — сказал Ковентри, — придумай что-нибудь. Ты же сам сказал: что запер один человек, может отпереть другой, если приложить достаточно силы и ума. Ну, силенок у тебя маловато, а вот как с мозгами?

Я сидел, таранился на техасцев, а они глядели на меня с большим интересом и с каким-то уважением. Я самым авторитетным тоном поведал им о том, как

охраняется музей, но, признаться, это была чистой воды выдумка от начала до конца. Я и понятия не имел, что там у них на самом деле и разбирался в устройстве защитной сигнализации музея не больше, чем эти тexasские гориллы. Может, музей и впрямь использовал столь красочно описанные мной устройства, а может, и нет. Но если эти тexasские головорезы поверили в мои байки, не исключено, что нашлись глупцы, которые притворили их в жизнь.

Я никак не мог взять в толк, почему они решили, что детектив страховой компании может быть знаком с работой службы безопасности одного из крупнейших музеев мира. Может, потому что именно так это делается в Техасе, где страховой бизнес приносит почти такие же барыши, что и нефтяной. Но у нас все обстояло иначе. Мне удалось так ловко описать им внутреннее расположение залов, исключительно потому что Люсиль Демпси часто затаскивала меня в «Метрополитен» по воскресеньям, а у меня хорошая зрительная память. Я понятия не имел, что принесет мне этот блеф, кроме небольшого выигрыша во времени. Рано или поздно толстяк убьет всех нас; если он и притворяется, что может поступить иначе, то это лишь притворство и больше ничего. Так уж была устроена голова у толстяка, и он знал, что я знаю, как она устроена. Он понимал, что я всеми силами буду тянуть время и пытаться отсрочить роковой исход, надеясь, что подвернется какой-то шанс на избавление — и он знал, что я знаю, что он это знает. Он также знал, что я соглашусь помочь ему украсть эту

картину, потому как это был мой единственный шанс уцелеть. Он только не знал, что украсть ее мне не проще, чем стащить папскую тиару. Возможно, он верил в мою сообразительность. Что ж, он прав: с мозгами у меня дело обстоит не хуже, чем у него.

— Видишь ли, Харви, против нас две вещи... И если ты нам поможешь с ними разобраться...

— Всего только две? По-моему, их сорок две!

— Нет, нет, Харви. Всего-навсего две. Как войти в музей и как отключить сигнализацию. Только они, и больше ничего.

— Ну ладно, — сказал я. — Вас понял. С первым вопросом дело обстоит проще. Мы не можем проникнуть в музей, когда он закрыт, и до того как туда попадем, мы ничего не в состоянии сделать с сигнализацией. У нас только одна возможность: нам надо попасть в музей до его закрытия и хорошенько там спрятаться.

Лицо Джо Эрпа засияло от удовольствия. Ослабилась и Фредди Апсон. У меня стало как-то полегче на душе, когда я увидел, что хотя бы один из бандитов в состоянии улыбаться.

— Он ничего, босс! — заявил Джо Эрп. — Он, конечно, недоносок-коротыш, но мозги у него имеются.

— Хочу отметить для протокола, что мой рост пять футов десять дюймов и что, может, я маловат с точки зрения верзилы тexasца, но еще никогда и никто не называл меня недомерком.

— Может быть, — пробормотал толстяк. — А где же нам спрятаться, Харви.

— Ну, для этого мне надо немножко походить по музею, и подобрать что-нибудь подходящее.

— Ты совсем спятил, Харви? — удивленно воскликнул он, забыв свою ковбойскую роль. — Ты не выйдешь из этого отеля и не останешься без нашего присмотра, пока мы не провернем дело.

— Нет?

— Нет, Харви.

— Значит, придется пошевелить мозгами здесь и сейчас.

— Для этого-то мы с тобой и держим совет, Харви. Ты уж думай, и думай хорошенько. Иначе нам от тебя нет никакого проку. Иначе тебе прямая дорога в шахту, вслед за графом.

— Буду думать, — согласился я.

— Вот и молодец.

Я погрузился в десятиминутное раздумье. Они сидели и ждали. Думать было непросто. Если не верите, попробуйте сами. Возьмите план музея и отыщите место, где можно спрятаться, не привлекая ненужного внимания. Решение найти не просто, и оно должно быть на вид абсолютно смехотворным. Наконец, я нашел его. Через десять минут я объявил, что все придумал.

— Где же нам спрятаться, Харви? — спросил Ковентри.

— Под кроватями.

— Не надо хохмить, Харви. Я обижусь.

— Я серьезно. Послушайте меня внимательно. В северной части музея есть отдел, который они называют «американской галереей». Там устроена выставка старинных интерьеров — начиная с колониальных времен. В этих комнатах есть кровати. Под этими кроватями и может спрятаться человек. Или двое.

— Или шестеро, Харви.

— Шестеро?

— Именно. Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу, Харви. Не вздумай фокусничать со мной. Ты войдешь в музей с Джо Эрпом и Фредди, и двумя девицами. Если кто-то из вас только пикнет, девицам настанет конец.

— Что вы! — воскликнул я. — Это же верный способ погубить все дело. Разве можно рассчитывать на успех, когда с тобой две женщины.

— Он верно говорит, босс, — вставил Фредди Апсон. — От женщин только и жди беды. Лучше заклеить им рты пластырем и оставить в машине.

— Ладно, я подумаю, — проворчал толстяк. — Теперь поговорим о сигнализации, Харви.

Мозг мой лихорадочно работал. Откуда мне было знать, была ли в музее система сигнализации на манер той, которую я сочинил, или они полагались на охранников. Мне это было неизвестно.

— Ну, что скажешь, Харви? — торопил меня толстяк.

— Вроде, придумал, — сказал я. — Как и в большинстве старых зданий Нью-Йорка, там есть две системы электроснабжения — переменный и постоян-

ный ток. Постоянный ток — более старая система. Она используется в работе лифтов и вентиляции.

— Странно, что они не переделали все на переменный ток, — вставил Джо Эрп.

Не хватало мне, чтобы тут появился кто-то разбиравшийся в электричестве лучше, чем я.

— Они давно разработали план модернизации, — поспешно проговорил я, — только это будет стоить миллион долларов, и им жалко выбрасывать такую сумму. — Я говорил быстро, словно боясь, что меня остановят. — Самое главное, что там такие же стоамперные пробки, что и у переменного тока. Две такие пробки позволяют обслуживать двухсотамперную систему постоянного переменного тока, который обслуживает систему сигнализации и освещения.

— Ну-ка, еще разочек, мистер Крим, — нахмурился Джо Эрп.

— А точнее сказать, система сигнализации работает на постоянном токе в сто ампер.

— На постоянном? — спросил Джо Эрп.

— Ну да, слава богу, что это так. Потому что табло, кстати сказать, побочный продукт фирмы, занимающейся изготовлением ракетной техники, и установленное в прошлом году фирмой «Тексас инструментс» должно работать на постоянном токе.

— Фирма «Тексас инструментс»? — с уважением в голосе осведомился толстяк.

— Да.

— Ты внимаешь, Джо? — спросил толстяк Эрпа.

— Ну, в общем-то да. Хотя, честно говоря, босс, я,

конечно, могу провести проводку и сменить пробки, но эта вся электроника не про меня. Если Харви говорит, что система устроена так, наверное, он знает, что говорит.

— Главное, отыскать пробки, — сказал Ковентри.

— Ты знаешь, где они, Харви?

Я кивнул с видом знатока.

— И ты можешь их выдернуть?

Я снова кивнул.

— Ну и отлично, Харви. Я даю тебе время — продумай план и приведи все в порядок. Музей закрывается в пять. Сейчас три. Через полчаса мы выходим.

Прелесть! Просто прелесть. Я понятия не имел, бывают ли пробки в сто ампер и уж вовсе не представлял, где они могут находиться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В номере для новобранцев Синтия сидела за столиком над листком бумаги, а Люсиль грустно на нее смотрела. Малыш Билли стоял, широко расставив ноги, и забавлялся пистолетом, выискивая воображаемые цели в комнате.

— Ох уж этот Билли, — заметил толстяк, входя в гостинную. — Вечно резвится, как ребенок.

— Здравсьте, мистер Ковентри, — сказал Билли, увидел врага на потолке и издал губами звук выстрела: «Паф!»

— Вы не можете заставить этого кретина замолчать? — рявкнула Люсиль.

— Я хорошо говорю: а) по-испански, б) по-немецки, в) по-французски, г) на идиш, д) по-итальянски, — пробормотала Синтия, а затем обратившись к Люсиль, заметила: — Если ты перестанешь оскорблять его, то поймешь, что в нем, как и в каждом человеке, есть кое-что хорошее.

— Ну разве что, немного по-испански, — сказал Билли.

— Раса — кавказская, черная, евразийская, восточная, канака, — продолжала Синтия.

— Она составляет анкету на совместимость для компьютера, — пояснила Люсиль.

— Паф! — выстрелил Билли в Люсиль и спросил: — А что такое кавказская раса, мэм?

— Откуда у нее анкеты? — спросил я.

— Скажите этому поросенку, — обратилась к толстяку Люсиль, — что если он еще раз наставит на меня свой пистолет, я его растерзаю.

— Разве повредит немного доброты? — осведомилась Синтия.

— Билли — это Билли, — пояснил Ковентри. — Он просто хочет немного повеселиться, верно я говорю, Билли?

— А то нет.

— Она не расстается с этими вопросниками, — сказала мне Люсиль.

— Не может быть.

— В общем, с меня довольно, — объявила Люсиль. — Ну что, ты будешь помогать им грабить музей?

— Ты выражаешься очень своеобразно.

— Да или нет?

— Да.

— Харви, ты совершенно спятил.

— Да.

— Никто не обращал ваше внимание, мисс Демпси, на то, что вы на удивление болтливы? — спросил ее толстяк. — Вы хоть на минуту закрываете рот?

— Большинство людей считает меня: а) интровертом, б) экстравертом.

— Может, вы прекратите заниматься своей ерундой? — сердито буркнул я Синтии. — Поймите, что еще немного и вас отправят в шахту вслед за вашим дружком графом, а я по уши увяз в этом идиотском плане ограбления музея. А вы не находите ничего лучшего, как предлагать этому маленькому убийце вопросы из компьютерной анкеты.

Малыш Билли обернулся, подошел ко мне и, ткнув дулом пистолета мне в живот, прошипел:

— Такое еще даром не сходило никому, гад!

— Прошу прощения, — сказал я. — Примите мои извинения.

— Почему же, мне кажется, кое-кому сошло, — возразила Люсиль.

— Ради Бога, не обижай его, — попросил я Люсиль. — Это мой друг.

— Черта с два, — огрызнулся Билли.

— Дружи с ним, Билли, — попросил толстяк. — Он с нами. С ним мы войдем в музей, с ним и выйдем. Он поможет нам взять картинку. Не будет Харви, не будет и картинки.

— Он с нами?

— Ну да.

— Не верю я этому мерзавцу ни на грош.

— Я тебя понимаю, — добродушно отозвался толстяк. — Ну как, тебя интересует анализ твоей личности или нет? — спросила Синтия Билли.

— Засохни, — оборвал он ее.

Она была смелой девицей, уж это точно, и, вскочив на ноги, сделала два шага, и подойдя вплотную к Билли, попыталась залепить ему пощечину. Но, как это бывает со многими женщинами, она слишком долго замахивалась. Он успел увернуться и, схватив ее за руку, стал выворачивать.

— А ну, отпусти ее, гаденыш! — крикнул я.

Он тотчас отпустил ее и снова ткнул мне в живот пистолетом.

— Позвольте мне его пристрелить, — умоляюще обратился он к толстяку. — Ну пожалуйста.

Я подал апелляцию с явной тревогой в голосе. Я напомнил Ковентри, что если я погибну, то такая же участь постигнет и их план наложить руки на картину Рембрандта.

— В конце концов, разве я не член вашей бригады? — вопрошал я. — И смотрите — у него дрожат пальцы. Прошу вас, велите ему убрать пистолет.

— Убери пушку, сынок, — сказал Малышу Билли толстяк. — Сначала работа, а веселье уж потом.

Когда он упрятал пистолет в кобуру, Люсиль снова подала голос:

— Правильно, сначала работа, а потом веселье! Харви, ты в своем уме? Неужели ты думаешь, они тебя отпустят после всего этого? Неужели ты думаешь, что они поверят нам с Синтией и разрешат уйти подобру-поздорову? Ничего подобного!

— Женщины такие недоверчивые, — хмыкнул Ковентри. — Мадам, будьте благоразумны. Харви в нашей команде. Если он донесет на нас, то тем

самым донесет и на себя, а зачем ему это нужно? Он это и в мыслях не держит.

Это точно — и прежде всего потому что голова у меня была занята совсем другим. Я думал о том, что если даже мне каким-то чудом удастся уцелеть в шайке этих психов, то шансы девочек равны нулю, а моя собственная жизнь сама по себе не стоит ломаного гроша, потому что я совершенно не представлял себе, есть ли кровати в американской галерее музея «Метрополитен» и, если есть, можно ли под ними спрятаться. Я не представлял себе, где там находятся пробки, да и что с ними делать, если я их чудом найду, я тоже не знал. Весь план кражи картины представлялся глупостью от начала до конца, причем глупостью смертельно опасной.

Это были лишь некоторые из тех соображений, что заставляли меня отгонять мысль о доносе. Кроме того, я мог представить себе, как воспримет лейтенант Ротшильд сообщение о моем участии в этой операции. Но все же особенно беспокоило меня предчувствие, а точнее, довольно твердое убеждение, рожденное из обширного опыта, — смысл которого заключался в следующем. Большинство мошенников — самые настоящие психи, и их самые безумные планы срабатывают потому, что мозги у них работают не так, как у нормальных людей и, в первую очередь, у нормальных полицейских, неспособных тем самым предугадать их ходы. У меня было странное ощущение, что их нелепый идиотский план может сработать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Когда толстяк более подробно ознакомил меня с их намерениями, ощущение того, что им может улыбнуться удача, только усилилась. За годы жизни в Нью-Йорке я бывал в музее «Метрополитен» раз тридцать-сорок. Впрочем, разве можно тут сосчитать эти визиты хотя бы с приближительной точностью? Где коллекция Баха? Где англичане восемнадцатого века? Где Энгр, Гойя, Давид? Как бы вы хорошо не знали музей, вам будет очень сложно представить схему его залов в уме и получить сколько-нибудь ясную картину. Где американские художники — недалеко от американской галереи или за залом индийского искусства? Я сделал несколько догадок, но так и не смог припомнить, какие меры предпринимались администрацией музея по сохранению экспонатов. Разумеется, они должны принимать какие-то меры, но я мог только припомнить сонных работников охраны, торчавших в залах.

А вдруг они вообще не принимали никаких серьезных мер предосторожности, спросил я себя. Вдруг замыслы толстяка осуществляются, и я окажусь соучастником кражи Рембрандта, который стоит два миллиона долларов? В плане Ковентри не было ничего сверхъестественного. Более того, его несомненным достоинством была абсолютно идиотская простота. Он мог сработать именно так, как и предполагали мошенники.

По их замыслу, Ринго и Малыш Билли будут дежурить на улице. Они наймут лимузин на семерых пассажиров — в городе время от времени появляются такие яхты на колесах. В машине будут девушки, похоже, связанные и с кляпами во рту. В этом лимузине они подъедут к выходу из музея на 81-й улице, чтобы подобрать нас с картиной. Под нами я имею ввиду Джо Эрпа, Фредди Апсона и себя самого. У меня не хватило ума позволить им самостоятельно вломиться в музей и оказаться пойманными с полицим. Нет, мне понадобилось поразить их своей осведомленностью и добиться того, что теперь я включен в команду налетчиков, которая будет прятаться под кроватями в американской галерее до семи часов.

В семь мы вылезем из-под кроватей, я разыщу и выверну пробки, мы пройдем в зал Рембрандта, устраняя охранников, если таковые попадутся у нас на пути, всеми мыслимыми средствами, возьмем картину, выйдем из музея на 81-ю улицу, нырнем в лимузин и, несмотря на тесноту, поедем в Бронкс. В

Бронксе, на 171-й восточной улице есть гараж, который принадлежит Ковентри. В гараже стоит трейлер. Картина окажется погруженной в трейлер, и вместе с прочими товарами мы начнем свое путешествие в Техас. Относительно наших собственных передвижений после этого толстяк, понятным образом, проявил сдержанность. Лично я не принял бы страховку на нашу жизнь — то бишь на меня и девушек — даже если бы взносы составили девяносто процентов от страховой суммы.

Короче, план был составлен, но наши шансы уцелеть были плохо связаны с тем, удастся он или нет.

Все эти невеселые мысли крутились в моей голове, когда я ехал к музею в компании двух пионеров техасской культуры, Фредди Апсона и Джо Эрпа. Сегодня был вторник, а все это началось пять дней назад из-за того, что богатая и никем не любимая девица влюбилась в молодого человека с помощью компьютера. Пока что я еще не пустил в ход свое секретное оружие, которое было помощнее пистолетов сорок пятого калибра, беретт, стилетов и прочих инструментов насилия, а именно восемьдесят пять тысяч долларов в чеках. Сейчас мне вдруг пришла в голову мысль попробовать ими воспользоваться. Но поскольку впереди за рулем сидел Малыш Билли, а толстяк с ним рядом, я решил не торопиться. Я был в руках судьбы, мне ничего не оставалось делать, как сидеть и бояться.

Об этом лишний раз напомнил Ковентри.

— Учти, Харви, что ты сейчас нежный цветок прерий и тебя легко загубить.

— Именно это я и чувствую, — согласился я.

— Я в том смысле, что если ты попробуешь задать стрекача, а Фредди и Джо тебя не сцапают, девицы в наших руках.

— Постараюсь не забыть об этом, — пообещал я.

— С другой стороны, Харви, не забывай, что ты вестник будущего, так сказать. Мы в Техасе любим смотреть на вещи с разных сторон. Кинули в вечность времена угодничества перед мафией. Босс мафии на дне реки Гудзон. Мы возвращаемся к истинным американским ценностям. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, сэр, вполне.

Толстяк заворочался на сиденье и уставился на меня. Мы уже подъезжали к музею — машина свернула с 83-й улицы на подъездную аллею. Секунду-другую он задумчиво созерцал мою физиономию, затем сказал:

— У тебя что-то бледный вид, Харви. Ты не в форме. И руки у тебя дрожат. Это нехорошо.

Я схватил правой рукой левую и объяснил, что у меня и правда немного дрожат руки, когда я нервничаю.

— Держись, Харви, сейчас надо быть в форме.

— Хорошо, сэр.

— Запомни — вы выходите в семь. Вам потребуется на все про все минут пятнадцать. Четверть восьмого мы вас ждем. Выходите из музея — и сразу в машину.

Коротко и ясно.

Мы вылезли из лимузина и пошли к музею. С одной стороны от меня был Эрп, с другой — Апсон. Мы вошли в музей, изображая из себя туристов. Не знаю уж, насколько нам это удалось. Мы заглянули в египетский зал, но мои спутники отнеслись к древнему искусству весьма прохладно.

— Старье какое-то и плохо сохранилось, — заметил Джо Эрп.

— Я знал старика-мексиканца в Эль Пасо, он делал неплохие каменные надгробья, — припомнил Фредди Апсон.

Мы свернули налево, прошли через зал, где была собрана коллекция японского оружия. Оттуда мы попали в главный оружейный зал. Хотя ребята явно были в музее и раньше, этот зал они увидели впервые.

— Здорово, да? — сказал Джо Эрп.

Они завороченно смотрели на фигуры в латах на деревянных конях. Наконец, Эрп спросил меня:

— А что они делают?

— Хотят проткнуть друг друга большими прутьями, — пояснил я.

— Осел, это же рыцари короля Артура, — разъяснил Фредди Апсон, после чего мы направились в американскую галерею. Мы задержались перед витринами, в которых были выставлены на обозрение длинные кремневые ружья, затем пошли по залам. Охранник, попавшийся нам, оглядел нас без малейшего интереса, и я подумал, что если бы управлял музеем, то первым делом уволил бы этого недотепу. Тот, кто встретил в музее двух бандитского вида

верзил техасцев, а между ними бледного детектива из страховой компании, не имеет права дальше работать в службе безопасности.

Мы прошли один зал, где была кровать, потом второй. Мы поднялись по лестнице этажом выше и увидели снова зал с кроватями

— Какая кровать вам нравится больше? — спросил я.

— Ты уж сам выбирай, Харви.

В чем техасцам не откажешь, это в вежливости. Я выбрал зал, где не было ни посетителей, ни охраны и ткнул пальцем в кровать.

— Ладно, — сказал Эрп. — Годится.

Мы тут же залезли под нее. Я-то поместился там легко, но вот сапоги моих подельников высовывались наружу.

— Подтяните ноги, а то сапоги видать, — сказал я ребятам.

— Правда? — Апсон и Джо подтянули колени так, что я оказался зажат как в тисках.

— Не очень-то здесь удобно, — посетовал я.

— Потерпи, это не надолго.

— Нарушается кровообращение.

— Такие, как ты, Харви, могут жить без кровообращения.

Послышались шаги, и мы замолчали. Я увидел в щель между полом и кроватью, что по залу прошел охранник. Приближалось время закрытия и посетителей делалось все меньше, чего никак нельзя было сказать об охране. Лежать под кроватью было неудоб-

но и тесно. Техасцы были вроде и вымыты, и выбриты, но от них все же пахло стойлом — может, оттого, что они ходили в тех же сапогах, в каких и ездили на лошадях, а может, все это мне почудилось. Мне и раньше случалось попадать в необычные ситуации, но все это никак не могло сравниться с тем, что происходило сейчас: я лежал под кроватью восемнадцатого века в американской галерее музея «Метрополитен» с двумя ковбоями весьма ограниченных умственных способностей.

Ситуация была непростой, и я попытался отнестись к ней философски. Я даже попробовал завести разговор шепотом со своими партнерами в отчаянной надежде на то, что мой шепот услышат не только они, но и охранник, а так же и на то что вышеуказанный охранник откроет огонь по моим друзьям. Я заметил вслух, что ситуация сложилась нестандартная.

— Как бы крыша не обвалилась, — заметил Джо Эрп.

— Это в каком смысле?

— А в таком, что ты лучше говори потише, а то мы с Джо тебе сломаем ребро-другое, как бы мне от этого ни стало тяжело на душе.

— У меня от этого на душе будет еще тяжелей, — уверил я его хриплым шепотом. — Но вообще-то разве ваша главная специальность — красть произведения искусства?

— Наша специальность — банки, — сказал Джо Эрп, — но мы можем переключиться на что угодно, если надо, верно я говорю, Фредди?

— Верно, — подтвердил Фредди.

Оба повернулись ко мне и дышали прямо в лицо. Им обоим не мешало бы почистить зубы. Ковбои часто рекламируют сигареты, но вот что-то зубную пасту никогда.

— Ну, ладно, — продолжал шептать я, — предположим, вы возьмете этого Рембрандта, а кому вы его продадите?

— Неужели, по-твоему, Ковентри берет что-то просто так, не имея покупателя?

— Да я не знаю...

Снова шаги. Мы замолчали. Я вдыхал выдыхаемый техасцами, испытывая тошноту, воздух. Шаги стихли.

— Кому же? — зашептал опять я.

— Что кому?

— Он хочет знать, кому?

— Ну и скажи ему, — буркнул Фредди.

— Сказать ему? — удивился Джо.

— А что такого? Какая разница?

Ребята были честными и прямыми. Они были вполне готовы поделиться со мной страшной тайной, ибо знали: я не уйду дальше выхода из музея. Значит, я выдерну пробки, они заберут картину, а потом прощай, Харви, а также все те, кто стоит у них на пути.

— Ну ладно, Харви, ты хороший парень, так знай: Ковентри хочет продать картину мистеру Элмеру Кентуэллу Брендону — тому самому Брендону, который приехал сюда из Далласа и научил вас, янки, как зарабатывать доллары.

— Кто? — я чуть было не сказал в полный голос.

— Э.К.Брендон.

— Тот самый, чью дочь вы захватили?

— Так точно.

— Но его дочь... Боже, какого же вы свалили дурака!

— Ничего подобного. Мистер Ковентри дурака не свалиет. Никогда и ни за что.

— Но если Брендон узнает, что его дочь похитили вы?

— Он не узнает, Харви.

— Ты хочешь сказать...

— Ты слишком разговорился, — прошептал Фредди напарнику. — У тебя больно длинный язык.

— Харви наш человек, — прошептал Джо Эрп. — И, как и все, он знает, что девочка застрахована. Он же работает в страховой компании.

— Ты хочешь сказать, Брендон с вами заодно? Он знает, что вы похитили...

— Да нет же, — прошептал Джо Эрп, жарко дыша мне в щеку. — Ничего он не знает, но разве он откажется получить страховочку, если выяснится, что его любимая дочь сыграла в ящик?

— Она же застрахована, Харви, — напомнил Фредди Апсон. — Застрахована по самые уши.

— Неужели у вас нет сердца?

— Нет.

— И вы можете взять и убить человека — так просто?

— Что ты, Харви, — запротестовал Джо Эрп. —

Просто так мы никого не убиваем. Только если нам за это заплатят. А для развлечения Боже сохрани!

— И к тому же, убивать будем не мы, — пояснил Фредди, — а Малыш Билли.

— А как же я? И мисс Демпси?

— Ну, а вы поедете с нами на юг. На этот счет можете не волноваться. А с этой Синтией слишком много хлопот, так что придется нам с ней расстаться. По-тихому.

Я попытался обдумать услышанное, но вокруг было слишком уж тихо. Я понял, что музей закрылся, причем уже довольно давно. Я даже не предполагал, что в Нью-Йорке может оказаться такое тихое местечко. Джо Эрп повернул свою руку так, чтобы увидеть циферблат наручных часов. Еще через несколько минут он снова на них глянул и сказал:

- Пора на охоту.

Они вылезли из-под кровати, Джо с правой стороны, Фредди с левой. Потом вылез я. Мы были все в пыли, и я хотел бы привлечь внимание к этому обстоятельству тех, кому положено следить за чистотой в музее. Что касается меня, то я ничего не имел против того, чтобы провести последние минуты на этой земле в пыльной одежде, но техасцы были очень недовольны и поспешно стали отряхиваться.

— Может, ты мне неверишь, Харви, — сказал Фредди Апсон, — но за этот вот костюмчик я выложил четыреста двадцать два доллара.

Я настолько молил всевышнего, чтобы он послал

нам навстречу охранника, что не сумел прокомментировать его слова.

— Ну, а теперь веди нас к пробкам, Харви, — сказал Джо Эрп.

Я повел их по основному зданию через зал индийского искусства. План у меня был самый примитивный вести их по кругу — через залы мусульманского искусства, Дальний восток, французскую скульптуру, этрусков к выставочным галереям — в надежде, что мы все же наткнемся на охрану или же мне удастся улучшить момент и броситься наутек, а потом, если они меня не подстрелят, поднять тревогу.

Таков был мой план, но ему не суждено было претвориться в жизнь. Не сделали мы и десятка шагов, как Фредди Апсон показал на зеленый ящик на стене со словами:

— Ну, молодчина, Харви! Смотри-ка, привел нас прямо к пробкам.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Тут послышались шаги охранника, мы замерли на месте, а Джо Эрп одним неуловимым движением выхватил пистолет и ткнул мне стволом в ухо. Я затаил дыхание. Шаги стихли. Похоже, охранники музея сговорились всеми силами из-

бегать встречи с нами. Ни охранников, ни сигнализации. Я попытался открыть зеленый ящик, но он был заперт.

— Видите, — бросил я техасцам, — ничего не выйдет. Ящик закрыт.

— Мы взломщики, — не без гордости отозвался Фредди Апсон.

Вынув из кармана какую-то штуковину, он повертел ей в замочной скважине, и ящик открылся. В нем были три толстые пробки. По очереди я выдернул их и передал Фредди на хранение. Там было и два рубильника. Я повернул сперва один, потом другой. Но ничего не произошло ни когда я вынимал пробки,

ни когда я щелкал выключателями. Тусклые ночные лампы даже не замигали.

— Ну вот, мы отключили сигнализацию, — неуверенно сказал я.

— Что это у тебя так дрожит голос, Харви?

— А у тебя не дрожал бы голос, если бы ты гулял по музею с двумя громилами из Техаса, которые пустят тебе пулю в затылок, как только сочтут, что больше им от тебя никакой пользы?!

— Зря ты так, Харви, — сказал Джо Эрп. — Мы ведь можем и обидеться.

— Мысль о надвигающейся смерти заставляет меня забыть учтивость.

— Причем тут смерть, Харви? Не дрожи ты так! Разве я сказал хоть слово о смерти? Или Фредди? Ты нас отведи туда, где висит эта голландская картинка, и мы займемся делом.

Я мрачно кивнул и повел их вперед. Мы прошли залы американской живописи двадцатого века, потом свернули налево, потом направо и оказались в Рембрандтовском зале. Картина, изображавшая Аристотеля, созерцающего бюст Гомера, находилась в центре справа. Мы медленно подошли к ней и остановились. Тут я выложил свою последнюю карту.

— Ну, и сколько платит вам за такую работу пузан?

— Не надо называть мистера Ковентри пузаном, Харви! — сказал один из бандитов.

— Он нам платит неплохо, — уверил меня второй.

— Я могу заплатить не хуже.

— Кончай, Харви, — перебил меня Джо Эрп. —

Если мы выйдем отсюда без картины, нам не спрятаться от него даже на техасских просторах.

— Я думаю о себе, а не о картине, — признался я.
— Мне моя жизнь дороже.

— Разумно, Харви.

— Я готов откупиться.

— Харви!

— Восемьдесят пять тысяч за меня, мисс Демпси и Синтию.

— Харви!

— Наличными, — в отчаянии сказал я.

В этот момент раздался хлопок — зловещий, странный хлопок. Если вы никогда не слышали звук выстрела из пистолета с глушителем, вы не сможете точно представить себе этот звук. Джо Эрп, тарачившийся на меня в удивлении, вдруг потерял интерес ко всему вокруг и рухнул на пол. Фредди Апсон обернулся и выхватил свой пистолет, но второй выстрел-хлопок его опередил. Это выглядело, как на сцене. Только что передо мной стояли два живых техасца, а теперь на полу валялись два мертвых техасца.

Они лежали рядышком в Рембрандтовском зале музея «Метрополитен» — Джо Эрп с дыркой в белой рубашке, обошедшейся ему в 42 доллара 50 центов, и Фредди Апсон с дыркой во лбу, а рубашка его была целой и невредимой. Я же застыл, толком не понимая, жив я или мертв и опасаясь совершить то лишнее движение, которое окажется роковым. Так я и стоял — как мне показалось очень долго, пока голос не произнес:

— Ну ладно, Харви, можешь повернуться, только медленно. Ведь лучше стоять, чем спать мертвым сном на полу рядом с этими подонками. Верно я говорю, Харви?

— Верно, но я не вооружен...

— Я знаю, Харви, но все равно поворачивайся не торопясь.

Я мысленно представил, что у меня на голове стоит бокал с пивом, и повернулся так, чтобы ни одна капля из этого воображаемого бокала не пролилась на пол. Обернувшись, я увидел человека лет тридцати со смуглым, приятным, хоть и жестковатым лицом. Он был одет в серый фланелевый костюм от братьев Брукс. В руке у него был пистолет марки «люгер», снабженный новехоньким пятидюймовым глушителем.

— Молодец, Харви, правильно. Продолжай в том же духе.

— Я, собственно, не имею ввиду ничего такого, — заговорил я, — но вы знаете, как меня зовут, а я...

— Харви, они подслушивали номера в отеле и мы тоже.

— Они?

— Эти техасские подонки, Харви. Тебе понятно или картинку нарисовать?

— Значит, Синтия была права. Он и правда граф.

— Был графом, Харви. Граф Гамбион де Фонти, бедняга.

— А вы, стало быть, Валенто Корсика?

— Молодец, Харви. Ребята говорили, что ты глуп.

Это не так. Может, ты и соображаешь немного медленно, но ты не глуп.

— Но ваш акцент, манера говорить...

— Харви, мир меняется. Я проучился четыре года в нью-йоркском университете — изучал менеджерское дело. Потом год в аспирантуре. В Гарварде. Теперь у нас не тот рэкет, что прежде. Раньше мы стреляли, теперь стали менеджерами, бизнесменами. Теперь нам не надо применять силу — разве что совсем изредка.

— Как, например, сейчас?

— А что ты прикажешь делать? Этот болван из Техаса решил нас потеснить. Вот и пришлось его немного поморочить, пустить по ложному следу. Бедняга Гамбион. Кто мог подумать, что они его пристрелят? Жаль, очень жаль, но мы этого не хотели. Толстяку нравится покупать отели, и мы решили завязать ему на шею маленький финансовый узелок, который он не смог бы развязать. Но теперь дело принимает иной оборот. У нас на руках такая карта, как ты, Харви.

— Не понимаю ваших планов, — твердо отозвался я.

— Харви, ты не представляешь себе, как тщательно мы все обдумываем. Все до деталей. Мы даже подтолкнули толстяка купить «Рицхэмптон». Мы устроили ему займ, мы впутали в это Э.К.Брендона. Мы даже думали оставить все, как есть, и прижать Брендона, когда у него на руках окажется эта картина. В этом плане были свои сильные стороны, но у нас есть

неплохие записи разговоров Толстяка с Бренденом о Рембрандте. У нас есть его дочь.

— Черта с два! Пока мы тут стоим и ждем, когда прибежит охрана, толстяк, наверное, уже собирается прикончить и ее, и Люсиль Демпси.

— Не беспокойся насчет охраны, Харви. И насчет толстяка тоже. Мы взяли и толстяка, и девиц, и двух его телохранителей. Тебе надо беспокоиться о другом, и я не хотел бы быть на твоём месте.

— О чем же мне беспокоиться?

— О многом, Харви.

— О чем же, например?

— Хотя бы о том, что ты видел, как я убил этих вот ковбоев.

— Господи, но вы же спасли мне жизнь, мистер Корсика!

— Это ты собираешься сказать на суде?

— Из меня свидетеля не сделают. Я буду нем, как рыба.

— Не говори ерунду, — сказал Корсика. — Не будь ослом.

— А почему бы мне не побыть ослом? — возразил я. — Какая собственно разница? Тогда ковбой толкали меня к пропасти. Теперь вот вы.

— Не надо нас сравнивать, Харви.

— И в конце концов вы стреляли при самозащите.

— Харви, — терпеливым голосом произнес он. — Ты знаешь, кто я такой, или нет?

— Знаю.

— Ну вот и отлично, — отозвался он, вынул из

кармана платок и аккуратно протер свой «люгер». Затем взяв его за ствол, протянул мне. Я тут же взял пистолет, нацелил на него и сказал:

— Не двигайтесь!

— Харви!

— Прошу прощения, — отозвался я, — но раз вы мне дали пистолет...

— Неужели я дал бы тебе заряженный пистолет?

Я наставил «люгер» на дверь и спустил курок. Он только щелкнул.

— Вот это да! — восхищенно сказал я. — Вы, значит, вышли против них с двумя патронами?

— Нет, Харви, — с этими словами он вынул из кармана небольшой «смит-вессон» и наставил на меня. — У меня есть кое-что про запас.

Я вынул из кармана свой платок, вытер «люгер» и с грохотом швырнул его на пол. Этот грохот разбудил бы и покойника, но никто и не подумал нарушить наше уединение.

— Новая смена охраны будет через полчаса, Харви. Сигнализацию же мы отключили, так что не надо упрямяться, — сказал Корсика.

— А я выдернул три огромные пробки, — признался я. — Они ведь тоже что-то отключили?

— Совершенно верно, — терпеливо разъяснил Корсика. — Отключили питание трансформатора, который преобразует переменный ток в постоянный для грузового лифта. Я знаю схему этого музея лучше, чем главный смотритель. Но не волнуйся, Харви. Мы не крадем картины. Этим занимаются только босяки.

Например, техасцы. А мы — нет. Так что подними-ка лучше пистолет.

Я поднял, подумал и спросил:

— Но ведь пистолет не мой. Зачем это вам надо?

— Могу я поступать так, как считаю нужным, Харви?

— Конечно.

— Оружие записано на тебя, Харви. Девочки покажут под присягой, что тебя привели сюда насильно, принудив участвовать в несостоявшемся ограблении. Ты станешь героем, Харви.

— Только не в Техасе, — мрачно отозвался я и еще мрачнее добавил: — И не в девятнадцатом участке нью-йоркской полиции.

— Насчет Техаса — это ты зря, Харви. Вообще-то этот Ковентри родом из Бруклина. Их давно разыскивают в Техасе. То обстоятельство, что ты пристрелил двоих «торпед» из пистолета, в котором было лишь два патрона, означает, что ты просто забыл зарядить пистолет...

— Я противник насилия, — в отчаянии пробормотал я. То, что ковбой толстяк оказался бруклинцем, делало его поистине жалкой фигурой.

— Ты лишил их жизни, чтобы спасти свою жизнь.

— Вы меня обманываете.

— Нет, Харви.

— Почему вы готовы отпустить Синтию?

— Потому что синица в руке, Харви, причем свободная от налогов синичка, куда лучше чем стая журавлей в воздухе.

— Какая такая синица в руке? — крикнул я, и он вежливо попросил меня говорить потише. — Какая еще синица? — повторил я вопрос гораздо тише.

— Она у тебя в кармане, Харви. Это те восемьдесят пять тысяч, которыми ты пытался подкупить ковбоев. В чеках «треллз».

— У меня восемьдесят пять тысяч? Да я валял дурака. Я это просто придумал.

— Харви, — холодно перебил он меня. — Мы подслушивали твой номер в Торонто, мы подслушивали отель. У нас есть связи в банке. Короче, ты дашь мне эти восемьдесят пять тысяч или мне придется в тебя немного пострелять, чтобы их забрать?

— Но вы вернете мне обеих девиц?

— Разумеется.

— Когда?

— Как только ты подпишешь чеки и передашь их мне.

Я сунул руку в карман, вынул пачку чеков и показал Корсике.

— Подпиши.

— Где?

— Сядь на пол и подпиши.

Он бросил мне шариковую ручку, а я сел на пол рядом с трупами и подписал пять чеков на десять тысяч, пять на пять и десять на тысячу долларов каждый. Затем я подтолкнул пачку в его сторону.

Он взял чеки, сунул в карман и сказал:

— Хорошо, Харви. Оставайся на месте. Досчитай до ста, но до этого не сходи с места. Мы прекрасно

пообщались, и было бы жаль, если бы все вдруг испортилось.

Он попытался к выходу из зала и скрылся. Может, я и бросился бы за ним, но скорее всего остался бы на месте. Так или иначе, мне не пришлось принимать решения, потому что в зал почти тотчас же ворвались Синтия и Люсиль. Люсиль крепко обняла меня и стала целовать. Из глаз ее капали слезы. Именно такого отношения и жаждало мое потрепанное в боях сердце. Синтия, напротив, стояла и удрученно смотрела на покойников. Я боялся, что она закатит истерику, но она, похоже, в этот момент внезапно повзрослела.

— Мне их, конечно, жаль, — сказала она, — но это, в общем-то, были плохие люди.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Начнем с самого начала — сказал лейтенант Ротшильд. — Сейчас всего-навсего десять минут первого ночи, а Харви молод и полон сил. Неважно, что у меня язва, а у Келли жена, которая подаст на развод, если он хоть раз не придет

домой до утра. Подумаешь, какие пустяки. В нашем распоряжении масса времени. Зачем нам спать?

— Я рассказал всю историю, лейтенант, — отозвался я. Признаться, я не только рассказал все, что знал, но запомнил всю обстановку его кабинета, желтые стены с облупившейся краской, три деревянных стула, два металлических шкафа-картотеки, голубую стоваттную лампочку свисавшую на проводе с потолка, старинный ундервуд, и даже рискнул пошутить насчет того, как плохо город Нью-Йорк ценит своих верных работников. Шутка осталась неоцененной.

— Расскажите нам еще раз, Харви, как было дело.

— Я арестован? Мне хотелось бы это знать. Потому

как, если вы хотите меня арестовать, я сейчас же вызову своего адвоката, чтобы мои права были надежно защищены.

— Чушь собачья, — буркнул лейтенант, — и вы, Харви, это прекрасно знаете. Я могу отлично разобратся с вами и без ареста, так что не сердите меня.

— Что же, например, вы можете такого сделать?

— Например, могу лишить вас лицензии заниматься расследовательской деятельностью. Или поговорить с вашим начальством в компании. Или...

— Ладно, лейтенант. Давайте дружить.

— А вы расскажите нам все сначала.

Я рассказал все с самого начала, и они выслушали меня молча, если не считать того, что Келли изредка издавал лошадиное ржание. Закончив, я спросил лейтенанта:

— Почему вы не объясните этой горилле, что я не комик на эстраде?

— Потому что вы как раз и есть комик. К несчастью, вы не слышите себя со стороны. Вы говорите, что проникли в музей «Метрополитен» с двумя ковбоями Толстяка Ковентри, после того как убедили их, что способны отключить систему сигнализации. Потом вы, якобы, спрятались под кроватью в американской галерее. Потом же, когда они уже собирались забрать картину Рембрандта, появился Валенто Корсика, застрелил их из «люгера», зарегистрированного на ваше имя, а затем, раскланявшись, удалился, оставив вас наедине с трупами и пистолетом. Ну, как вам это нравится, Харви?

Келли опять гоготнул.

— Звучит несколько неправдоподобно, — согласился я.

— Послушайте меня, лейтенант, — заговорил Келли. — Надо арестовать его по подозрению в убийстве. Он застрелил двоих человек. Это самое главное. Остальное только мешает. Он застрелил этих ковбоев — это ясно как божий день.

— Так-то оно так, только ничего тут не явно. Беда в том, что Харви как раз никого не застрелил.

— Почему? Потому что он это отрицает?

— Нет, — покачал головой Ротшильд. — Ты же неплохо меня знаешь, Келли. Я никогда не верю в то, что говорит подозреваемый, пока не могу воочию в этом убедиться. Но Харви говорит правду. Он не в состоянии подстрелить кролика, даже если бы он умел стрелять. А вот стрелять он как раз не умеет. У него никогда не было оружия — и разрешения на его ношение не было.

— У него есть разрешение на «люгер».

— Это верно. Так расскажите нам все как есть, Харви. Поставьте себя на мое место. Произошло убийство. На оружии ваши отпечатки, и у вас имеется разрешение на это оружие. Господи, Харви, ну пожалуйста меня...

— Они его сами записали на мое имя, — сказал я. — И добыли разрешение.

— Кто они?

— Мафия.

— Ах, мафия...

— Корсика сам мне это сказал...

— Корсика ничего вам не сказал. Он мертв. Сегодня его труп выловили из реки. Мы обнаружили пятна крови в прачечной «Рицхэмптона» и кровь в шахте для грязного белья.

— Это был граф Гамбион де Фонти. Он не Валенто Корсика. Это была подсадная утка, его наняли, чтобы сбить со следа Толстяка Ковентри.

— Который замыслил украсть Рембрандта? Знаю. Вы уже говорили. Значит, он заявляется в Нью-Йорк с четырьмя бандитами, чтобы украсть, возможно, самую дорогую картину в мире. Зачем? Для кого? Объясните! — Он глубоко вздохнул и продолжал уже мягче: — Я тут повысил голос. Это может быть истолковано как попытка запугать свидетеля. Я этого и в мыслях не держал. Почему вы мне об этом не напомнили, Харви?

— Не хотел сердить вас, лейтенант.

— Не хотели меня сердить? У вас такое мягкое сердце или вы что-то задумали? — Обернувшись к Келли, он распорядился: — Приведите девушку.

— Которую?

— Демпси. Со второй обращаться помягче. Она дочь Э.К.Брендона. Вот два доллара. Если она опять хочет есть, принесите еды. Что она делает?

— Заполняет анкету для компьютерного теста на совместимость.

— Понятно. Пусть мне сообщат, если она совсем разволнуется. На худой конец, отошлем ее домой.

— Она не хочет домой, — смущенно сказал Келли.

— У них квартира в двадцать с лишним комнат на Парк-авеню, но она туда не хочет.

— Ладно, ведите эту самую Демпси. А что касается второй... Мало ли чего она там не хочет. Давайте обратно мои доллары. — Келли вернул ему две бумажки, и Ротшильд сказал: — Ведите сюда Демпси, а вторую сию же минуту отправьте домой.

— Она не хочет.

— Мало ли чего она там не хочет. Я вот не хочу, чтобы она здесь ошивалась.

— Но уже полночь.

— Келли, отправьте ее домой.

Келли вышел из комнаты, а Ротшильд раздраженно сказал мне:

— Вы только полюбуйтесь, в какое положение вы меня поставили, Харви. У меня достаточно оснований выдвинуть против вас обвинение. Но вы не убивали этих ковбоев. Я это точно знаю — и не могу доказать. И вы тоже не докажете, даже если наймете лучшего на земле адвоката. Вы лжете со скоростью миля в минуту, и я хотел бы навесить на вас кое-что тяжелое, но это уж слишком великая ноша. А потому знаете, что я сделаю?

— Что же?

— Ну и хитрец!

— Я сказал только два слова: «что же».

— Помолчите. Мне придется обставить это как самозащиту. Я вынужден сделать из вас героя. Харви Крим выступает на защиту закона и порядка и убивает двух страшных головорезов из Техаса. Завтра вы

станете самым известным человеком в городе. И все это должен буду сделать я!

— Спасибо, — коротко отозвался я, — но я не хочу такой славы. Я противник насилия.

— Мало ли чего вы не хотите — или слава, или обвинение в убийстве. Выбирайте.

— Слава, — быстро сказал я.

— Вот это мне в вас нравится, Харви. Вы разумный человек.

В этот момент детектив Банникер ввел в комнату Люсиль. Ротшильд велел детективу уйти, а Люсиль — садиться. Затем, он обошел свой стол, сел за него и задумчиво уставился на Люсиль. Потом сказал:

— Вы библиотечарша.

— Да.

В его голосе появилась мягкость, даже ностальгия по давно ушедшим годам, которым уже не вернуться. В такие моменты Ротшильд становился особенно опасным и коварным, но я никак не мог предупредить об этом Люсиль.

— Библиотеки... — между тем грустно говорил Ротшильд. — Они для меня означали все. Телевидения еще тогда еще не было, радио делало первые шаги. Все наши мечты о будущем, об образовании выражало одно здание — публичная библиотека Нью-Йорка. Она была нашей Меккой, оазисом, глотком надежды. Знаете ли вы, что означал для нас и моих сверстников, библиотечарь, мисс Демпси?

Люсиль покачала головой, а Ротшильд воскликнул:

— Цивилизацию! Мы ведь жили в джунглях.

— Правда? Как мне вас жаль!

— Я не прошу вашего сочувствия, я только хочу, чтобы вы поняли, что такое для меня библиотекарь. Это, мисс Демпси, священная фигура...

— Жаль, что Харви так никогда не думал, — грустно отозвалась Люсиль.

— Хм? Было бы великим чудом, если бы он вообще хоть раз подумал о людях, мисс Демпси. Но давайте не будем о Харви Кримере. Я сыт по горло этим человеком. Я просто хотел сказать, что для меня библиотекарь и ложь — вещи несовместимые.

— Вы очень любезны, лейтенант. Хотя, по-моему, библиотекари точно так же могут говорить неправду, как и представители других профессий.

— Не разочаровывайте меня, мисс Демпси. Лучше расскажите, что случилось вчера.

— Но я уже рассказала это, лейтенант. Я все рассказала сержанту Келли. И еще тому милому полисмену, который стенографировал — он еще спросил, замужем ли я. Он еще был очень учтив. Он спросил, могла бы я пойти на свидание с полицейским, и я сказала, что это вовсе не исключено.

— Он милый полисмен, — признал Ротшильд. — Я тоже милый полисмен. И люблю слушать истории. Так что расскажите мне еще раз, мисс Демпси.

— Ладно, — вздохнула Люсиль. — Из аэропорта мы поехали в отель «Рицхэмптон». Это я уговорила Харви.

— Что? Это была моя идея! — не вытерпел я.

— Замолчите, Харви, — сказал Ротшильд. — Давай-

те опустим эту часть, мисс Демпси. Что было потом — когда толстяк увел Харви и своих двух молодцов?

— Ладно. Синтия много плакала. Но, наконец, мне удалось ее как-то успокоить и уговорить сыграть в рафф. Правда, ни она, ни я толком не могли сосредоточиться на игре. Это не мудрено, когда только и думаешь о том, что с тобой станет через несколько часов.

— Обе двери были заперты?

— Да.

— Телефон выключен?

— Да.

— Почему вы не разбили окно и не выбросили что-нибудь на улицу?

— Лейтенант, я не такая дурочка. Окна номера выходят на террасу. Двери на террасу были заперты. И окна тоже. А за дверями был охранник. Итак, мы кое-как играли в карты, а потом я услышала тот странный звук, о котором я уже говорила. За дверями раздался хлопок. Вроде бы как выстрел, только тише.

— Глушитель, — пояснил я.

— Спасибо вам большое, Харви. Я бы сам ни за что не догадался, что это глушитель. Вы мне очень помогли, — сказал Ротшильд.

— Еще я слышала шум лифта, — сказала Люсиль.

— До выстрела.

— Да.

— Но вы сказали, что слышали его после выстрела.

— И до, и после. Затем я сказала Синтии, что еще раз попробую открыть дверь, а если не получится, то,

как вы и предполагали, попытаюсь разбить окно и выйти на террасу.

— Но дверь оказалась открытой?

— Да.

— Вам это не показалось необычным?

— Мне вообще ничего тогда не показалось, лейтенант. Я только крикнула Синтии, и мы обе бросились к лифту, я нажала изо всех сил кнопку, хотя сила тут была вовсе не причем, появился лифт, из него вышел лифтер, который ничуть не удивился, а затем мы спустились вниз, и в вестибюле нас встретил человек, очень милый человек из Главного управления. Он нас там ждал.

— Он был никакой не полицейский и уж вовсе не из Главного управления, — сказал Ротшильд, не скрывая раздражения.

— На вас нельзя угодить, лейтенант, я уж и так стараюсь изо всех сил. Я просто рассказываю, как нам представился этот человек. Он назвался детективом Комоди. Джоном Комоди.

— Так зовут комиссара нью-йоркской полиции, Люсиль, — мягко подсказал я.

— Она, черт возьми, прекрасно знает, что так зовут комиссара нью-йоркской полиции! — крикнул Ротшильд.

— Я этого не сказала, и он этого не сказал. Он только сказал, что работает в полиции, что он детектив. У него было обычное ирландское имя, честное лицо и искренние голубые глаза. Мы с Синтией так обрадовались, что чуть было не кинулись ему на шею. Естественно, я пожелала узнать, где бедный Харви, на

что он сказал, что отведет нас прямо к бедному Харви. Я была очень обрадована. Он провел нас к выходу, а у дверей стояла большая машина «Флитвуд», за рулем сидел полисмен в форме.

— «Флитвуд»! Вы только поглядите на эту комнату, мисс Демпси! Неужели мы похожи на людей, которые водят «Флитвуды»?!

— Я первый раз в вашем кабинете, лейтенант, но думаю, что если бы вы взяли за швабру и малярную кисть, то через пару часов он сделался бы очень симпатичным.

— Надо об этом подумать, — медленно произнес Ротшильд и, обернувшись к двери, рывкнул: — Банникер, принесите мне стакан молока. — Он сжал губы и кивнул Люсиль, чтобы та продолжала.

— Все остальное просто. Я рассказала вам чистую правду. Они подвезли нас к музею. У входа — у бокового входа, — дежурило трое полицейских в штатском.

— Это не полицейские, — пробормотал Ротшильд.

— Теперь я это поняла. Но тогда мы подумали, что это полицейские. Нас провели в музей. Мы поднялись на второй этаж. Когда мы оказались в одном из залов, наш провожатый показал пальцем на соседний зал и сказал, что нам нужно туда. Он сказал, что там меня ждут Харви и два очень тихих человека, которые и мухи не обидят. Шутка была неважная. Не надо смеяться над мертвыми, даже если это бандиты. Вы со мной не согласны? Мы уже двинулись в зал, но он попросил нас обождать. Тут из того зала вышел человек — очень недурной наружности. Он улыбался.

По его кивку полицейский пустил нас в зал, мы бежали, и я увидела Харви и двух убитых техасцев.

— Вот как, значит, все было?

— Именно так, лейтенант.

— А у Харви в руке был пистолет?

— Если вы думаете, что Харви убил этих двоих, то вы просто идиот.

— Господи, боже, Харви. Уведите ее отсюда. Убирайтесь вон оба! И не попадайтесь больше мне на глаза!!!

— Мы еще понадобится как свидетели, — кисло произнес я.

— Господи, конечно, понадобится. — Он встал из-за стола. — Но сейчас убирайтесь.

Мы так и поступили. Мы стали спускаться по лестнице. Я вежливо попрощался с Банникером, который поднимался нам навстречу с пакетом молока. Мы вышли на улицу. Ночь была холодной, но все равно приятной. Мы двинулись на запад, к 63-й улице. Я сказал Люсиль:

— Странно, что на сей раз он не очень даже меня страшал. А ведь мог предъявить мне обвинение в двойном убийстве.

— Харви, ну кто может всерьез поверить, что ты убил двоих техасцев?

— А вдруг найдется такой простак. Откуда ты знаешь?

— Ладно, не сердись, пожалуйста.

— Я сержусь не на тебя. Меня обвел вокруг пальца этот Корсика. Хорошо бы Ротшильд его сцапал и он сгнил в тюрьме.

— Харви, он спас тебе жизнь.

— Он поганый убийца.

— Но все равно он спас жизнь тебе, мне и Синтии. А что, кстати случилось с Толстяком Ковентри и другими двумя его подручными?

— Их куда-то увезли. Возможно, в том же «Фли-твуде». По крайней мере те же люди. Черт, а знаешь, почему он улыбался?

— Не надо так много чертыхаться, Харви.

— Нет, ты мне скажи: знаешь, почему он улыбался?

— Кто?

— Настоящий Валенто Корсика, когда он пригласил тебя в Рембрандтовский зал?

— Ну, почему он улыбался?

— Потому что получил от меня восемьдесят пять тысяч долларов в чеках «тревеллз» — за тебя и Синтию.

— Но мы были в соседнем зале.

— В том-то все и дело! Он меня надул. Меня, Харви Крима, который родился и вырос в Нью-Йорке, надули на восемьдесят пять тысяч! Причем, надул какой-то молокосос.

— Харви, это был не молокосос, а руководитель мафии.

— Мафии? Но ты же мне говорила, что нет никакой мафии.

Я свернул налево, на Парк-авеню.

— Куда мы идем, Харви? Почему бы нам не взять такси?

— Тут недалеко. Мы нанесем визит мистеру Э.К.Брендону.

— Сейчас? В час ночи?

— Они не спят. Келли ведь отвез его дочку домой совсем недавно.

— Харви, ты уверен?

— Вполне.

Мы перешли через улицу и подошли к входу в дом 626. Все тот же швейцар загородил мне дорогу.

— Брысь, — сказал я ему, — а то сделаю больно.

— Я должен доложить. Час ночи.

— Докладывай. А мы пошли.

Мы прошли к лифту, где я показал лифтеру свой значок и велел ему везти нас наверх. Он подчинился.

— Харви, ты великолепен, — прошептала мне Люсиль. — Ты крутой детектив.

— В гробу я их видел!

— Очень хорошо, — похвалила она меня.

Я позвонил в звонок, а потом стал дубасить в дверь Брендона. Лифтер стоял и тарачился, и я велел ему убираться. Дверь открыл дворецкий Джонас Биддл и спросил, как я смею дубасить в дверь в час ночи.

— Брысь, — сказал я. — Мне нужен Брендон. Сейчас.

— Сейчас нельзя. Он разговаривает с дочерью.

— Где?

— В библиотеке.

— Биддл, я иду туда, — сказал я. — И не пытайся мне помешать. Можешь, конечно, позвать полицию, но тогда ты останешься без работы. Ну, где библиотека?

Он показал, куда идти, я взял Люсиль под руку, и мы пошли. Библиотека была большая и дорогая. Там было тысяч на пять кожаных кресел и тысяч на десять кожаных переплетов книг. На полу был ковер тысяч на десять-две-

надцать, а на стенах висели картины Моне, Сезанна и Мондриана. Брендон любил хорошую живопись.

Когда мы вошли, Брендон внушал своей дочери:

— И точка. Никаких больше безумств, никаких «любовь — это чудо», никаких компьютерных фокусов, никаких неумытых длинноволосых дружков. Отныне я заказываю музыку. Отныне ты не получаешь ни одного никеля... — тут он обернулся к нам и рывкнул: — А вы кто, собственно, такие, что заявляетесь ко мне ночью...

— Они мои друзья, — крикнула Синтия.

— Я Харви Крим, а это мисс Люсиль Демпси.

— А помню. Детектив из страховой компании? Ну, ваша работа окончена. Убирайтесь!

— Нет.

— То есть? Как вас прикажете понимать?

— А так, что моя работа еще не окончена. Никким образом.

Он, прищурившись, уставился на меня, выпятил свою и без того выпирающую нижнюю челюсть и сказал:

— У меня для вас новость, Крим. Ваша работа давно и прочно окончена. А потому я прослежу, чтобы вас непременно уволили. А если вы еще пикнете, то я добьюсь, что вам не придется работать вообще в этом городе.

— Правда?

— Спросите, и вам скажут, что я человек слова, Крим.

Я подошел к столу красного дерева, сел в кресло Э.К.Брендона, вынул свой блокнот и написал в нем: «Толстяк Ковентри рассказал мне, кто его клиент. У

меня записаны его показания на магнитофоне. Кроме того, я заплатил восемьдесят пять тысяч долларов выкупа за вашу дочь. Я желаю получить их обратно. Сейчас же. Чеком». Я вырвал листок, сложил его и передал Брендону. Он автоматически смял его, но я рывкнул:

— Сперва прочитайте!

Он отошел в сторону, развернул листок и стал читать. Затем посмотрел на Люсиль. Затем на дочь. Затем снова на меня. Затем еще раз на листок — он прочитал его медленно, вдумчиво, осознавая смысл каждого слова. Затем в третий раз посмотрел на меня и в третий раз перечитал мое послание. Сначала лицо его покраснело, потом побагровело, потом побелело. Вид у него сделался сметрельно бледный. Он вообще больше походил на покойника.

— Они про это не знают? — спросил он у меня, кивая на дочь и Люсиль.

— Нет.

— Вы им это расскажете?

— Нет.

— Почему?

— Я возделываю свой собственный сад.

— Не вздумайте нарушить слово, Крим. Я человек жесткий.

— Не вздумайте нарушить слово, Э.К.

— Откуда у вас деньги, во-первых? — спросил он.

— От компании.

— И куда вы собираетесь их деть?

— Вернуть им.

— Чеком?

— Наличными. Завтра утром я получу наличные по чеку.

— Как я узнаю, что вы поступили именно так?

— Вы никак не узнаете.

Секунду-другую мы смотрели в упор друг на друга, потом я встал, и он занял мое место за столом. Девочки стояли в другом конце комнаты. Я склонился над плечем Э.К. и смотрел, как он выписывает чек для оплаты наличными на восемьдесят пять тысяч долларов. Расписавшись, он подал его мне, я аккуратно сложил его и убрал в бумажник.

— Позвоните в банк, пусть оплатят, — сказал я. — Я найду к ним завтра в десять утра.

— Так или иначе, я уйду с вами обоими, — заявила Синтия.

— В этом нет необходимости, — уверил я ее.

— То есть как? Что вы хотите этим сказать? Вы понимаете, что такое жить с ним в одном доме?

— Теперь с ним жить будет гораздо легче, — возразил я. — Не правда ли, мистер Брендон?

Он посмотрел на меня и промолчал.

— Как это? — удивилась Синтия.

— Ничего такого не случилось, но отныне и впредь, ты, Синтия, будешь сама себе хозяйка. Ты будешь приходить и уходить, когда захочешь, и он не станет задавать тебе никаких вопросов. Он будет выплачивать разумное содержание и, поскольку это твой дом, ты можешь приглашать к себе в гости кого захочешь. Отныне и впредь он не будет тобой помыкать.

Теперь уже не только Синтия, но и Люсиль непонимающе уставилась на меня.

— Я правильно говорю, Э.К.?

— Говорите, что хотите, Крим.

— Я хочу, чтобы вы сейчас же подтвердили: «Крим прав».

Проглотить такую пилюлю было непросто, но он сумел это сделать.

— Крим прав, — проскрежетал он.

— Если что-то будет не так, дай мне знать, Синтия. Мой телефон есть в справочнике, так что звони, не стесняйся.

Синтия не могла вымолвить ни слова.

— А теперь иди спать, — сказал я.

Она подошла к двери, остановилась и сказала:

— Спокойной ночи, Харви. Спокойной ночи, Люсиль. — Потом помолчала, взглянула на отца, сказала ему «Спокойной ночи» и вышла.

— Инцидент исчерпан? — спросил меня Брендон.

— Надеюсь.

Он все еще сидел за столом и тарачился на меня. Я покосился на Люсиль и дал ей знак двигаться. Дворецкий проводил нас до дверей. Внизу Клапп сказал:

— Иди своей дорогой, хренов шамус, и оставь нас в покое хотя бы ненадолго.

— Он назвал тебя шамусом, — взволнованно сообщила мне Люсиль, когда мы шли по Парк-авеню.

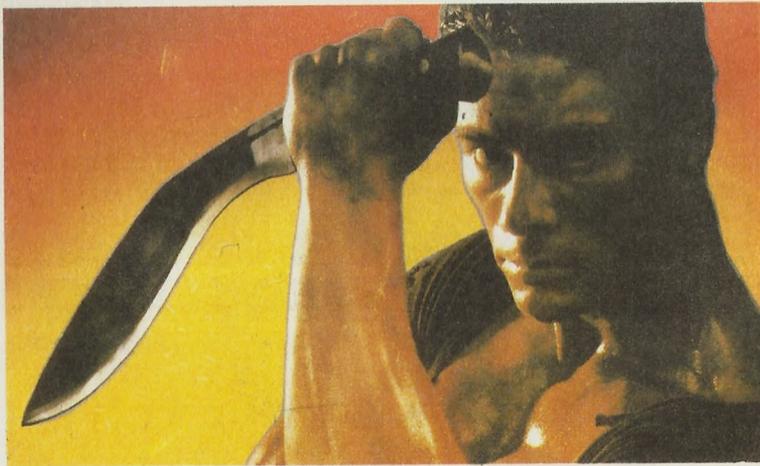
— Он слишком много смотрит телевизор. В этом-то его беда.

— Какой ты был сердитый, Харви.

— Всю неделю мной вертели, как хотели. Мне это надоело.

— И я надоела?

— Ты — нет.

— Ну и слава Богу. А он выписал тебе чек на восемьдесят пять тысяч, да?

— Угадала.

— Харви, перестань говорить как частный детектив из фильмов. Я вряд ли выдержу это два дня подряд. Восемьдесят пять тысяч — хорошие деньги, но этот жуткий вице-президент компании Гомер Смедли, он теперь ничего с тобой не сделает, потому как завтра ты получишь по чеку наличными, и принесешь их ему. Это будет очень умно с твоей стороны.

Я пожал плечами.

— Но ты раскопал что-то ужасное про Брендона, раз он так легко расстался с деньгами. Он же самый главный скупердяй на земле. Что ты про него узнал, Харви?

— Ничего.

— Знаешь, что я думаю?

— И знать не хочу.

— Харви, по-моему это он сам все и придумал. Это ему пришла в голову мысль украсть Рембрандта. Он совершенный псих и вполне способен решиться на такое. Ну что, я угадала?

— Нет, не угадала, и ты тоже спятила, — сказал я.

Мы сели в такси, и уже в машине я ее поцеловал. Взял и поцеловал. Не как символ чего-то там такого, а просто потому, что захотелось. После этого она жалобно сказала:

— Представляешь, завтра мне опять надо на работу. А мне было с тобой так весело.

Я поблагодарил ее кивком головы, но вслух ничего не сказал.

— Но, может, мы позавтракаем вместе?

— Мне надо с утра быть в банке.

— Тогда как насчет ланча?

— Ладно, — согласился я. — Ланч, так ланч. У Готома.

— Харви Крим — великий мот и расточитель, — сонно произнесла Люсиль.

Я и сам засыпал на ходу, когда вошел к себе домой. Зазвонил телефон. В трубке я услышал гнусавый голос Гомера Смедли:

— Наконец-то вы пожаловали, Харви. Я прочитал утром в газете, что вы теперь национальный герой. Нам это приятно. Нам нравится, когда на нашу компанию работают герои. Но знаете, что нам понравилось еще больше?

— Восемьдесят пять тысяч долларов, — сообщил я, как ни в чем не бывало.

— Молодец, Харви.

— Утром получите наличными.

— Нас устроил бы и чек...

— Лучше наличными, — повторил я.

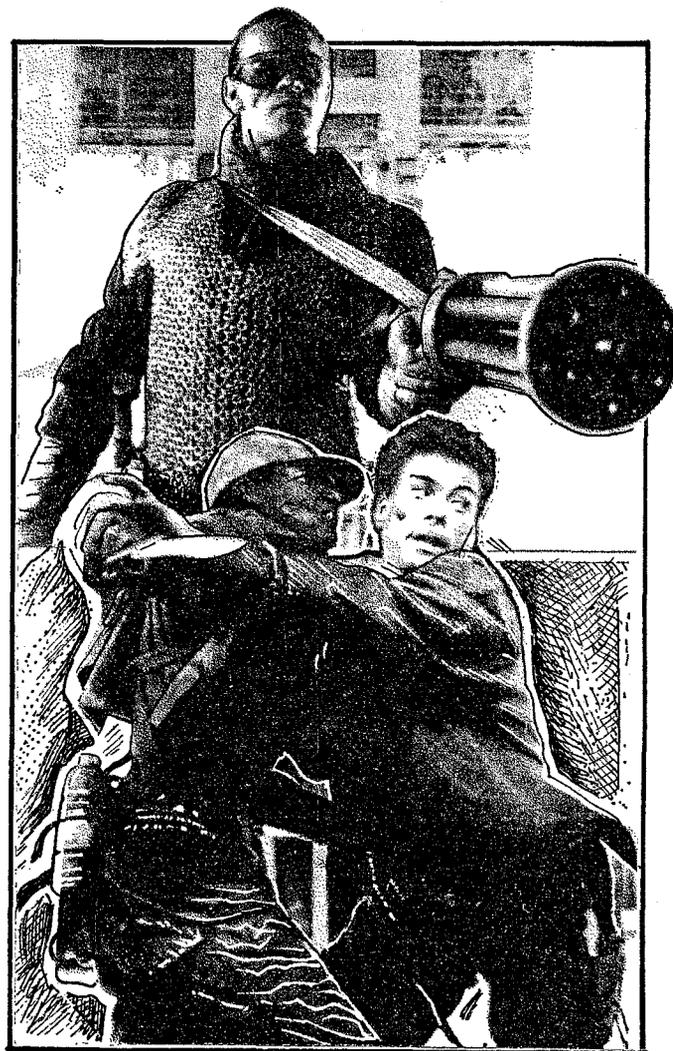
— Договорились. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — отозвался я.

И лег спать.

КРИСТИАН ОУМЕН

КИБОРГ

Christian Omen
«CYBORG»

Перевод с английского.

Кристиан Оумен
«КИБОРГ»

ПРОЛОГ

В двадцать втором тысячелетии на земле бушуют войны между огромными корпорациями.

«Кобо-яши-электроник» (Япония) и «Пинуилл-роботик» (США) борются за контроль над компьютерными программами и изгото-

товлением киборгов.

Киборги заменили людей везде: от солдат на поле брани до проститутки в публичном доме. Миллиарды долларов стоят на кону, и, как всегда, любовь к власти и деньгам оказывается источником всех зол.

Но не любви к деньгам обязано человечество изобретению первого киборга на планете, а любви к людям, к жизни, ко всему живому.

Просто любви.

Мало кому сейчас известно имя ученого, который в экстремальных условиях вселенской катастрофы двухтысячного года создал совершенную модель киборга, спасшего человечеству жизнь.

Имя этого уникального киборга с человеческим разумом тоже давно забыто людьми.

И уж совсем не имен тех, кто, рискуя собой, сохранил жизнь гениальному изобретению.

Ради жизни будущего человечества.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К началу двадцать первого столетия третья мировая война оставила на земле считанные островки жизни. И, как последнее наказание человечеству, к пожарам, всеобщей разрухе добавила такое, от чего, казалось, нет и не будет спасения.

Началась чума, живая смерть. Неизвестная науке новая разновидность чумы взяла власть над всей планетой.

Надежды, по существу, уже ни у кого не оставалось, и только единственная уцелевшая подземная лаборатория ученых Северной Америки, похоронив свои лучшие умы, все-таки совершила невозможное.

Последними из оставшихся в живых учеными Атлант-сити было разработано противоядие против чумы. Не хватало им самой малости — данных компьютерной сети города Нью-Йорка.

Эти данные позволили бы начать эффективное применение противоядия, спасти горстки разбросан-

ных по всей планете, чудом выживших людей: обездоленных, отчаявшихся, не имеющих надежд на избавление последних представителей человеческого рода...

Профессор Берроуз, специалист по созданию искусственного интеллекта, ученый лаборатории, открывшей противоядие от чумы, с грустью и восхищением одновременно смотрел на свою дочь, дважды рожденную им в этом мире.

— Кассела, после операции ты никогда не будешь такой же...

— Я знаю, отец, — ответила девушка. — Но слишком многое поставлено на карту. У нас нет выбора.

— Кассела, — голос профессора дрожал, — я преклоняюсь перед твоим мужественным решением.

— Я бы не пошла добровольно на операцию, отец, — объяснила Кассела, — если бы не все последствия. Кто, кроме меня, может помочь людям? Только я сейчас смогу раздобыть и доставить в центр данные компьютерной сети.

— Да, Кассела, — согласился он, — ты прекрасный киборг для этого задания. Но ведь я запомнил тебя как жизнерадостную девчонку, мою Касс...

— Отец, прекрати, — воскликнула девушка. — Я согласилась вживить свой разум в систему киборга потому, что мы потеряли цель жизни, наш гуманизм. Мы многое потеряли. Сколько на земле осталось людей: десять, сто тысяч? Кто знает, когда погибнет

последний человек? Жизнь уже не имеет никакого смысла!

Помолчав, девушка продолжала:

— Я хочу изменить все это. Люди должны жить на земле! Все, что зависит от меня, я сделаю. Клянусь!

— Удачи тебе, девочка, — профессор не скрывал своих слез. — Ступай. В Нью-Йорке найди проводника Роя Гиббсона. Он поможет тебе.

Ученый открыл двери бункера, и девушка скрылась в темноте в окружении отряда охраны; тридцати вооруженных бойцов сопровождения, выполняющих категорический приказ центра: любой ценой пробиться в Нью-Йорк и возвратиться обратно с целой и невредимой Касселой.

Но профессор Берроуз не мог знать, что вот уже долгих пять лет никто в Нью-Йорке не видел Роя Гиббсона.

И только один человек — Марк Троумэн — знал, что Рой жив, и знал, где его можно найти.

Рой Гиббсон родился в то время, когда война на земле между континентами достигла своей завершающей фазы: мира цивилизации уже просто не существовало.

Города, уцелевшие от бесчисленных наводнений и землетрясений, вызванных применением всех видов оружия, представляли из себя груды развалин из скорченного, обгоревшего железа и беззащитных камней.

Огонь, дым, лишения и множество смертей еже-

дневно были перед глазами Роя. Все двадцать четыре часа в сутки люди, которых он видел, боролись за жизнь. Ни транспорта, ни электричества, ни связи уже не существовало — война уничтожила все достижения человечества.

Но иногда, на время, отдельными энтузиастами из числа бывших правителей, удавалось организовывать некое подобие служб по наведению порядка и спасению людей.

В одной из таких служб и работал молодой Гиббсон. Выросший в развалинах, знавший лабиринты Нью-Йорка, все подземелья города, Гиббсон уже несколько лет выводил одичавших людей, согласных уплыть из города в пункт, откуда их морским путем переправляли в Атлант-сити, единственно пригодное еще место для существования, где вокруг уцелевшей лаборатории пытались возродить нечто подобное городскому поселению.

Никто не знал, где и с кем живет Гиббсон, но многое можно было понять по его улыбке, когда он, найдя среди груд камней и мусора какую-нибудь целую игрушку, машинку или куклу, клал ее себе за пазуху.

А жил тогда Гиббсон с семьей — женой Кэт и ее детьми: Робом и Келли.

А началось это все так.

— Выведи нас из города, — попросила его однажды молодая женщина с двумя маленькими детьми на руках.

Растрепанные, они стояли у развалин дома, с недавних пор ставшего их жилищем.

— За это мне и платят, за то, что я вывожу

людей из города, — ответил Рой. — Пошли, нам нужно спешить.

Целую неделю они выбирались из разрушенного, горящего Нью-Йорка. Дважды за эту неделю Гиббсон вступал в схватку с пиратами шайки Гарри Флингера, которые очередной раз высадились тогда в городе, и дважды Гиббсон убивал нападавших разбойников, спасая от смерти Кэт с детьми.

Они успели привыкнуть друг к другу за это время, и мысли о предстоящем расставании не давали покоя обоим.

— Ты хорошо обращаешься с моими детьми, — сидя у костра и разливая кипяток по кружкам, сказала Кэт.

— А они мне нравятся, — ответил Гиббсон.

Рой достал из своей сумки сушеную рыбину и разделил ее поровну между всеми.

— Кэт, — обратился он к женщине, — почему вы пошли за мной?

— У нас не было выбора, — отвечала она, подбрасывая в огонь куски картона. — Ты единственный, кто согласился вывести нас, хоть и за вознаграждение.

Женщина серьезно посмотрела на него.

— Я не знала сначала, верить ли тебе? Думала, какая разница между тобой и пиратами, которые убили моего друга?

— А сейчас?

— Сейчас я вижу, что ты не такой, как другие. Ты мне нравишься, Гиббсон.

- Ты тоже мне нравишься, Кэт.
- Я не хочу, чтобы ты умирал, Рой.
- Я тоже не хочу, этого. Я хочу, чтобы ты жила, Кэт.
- Останься с нами, — попросила она, — хотя бы ненадолго.

Утром Гиббсон повел Кэт с детьми только ему известными ходами к затерянному в лесу убежищу.

— Здесь никто не ходит, это спокойный дом, — говорил он, показывая Кэт сохранившиеся в целости постройки.

— Это будет наш дом, мы будем здесь жить, — обрадовалась Кэт.

Впервые за свою суровую жизнь Гиббсон узнал, что такое счастье. Ему нравилось возвращаться домой, в тепло, к Кэт, к детям, неся с собой запасы продовольствия и одежды.

Два года остались позади.

Рой по-прежнему выводил людей из города, и они благодарили его, кто как мог.

Людей, желающих выбраться из города было много: слух о том, что в Атланте организовывается нечто вроде лагеря, поселения вокруг лаборатории ученых, достиг всех трещин и подземелий. Люди собирались вместе. Так было больше шансов уцелеть в хаосе разрушенного до основания мира.

Но не только по этой причине люди спешили уйти

из города. Садист Флингер, собрав вокруг себя шайку головорезов, свирепствовал, убивая всех на своем пути. Пощады не было никому.

— Гарри Флингер снова в Нью-Йорке, — говорил Рою его друг Марк Тромэн.

Марк жил в подвале разрушенного небоскреба, рядом с водой и, создав что-то наподобие мастерской, занимался изготовлением ножей, железных наконечников и рыболовных крючков. Этим он помогал искавшим способа пропитания людям, жившим поблизости.

— Говорят, его банда значительно разрослась, — продолжал Тромэн.

— Ты считаешь, пора в Атланту? — спросил Рой.

— Я болен, да и пожил достаточно в этом дерьме, — отвечал Марк. — Никуда отсюда я не уйду, да и не дойду до Атланты. А вот тебе советую: забирай семью и уходи.

— Я не боюсь Флингера, и нас он не найдет, — возражал Гиббсон. — Мы в надежном укрытии.

— Рой, — покачал головой Тромэн, — у пиратов много людей, они рыскают повсюду. Боюсь, что и до вас могут добраться.

— Не волнуйся, Марк, ты же знаешь, я не из робких. И у меня достаточно патронов, — Гиббсон показал свой карабин. — А у них плохо с боеприпасами, насколько я знаю.

— Верно, Рой, но все-таки послушайся моего совета.

— Хорошо, Марк, я подумаю, хотя кто знает так хорошо лабиринты, как я? Желających выйти много;

мне неплохо платят, я достаточно зарабатываю. А как еще мне прокормить Кэт с детьми? Там, в Атланте, где я часто бываю, не очень-то с жильем, с пищей, с работой.

— С твоим опытом и с таким здоровьем ты найдешь себе место и там. Подумай, Рой. Побереги себя, семью.

— А ты как, Марк?

— У меня тоже есть укромный уголок, как у тебя. Знай это, если понадобится. Пираты меня не тронут, кто им поможет починить оружие? В прошлый раз я вынужден был помочь им, но потом спрятался и они меня не нашли.

Попрощавшись с другом, Гиббсон отправился домой. Он спешил, и путь выбрал покороче. Пробравшись сквозь обломки давно рухнувшего моста, он оказался на своей территории, так они с Кэт называли лесок, в котором стоял их дом.

Чтобы попасть к тропинке, ведущей к жилью, надо было переплыть небольшой канал, кольцом окружающий возвышенность, на которой стоял дом.

Гиббсон, держа над головой карабин, выбрался из воды. Положил на землю оружие, стряхнул с себя воду и стал одеваться.

Неожиданный сильный удар чем-то тяжелым по голове застал его врасплох. Падая, он успел развернуться к нападающему и увидел верзилу, занесшего над ним дубинку. На помощь бандиту спешили еще двое.

Гиббсона, окровавленного, со связанными за спиной руками, бросили на землю у колодца. Чтобы привести его в чувство, вылили на него ведро воды. Рой открыл глаза.

Вокруг полуколыцом молча стояли пираты. Среди них, ростом и телосложением, выделялся один, в черных очках с бритой головой. Он склонился над Гиббсоном, снял очки. Их взгляды встретились. Молчание нарушил бритоголовый:

— Развяжите ему руки.

Двое из стоявших кинулись к Рою. Один приподнял его за плечо, другой ножом перерезал веревки.

Гиббсон стал разминать затекшие руки. Потом медленно приподнялся и, держась за выступ колодца, с трудом стал на ноги. Усилием воли заставил себя выпрямиться, расправил плечи и повернулся к бритоголовому. Глаза их снова встретились. Бритоголовый был выше Роя, бугры мышц под рубашкой выглядели как-то противоестественно — настолько огромными они казались. Голубые глаза ничего не выражали.

Усмехнувшись тонкими губами, он спросил:

— Ты — Рой Гиббсон?

— Да, — ответил Рой, — А ты — Гарри Флингер?

— Да. Я слышал, ты хороший боец и отличный проводник. Ты мне нужен и пойдешь со мной.

Рой молчал, оценивая ситуацию. Если Кэт успела спрятаться от пиратов, то ему ничего не стоило бы сделать вид, что он согласен быть в банде бритого-

лового. Ну а если их уже убили? Волнение и ненависть захлестнули Гиббсона, но виду он не подал. Рой решил выиграть время.

— Я пойду в дом переоденусь, — сказал он, сделав несколько шагов по направлению к дому.

— Не беспокойся, Гиббсон. Они давно у нас, — усмехнулся Флингер.

— Что у вас? — притворяясь, спросил Рой.

— Кто, а не что, — медленно чеканя слова, железным голосом произнес Гарри Флингер. — Зайди в дом, увидишь.

Гиббсон поспешил в дом. Трое пиратов последовали за ним.

Гиббсон открыл одну дверь, вторую... В комнате на полу вся в крови лежала Кэт. Рядом, прижавшись к ней, дрожали от ужаса дети. Обессиленная Кэт прижимала их к себе, поглаживая и успокаивая.

— Рой, — тихо промолвила она, — они убили меня. Понимаешь, Рой... Мы погибли.

Гиббсон обернулся. Позади него, ухмыляясь, стояли пираты. Один из них сжимал в руках кольт. Тело Роя напряглось, как у зверя, готового к прыжку.

— Не дергайся, парень, — крикнул пират, направляя дуло ему в лицо. — Не дергайся, продырявлю!

Гиббсон взял себя в руки и спокойно сказал:

— Я должен поговорить с Флингером.

Пират с пистолетом отошел в глубь коридора и головой кивнул в направлении двери:

— Иди! Я за тобой!

— Кэт, я скоро приду, не волнуйся.

Рой склонился над женщиной, нежно погладил ее волосы:

— Выше голову, Робби, — он ущипнул за щеку мальчика. — Келли, все будет хорошо, не плачь.

Дети заплакали еще громче, с надрывом. Ужас продолжал стоять в их глазах.

— Я не брошу вас, я с вами, — выпрямляясь проговорил Гиббсон. — Ждите меня, я сейчас, — Гиббсон вышел из комнаты, закрывая дверь. За ним, в трех шагах, шел бандит с пистолетом.

Флингер, сложив руки на груди, стоял, широко расставив ноги. Рой приблизился к нему и с видом человека, принявшего решение, сказал:

— Я пойду с тобой и буду помогать вам, но прежде поставлю на ноги Кэт и детей.

— Ее ты не спасешь уже. Мои ребята хорошо поработали над ней.

Пираты, стоявшие рядом, гнусно загоготали.

— Девчонку я возьму с собой, — зловеще улыбаясь, произнес Флингер. — Она мне нравится. А мальчишку и свою подругу ты уничтожишь сам. Докажешь, что ты с нами, что ты — наш!

Молниеносный удар в челюсть справа заставил Флингера покачнуться. Но он был готов к следующему удару, и, уклонившись от прямой левой Гиббсона, нанес ответный удар в корпус ногой.

Силы были слишком неравными, Гиббсон лежал на земле, не имея сил пошевелиться. Тонкие струйки крови стекали из уголков губ.

— Девчонку ко мне, — скомандовал Флингер. — Остальных связать вместе и утопить в колодце!

Роя, Кэт и Робби, связанных, подтащили к колодцу, стоявшему посередине двора.

Стены колодца были каменными, на месте крыши, закрывающей когда-то колодец, осталась только одна основная балка. Через нее пираты перекинули веревку. Один конец привязали к лежащим на земле людям, второй — удерживали три огромных бандита. Пленников пододвинули к самому краю колодца, подтянули за веревку, и они зависли над каменным цилиндром, наполненным мраком.

— Возьми веревку, — сказал Гарри Флингер девочке. — Если удержишь маму с братиком, то они будут жить.

Девочка с глазами, полными страдания, обеими руками вцепилась в веревку.

— Отойдите, — приказал Флингер пиратам, по-прежнему державшим канат.

Они отпустили, и девочка, морщась от боли, упираясь изо всех сил ногами в землю, пыталась удержать канат. Но слишком мало было у нее сил, чтобы удержать драгоценный для нее груз. Веревка стремительно скользила в ее руках, сдирая кожу до крови, и через мгновение конец ее скрылся в колодце. Глубоко из-под земли донесся удар, всплеск. Эхо повторило звук... Все было кончено.

Из груди девочки вырвался страшный крик, она упала на землю и забилась в истерике.

Гарри Флингер подошел к ней, обнял, взял на руки и сказал:

— Теперь ты будешь с нами всегда. Ты сама сделала это, ты такая же, как мы.

Подозвав к себе женщину с кинжалом за поясом, Флингер предупредил:

— Отвечаешь за нее головой. Понятно?

— Да, Гарри.

— Все лучшее — ей. Успокой ее и собирайтесь в дорогу. Завтра мы будем в Нью-Йорке. Для вас уже приготовлено место. Боб покажет.

Флингер развернулся и пошел, издав победный крик, какой не слышала земля, пожалуй, со времен охоты на мамонтов.

Марк Троумэн, стоя у верстака в своей мастерской, внимательно рассматривал кинжал, который принес ему неожиданно появившийся пират.

— Ты сможешь восстановить его? — спрашивал мастера пират, — уж очень стала хорошая.

Троумэн, отвернувшись от пирата, чтобы скрыть свои чувства, продолжал держать кинжал в руках. Сомнений быть не могло: это оружие принадлежало Гиббсону. Марк сам подарил ему этот кинжал. Как он мог оказаться у пирата? Страшная догадка мелькнула в мозгу Троумэна.

— Да, отличная работа. Попробую что-нибудь сделать, — медленно проговорил он.

— Попробуй не сделать, — угрожающе прошипел пират.

— Редкой красоты кинжал, — продолжал Троумэн, не обращая внимания на угрозу. — Таких я никогда не видел, а я знаток оружия, уж поверь. Ты, пожалуй, единственный обладатель на земле такого чудесного оружия.

— Да? — зажглись глаза у пирата. — Хорошо, что я его подобрал вчера.

— Вчера? — удивился Марк. — Так он, значит, принадлежал кому-то из местных? Никогда бы не подумал, что у кого-то из наших может быть такая красота.

— Мы утопили в колодце какого-то проводника с семьей. Это был его кинжал, — признался пират.

— Тогда понятно, — тихо сказал помрачневший Троумэн. — Ты зайди вечером, я сумею восстановить все как было.

— Делай сейчас, — грубо сказал бандит. — Я спешу.

— Хорошо, — ответил Троумэн. Через маленькое окошко мастерской он выглянул во дворик, который хорошо был виден из подвала, где он работал. Во дворе было пусто.

— Сейчас, — сказал он, подходя к наковальне мимо сидящего прямо на столе, к нему лицом, пирата.

Марк прислушался. Человеческих голосов слышно не было.

Он обернулся, держа в руке молот. Пират этого не видел, потому что решил тоже взглянуть в окно.

Понадобилось одно мгновение, чтобы раскроить бандиту череп. Не успев даже понять, что случилось, пират рухнул на бетонный пол.

Марк быстро отодвинул крышку люка, служившего когда-то входом в канализационную систему, быстро столкнул тело и поставил крышку на место. Ведром воды тут же смыл кровь, спрятал нож под верстак и прислушался. Внизу из-под люка раздавался тихий характерный писк и возня.

— Крысы съедят тебя за час, сволочь, — тихо проговорил Троумэн и стал собираться в дорогу.

Только один Троумэн знал, где жил Гиббсон с семьей.

— Надо спешить, — говорил он себе, ища новые пути в завалах, чтобы не попадаться на глаза пиратам, пользуясь секретами и лазями, о которых говорил ему когда-то Рой.

Через сутки уставший Троумэн стоял у дома Гиббсона, не решаясь подойти к колодцу. Пересилив себя, глянул вниз, робко крикнул в глубину мрака:

— Рой, Кэт...

Одновременно с эхом, Троумэн явственно услышал, как его, так же тихо, но настойчиво позвали:

— Марк, Марк.

Троумэн от неожиданности присел на корточки, весь напрягся, и тут еще раз услышал:

— Марк...

— Слава богу, это не галлюцинация, — подумал Троумэн, пытаясь понять, в какой стороне раздался голос, окликнувший его. Затем он увидел пятна

запекшейся крови на траве. Их цепочка уходила к сараю за деревьями у дома, примерно в том направлении, откуда ему послышался тихий голос.

Марк встал, на всякий случай спустил предохранитель пистолета и пошел прямо по кровавому следу.

В кустарнике лежал на животе Рой Гиббсон. Седой, с белым, как мел, лицом, с перебитыми ногами. Глаза его были открыты. Он пытался взмахнуть рукой, но не смог.

— Рой, ты жив, — обрадовался Марк. — А Кэт, дети?

Рой, еле шевеля губами, произнес, сисясь четко выговорить слова:

— Они погибли, Кэт и Робби. Келли Флингер забрал с собой. Помоги мне, Марк. Я отомщу Флингеру.

Гиббсон замолчал, собираясь с силами.

— В ста ярдах, — продолжил он, — внизу под склоном, есть землянка. Отнеси меня туда.

Сказав все это, Рой потерял сознание.

Марк, испугавшись, что Рой умер, склонился над телом и пощупал пульс. Он был еще жив.

— Да, парень, сильно тебя покалечили, — вздохнул Марк.

Найдя в доме большой кусок материала, Троумэн бережно уложил на него Роя и, держа за край, осторожно, волоком, потащил к землянке.

Прошло два месяца. Кости у Гиббсона срослись.

Марк, делавший вылазки только за тем, чтобы раздобыть пищу, был рядом с ним.

— Рой, — сказал он однажды, — я пойду в далекую разведку. Узнаю, где пираты. Ты сможешь неделю продержаться без меня?

— Да, Марк. Еды достаточно. А далеко уходить я не буду. Рано еще.

— Я скоро вернусь, Рой. Надо узнать, что там происходит. Здесь опасно долго находиться.

— Возьми автомат, у меня ведь есть еще один, ты знаешь.

— Хорошо, Жди меня.

Заметно осунувшийся Троумэн вернулся раньше, чем через неделю.

— Что они наделали, Рой. Почти никого не осталось из наших. Кого убили, кто сам ушел, спрятался, — сокрушался Троумэн. — Моей мастерской больше нет.

— Марк, — спросил Гиббсон, — но пираты ушли?

— Да, Рой, и, говорят, на север. Так что их долго не будет.

— До зимы побудем здесь, а потом переберемся к тебе. Хорошо, Марк? Как только я буду уверенно стоять на ногах, переберемся в город. Я знаю там одно убежище. Кроме меня, никто не знает о нем.

— Я хочу заниматься делом, хоть чем-нибудь заниматься, Рой.

— Там, совсем рядом с убежищем, о котором я тебе говорил, есть прекрасное место для мастерской.

Это у дороги на Чарльстон. У тебя будут клиенты и возможность спрятаться, если что. Идет?

— Согласен. До зимы окончательно выхожу тебя, и тронемся.

— Я уже приступил к упражнениям.

— Не рано ли, Рой?

— Нет, Марк, пора начинать. Я должен быть сильнее его. Я обязан отомстить ему. За Кэт, за Робби, за все. Клянусь, я убью Флингера!

К зиме Марк и Рой перебрались в свое новое жилище. Когда-то это была аварийная, на случай катастроф, комната для персонала метрополитена. Со всеми удобствами, но, из-за отсутствия электричества, отапливаемая дровами. Благо, вентиляция не была разрушена, осталась целой.

Там было довольно просторно. Неподалеку Марк снова открыл мастерскую. Впрочем, это была не только мастерская, но и как бы клуб, куда стекались, выползая из своих нор, особенно по вечерам, оставшиеся жители разрушенного Нью-Йорка.

Иногда появлялись странники, неся с собой известия о судьбах давно не существующих стран, континентов, городов.

Марк наладил что-то вроде меновой торговли. И вскоре у мастерской появилась пристройка из досок, блоков, кирпича, камней и фанерных щитов. Ресторан «Руины» — шутливо назвал свое заведение Троумэн. Обнаруженные Роем в лабиринтах метрополитена бильярдные столы они перетащили и поставили по периметру огромного зала пристройка-

ми. Постепенно появились и сиденья: тащили отовсюду кто что мог. Сами посетители мастерили лавки, крепили ящики.

И вот на бильярдных столах уже можно было увидеть емкости с самодельным вином, миски со скромной пищей.

Гиббсон жил в затворничестве, только в убежище виделся с Троумэном. Как одержимый, он ежедневно тренировался, совершенствовал свое тело, немало преуспев в этом. Иногда пропадал куда-то на неделю-две и возвращался, как правило, с раздобытым оружием, иногда — с боеприпасами. Один раз Гиббсон отсутствовал целый год.

Такая жизнь продолжалась долгих пять лет.

Роя было уже не узнать. Из юноши он превратился в воина с мгновенной реакцией, острым зрением. Он стал метким стрелком, атлетом, владеющим многочисленными приемами военного искусства.

Начавший было налаживаться относительный уют прервался эпидемией чумы. Ряды посетителей уменьшались на глазах. Лица начавших было улыбаться людей стали хмурыми, в их ввалившихся глазах легко можно было прочесть безнадежность.

Однажды с Огасто пришел беглец. Он рассказал, что в Нью-Йорк снова плывет банда Гарри Флингера. Чума основательно проредила и его людей, но их достаточно много и они очень жестоки и опасны.

В шайке Флингера, говорил незнакомец, есть очень

красивая девушка, его подруга Келли. И Флингер очень к ней привязан. Хотя трудно было предположить, что в таком жестоком и беспощадном сердце нашлось место для любви, закончил незнакомец.

Вечером об этом известии Марк рассказал Гиббсону.

— Наконец-то мое время пришло, — сразу заволновался Рой. — Я готов к встрече с этим дьяволом. Но Келли, Келли... Как спасти ее?

— Это уже не та Келли, наверное, какую ты знал раньше. Люди преобразуются, живя с волками. Сами становятся такими же.

— Я не верю, Марк. Она была такой доброй, ласковой девочкой, — отвечал Рой.

— Повезет — значит, спасешь ее, Рой.

— Сначала надо убить Гарри Флингера, — глаза Гиббсона были полны ярости, руки его сжались в мощные кулаки.

— Успокойся, Рой. Они, насколько я понял, будут здесь через два дня.

Утром Марк, попрощавшись с Гиббсоном, ушел в свое заведение, но, чего раньше никогда не бывало, прибежал назад буквально через несколько часов.

Он обрадовался, увидев, что Рой сидит дома и чистит оружие.

— Рой, — обратился к нему Троумэн, — очень важные новости. С тобой хочет увидеться одна симпатичная особа. Ни на кого не похожая. Говорит очень странные вещи.

— Что она хочет от меня? — спросил Рой.

— Она сказала мне, что у нее есть важная информация, и если ты проведешь ее до Атланты, ученые местной лаборатории моментально остановят чуму: у них уже готово противоядие.

— Откуда она меня знает? — удивился Рой.

— Она сказала, что ей посоветовал найти тебя профессор Берроуз.

Рой на мгновение задумался.

— Да, я помню его. Встречался с ним в Атланте, когда проводил туда людей. Он предлагал мне работу у себя.

— Эх, Рой. Лучше бы ты согласился тогда... — проговорил, вздыхая, Марк.

Лицо Гиббсона сразу помрачнело.

— Нет, — сказал он решительно. — Сперва я убью этого ублюдка. Потом отведу ее в Атланту.

— Рой, Флингер никуда не уйдет от тебя, а противоядие поможет выжить. Ты же видишь, как быстро угасают люди вокруг нас. Скоро никого не останется.

— День-два ничего уже не решают, Марк. Знаешь, отведи ее в подвальчик, помнишь, я его показывал тебе на прошлой неделе? Пусть там меня ожидает. Скажи, что я обязательно приду. И очень скоро. Да, и не забудь дать ей продуктов. Она должна сидеть там и никуда не показываться, пока я не появлюсь.

— Рой, я предлагал ей и поесть, и попить. Но она отказалась. Говорит, что она — робот. Поэтому я подумал, что она сумасшедшая. А выглядит, как

девочка на картинках журнала, что мы с тобой здесь нашли. Помнишь?

— Помню, Марк. Странные вещи ты говоришь, однако.

— Это она странная. Увидишь, Рой.

— Хорошо. Посмотрим. Сделаю, пожалуйста, все, о чем я попросил.

— До встречи. Я побежал, Рой.

И Марк, отодвинув потайную крышку люка, вышел в первое подсобное помещение их убежища. Открыв дверь, проскользнул во второе и, вскоре вынырнув из-под ничем не примечательного камня, двинулся в сторону своего заведения.

Рой, сидя за столом, продолжал чистить оружие.

Поздно вечером, держа в руках лучину, в убежище появился возбужденный Тромэн.

— Рой, только что у меня были люди, которые утверждали, что пираты в двух милях отсюда разбили лагерь. Среди них они видели бритоголового человека в черных очках.

— Где они разбили лагерь? — спросил Гиббсон.

— В том-то и дело, — с тревогой в голосе сказал Тромэн, — в том-то и дело, что Кассела находится в двух шагах от них. В подвальчике. Я сам утром отвел ее туда, как мы решили.

— Кассела? Так зовут эту девушку, о которой ты говорил?

— Да. И она, судя по всему, в опасности, Рой.

— Но ты сказал ей, чтобы она никуда не выходила?

— Сказать-то я сказал, да больно она любопытная, как я заметил. Подвал, действительно, почти невозможно обнаружить, но вдруг она захочет высунуться, услышав голоса, шум этих тварей.

— Ты прав, Марк. Я забыл, что это — женщина. Тем более — странная, как ты говоришь.

— Да, она снова повторила мне по пути, что она — робот, кибернетический организм.

— Киборг? Я слышал от профессора Берроуза о каких-то экспериментах. Они там в Атланте от безысходности могли все что угодно разработать. Тем более, насколько я помню, он говорил, что солнечные батареи уцелели у них в лаборатории, а значит, была возможность экспериментировать.

— Наверное, Рой. Ты молод еще, а я помню то время, когда кругом были роботы. Даже похожие на людей. Правда, не до такой степени похожие, как эта Кассела. Если она не врет, конечно.

— Какая разница, Марк, кто она. Пришла пора действовать. Ее может спасти как раз то, что я поклялся сделать — убить главаря пиратов! Я уйду, Марк. До встречи.

— погоди до утра, Гиббсон. Что ты сделаешь в темноте?

— Я должен увидеть ее до рассвета, если она еще в укрытии, конечно.

— Удачи тебе, Рой.

— Спасибо, Марк. Мы еще попрощаемся до похода в Атланту.

Опасения друзей подтвердились. Когда Рой до-

брался до подвальчика, в нем уже никого не было. Буквально в десятке метров, у скрытой от глаз расщелины, в грудке беспорядочно наваленных друг на друга плит, где был вход в укрытие незнакомки, виднелись силуэты обросших людей, греющихся у костра. Оттуда доносились смех, крики, обрывки разговоров.

Внимание Гиббсона привлек шум, какая-то возня, ругань, а может, и драка в противоположном направлении от расщелины. Он, крадучись, стал двигаться на эти звуки. И вскоре различил в темноте двоих пиратов, от которых убегала женщина. Иногда ей удавалось, оторвавшись от преследователей на несколько метров, спрятаться то за останками кирпичной стены когда-то многоэтажного дома, то за кучей всевозможного хлама.

Тогда пираты матерились, но негромко, стараясь не привлекать внимания, не желая, очевидно, делиться добычей с другими разбойниками.

Гиббсон в считанные секунды оказался рядом с одним из них. Он хлопнул пирата по плечу, заставив его обернуться. И тут же уложил его навсегда ударом кинжала в сердце.

Второй пират, привлеченный шумом ударившегося оземь тела, остановился в растерянности, не зная, продолжать ли преследование неожиданно исчезнувшей добычи или вернуться назад, узнать, что случилось с товарищем. Решение не успело, по всей видимости, прийти ему в голову, но вскоре решать уже ничего было не надо.

Гиббсон, вложив в ножны кинжал, тихо, но отчетливо произнес шепотом:

— Кассела! Кассела!

Рой удивился, когда в метре от него, незамеченная им, появилась девушка.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я — Гиббсон.

— О, я так и подумала. Вы спасли меня. Эти люди совсем не слушали, о чем я говорила им.

— Во-первых, это не люди, — весомо проговорил Рой. — Во-вторых, о чем можно говорить с этими ублюдками?

— Вы правы, Рой, — отвечала девушка, — я не сразу догадалась, что это разбойники.

— Пойдемте в укрытие, здесь недалеко, — предложил девушке Гиббсон. — Там мы обсудим, где вы останетесь ожидать меня.

— Рой, а может нам, наоборот, надо сейчас уходить как можно дальше от этих мест, пока пираты не видят нас.

— Кассела, я должен убить главаря пиратов, это — мой долг. Мой священный долг.

— Гиббсон, вы считаете, это возможно? Вы видели сколько их?

Рой показал девушке на ступени, ведущие вниз и взяв ее за руку, сказал:

— Отсчитываем ровно десять и резко ныряем вправо. Одиннадцатой — нет, ошибиться нельзя.

Они ощупывали в темноте стены коридора и вскоре за поворотом обнаружили дверь. Очутившись

в небольшом помещении, Гиббсон зажег свечу и, указав девушке на стул, сел сам рядом с ней на ведро, перевернутое вверх дном.

— Кассела, повторите, пожалуйста, то, что вы говорили Марку Троумэну.

— Хорошо, Рой. Я — киборг. Меня создали специально для того чтобы я собрала информацию из компьютерной сети Нью-Йорка. Я ее собрала уже.

— А как вы смогли дойти до Нью-Йорка, Кассела?

— У меня было тридцать человек сопровождения, когда мы вышли из Атланты. Большинство погибло в пути от рук бандитов, последние двое умерли вчера от чумы. Не убереглись.

— Значит, теперь вы одна?

— Да, и мне нужна ваша помощь, Рой. Я должна быть в Атланте. Там группа врачей, которая разработала противоядие от чумы. Кроме них врачей в мире нет, и им нужна информация, которой обладаю я. Тогда они победят чуму.

Кассела, не мигая, смотрела в глаза Гиббсону, не скрывавшему своего недоверия:

— Так вы правда не человек?

Кассела, не раздумывая, взяла себя за шею, что-то щелкнуло, она аккуратно приподняла свои волосы, собрав их в пучок, и перед изумленным взором Гиббсона предстали совершенно открытые внутренности черепа. Это был мозг, но мозг электронный, с бегающими светящимися точками, переливающийся всеми цветами радуги.

— Ну, сейчас ты веришь мне? — спросил киборг,

вновь приняв обличье обыкновенной симпатичной девушки.

— Да, конечно. Конечно, верю, — отвечал постепенно приходящий в себя от изумления Рой.

— Отведите меня в Атланту, Гиббсон. Вы многих спасете этим от смерти.

— Обязательно отведу, Кассела. Но прежде я убью Гарри Флингера. Он убил мою семью. Любимую женщину и детей.

— Но медлить с моим возвращением нельзя. Каждый день умирают от чумы люди. Их можно спасти.

— Убив Флингера, я тоже спасу от смерти многих людей, Кассела.

Гиббсон встал во восторг, поправил висевший у него на плече автомат.

— Тебе правда ничего не нужно для поддержания... поддержания жизнедеятельности, — запнулся он, находя нужное слово.

— Правда, — отвечала девушка-киборг. — Но здесь я не останусь ни минуты. Подскажи только, как мне самой добраться до Атланты.

— Не делай этого. Сейчас я покажу тебе, как выбраться из города. А встретимся мы завтра на восточной окраине Нью-Йорка, там осталась одна башня, она видна издалека. Запомни, у башни до захода солнца. Жди меня. Я успею разобраться с Флингером до этого времени. А сейчас давай подниматься, — сказал Рой.

Осторожно тем же путем они выбрались наверх

и, пройдя несколько шагов к видневшемуся в свете луны сломанному пополам столбу, остановились.

Указывая девушке направление, Гиббсон не заметил, как слева и справа от него две тени отделились от окружающего мрака и, крадучись, вплотную приблизились к нему. Кассела заметила пиратов чуть раньше Гиббсона. Но было уже поздно. Два мощных удара, почти одновременно, с разных сторон обрушились на Роя. Он покачнулся и, не устояв на ногах, рухнул на землю. Следующие удары пришлось по лежащему на земле телу.

Девушка, вскрикнув, отпрянула в сторону, бросившись в темноту. Но, также бесшумно, как появились, пираты молча догнали ее и, с обеих сторон крепко держа за руки, повели по направлению к виднеющимся вдалеке огням костров.

Гарри Флингер с любопытством рассматривал лицо незнакомки:

— Ты не похожа на обитателей местных подземелий. Кто ты? И откуда пришла?

Девушка медлила с ответом, выигрывая время. За спиной Флингера уже стояло несколько пиратов, и постоянно подходили все новые и новые. Огнестрельного оружия, заметила Кассела, у них не было, лишь у некоторых висели на плечах гранатометы. Зато мечей, кинжалов, топоров — у каждого было предостаточно.

— Ты слышала мой вопрос? — металлическим голосом произнес Флингер.

Девушка-киборг, обедев взглядом окружение главаря пиратов, остановила взгляд на нем самом. Широкие плечи, выдающийся подбородок, бугры мышц. От него веяло животной силой. На поясе висели пистолеты. Одним жестом Флингер заставил своих людей отойти на достаточное расстояние. Сам же вплотную подошел к девушке.

— Ну?! — сощурил глаза пират. «Нет, — подумала Кассела, — на Гиббсона надежды нет. Ему не справиться с Флингером, а я найду способ обхитрить пирата».

— Я из Атланты, — наконец ответила она.

— А здесь что ты делаешь? В Атланте, говорят, жизнь стала лучше.

— Да, я должна быть в Атланте.

— Зачем? — спросил Флингер.

— Я — киборг. Меня специально создали, чтобы я собрала информацию для врачей лаборатории. Они работают над противоядием против чумы. И я обладаю этой информацией. Мне нужен человек, который отвел бы меня в Атланту, — закончила девушка.

Флингер сразу воодушевился:

— Я отведу тебя в Атланту, и они дадут мне этот препарат. А если кто этого не сделает, я покажу им тогда, что к чему!

Рой Гиббсон открыл глаза. Затем он осторожно приподнял голову и огляделся. «Скоро рассветет», — подумал он. События ночи ярким калейдоскопом проплыли в его сознании.

— Нежели киборг в руках у Флингера? — задавал он себе один и тот же вопрос. Хорошо, что оружие они не заметили в темноте. Гиббсон щелкнул затвором автомата и бесшумно, выверяя свой каждый шаг, пошел в сторону, где был расположен лагерь пиратов.

Спрятавшись за остатками колонны, что когда-то подпирала здание Дворца Правосудия, Гиббсон издалека наблюдал за пробуждением лагеря. Ему хорошо было видно, где пираты расставили свои посты. Подходить ближе было опасно. Оставалось только ждать.

Наконец все в их лагере пришло в движение. Рой видел, как Флингер в окружении четырех рослых пиратов стал пробираться на восток, остальные цепочкой двинулись в сторону океана. Среди этой группы Гиббсон отчетливо увидел красную рубашку Касселы.

Он оставался еще некоторое время в укрытии, обдумывая план действий. «Я знаю место, где две группы встретятся», — решил он, и отправился одному ему известными путями в завалах наперерез пятерке Гарри Флингера.

Выбрав удачное место для засады, Рой, держа наготове автомат, спрятался в расщелине между двух камней, лицом к тропинке, где, по его расчетам, должен был пройти Флингер со спутниками.

Прошло около часа, прежде чем ветер донес до его слуха шум шагов и мужские голоса. Гиббсон насторожился и приготовился к нападению. Но,

неожиданно для него, крики и топот ног послышались значительно правее тропинки, где он ожидал встретить своих врагов. «Там же тупик», — подумал Гиббсон. — «Ну что ж, тем лучше», — обрадовался он. И стал продвигаться на звуки голосов. Звуки становились все ближе, ближе, можно было уже отчетливо слышать отдельные фразы, ругательства. Внезапно раздавшийся крик женщины заставил Гиббсона поторопиться. Через несколько секунд он был у площадки перед останками давно разрушенного одноэтажного дома. На площадке, увидел Гиббсон, два пирата, вооруженных клинками, дрались с молодой девушкой. Та довольно ловко защищалась, шпага ее успевала отражать все выпады разбойников, но их яростная атака вынуждала девушку, пятясь, приближаться к низкой каменной стене дома. Вот-вот, и лопатки ее вплотную прижмутся к стене.

На краю площадки лицом вверх, с кинжалом в груди, лежал мертвый пират. В нескольких метрах от него, стоя на коленях, хрипел, корчась от боли, другой.

— Эй, вы, — окликнул находившихся к нему спиной пиратов Гиббсон, отсалютовав им своим коротким мечом. На мгновение оба обернулись на возглас Роя. Этого было достаточно для того, чтобы девушка успела нанести сокрушительный удар клинком под углом вверх пирату, бывшему от нее по правую руку. Острие шпаги незнакомки, полоснув шею, вонзилось под челюсть, и, проникнув в череп

пирата поразило мозг. Тело его качнулось вбок, замерло на секунду и стало падать, рука все еще продолжала сжимать шпагу. Ноги разбойника дернулись последний раз, и он навсегда затих.

На секунду позже труп другого пирата лег рядом. Это Гиббсон, сделав ложный полувывпад, заставил того открыться в ударе и, перехватив его шпагу, хладнокровно поразил мечом в сердце.

Рой посмотрел на девушку, которая сидела у стены в изнеможении. Тело ее клонилось к земле, голова бессильно падала, капельки крови стекали на песок из раны на руке.

Разбойничий свист за спиной Гиббсона не позволил ему даже вложить меч в ножны.

Сразу трое пиратов бросилось в атаку на Роя. Первый, длинноволосый, с повязанной на голове черной лентой, рухнул мгновенно от удара Гиббсона ногой в челюсть. Двое других остановились. Один из них постарше что-то крикнул молодому, и тот, пробежав вдоль площадки в пяти метрах от Гиббсона, оказался у него за спиной.

Гиббсон мгновенно вскочил на стену дома, и, не решаясь привлекать внимание стрельбой из автомата, выхватил нож, — подарок Марка Троумэна. Бросок был безошибочным. Одиннадцатидюймовое лезвие сверкнуло в воздухе, как молния, и вонзилось точно в шею молодому пирату.

В ту же секунду Гиббсон, спрыгнув со стены, бросился с мечом на второго пирата, здорового

широкогрудого детину, и первым же ударом вышиб у того саблю. Но не удержал и свой меч.

Пират не растерялся, в руке у него появился большой охотничий нож. Гиббсон резким прыжком рванулся вперед и вверх. Его ботинок ударил в руку пирата, держащую оружие. В то же мгновение Рой успел приземлиться на ладони и снова взлететь, на этот раз отскочив назад. И вовремя: удар ноги детины лишь содрал кожу у него на скуле.

Рой снова прыгнул, и, уже оторвавшись от земли, сгруппировался, казалось, еще выше поднявшись в воздух, и, с силой выбросил обе ноги вперед, целясь в голову пирата.

Удар был мощным, Гиббсон даже расслышал хруст ломающейся челюсти. Детина, качнувшись назад, удержался на ногах. В ярости, он молотил кулаками, словно дубинами, размахивая ими перед собой.

Хладнокровный, четко отработанный удар Роя застал его врасплох. Чуть согнутый указательный и большой пальцы Гиббсона, как стальная клешня, вонзились немного выше верхней губы, прямо под носом детины. Закричав от боли, пират рухнул лицом вниз. Гиббсон, ни секунды не мешкая, схватил поверженного громилу за волосы и придавил к земле. Потом он резко рванул его голову вверх, и в тот же миг нанес сокрушительный удар ребром ладони по шее. Этот удар оказался смертельным.

Вытирая пот с лица, Гиббсон приблизился к

лежащей на земле девушке. Она была без сознания. Рой перепрыгнул через стену дома, подошел к трупку молодого пирата, вытащил из его тела нож, вытер его о землю и вложил обратно в ножны.

Потом, проделав обратный путь, поднял девушку на руки и пошел подалее от того места, где его могли обнаружить.

Удалившись на достаточно безопасное расстояние, Гиббсон бережно положил на землю девушку. Несколько минут он молча смотрел на нее: длинные черные волосы, милое юное лицо. Затем Гиббсон достал флягу и, промыв рану, перевязал ей руку. Застонав, девушка открыла глаза.

— Как тебя зовут? — спросил Гиббсон.

Девушка молчала, следя глазами за Гиббсоном.

— Как тебя зовут? — снова спросил он.

Она все так же молчала в ответ.

— Не хочешь отвечать и не отвечай, — сказал Рой, и, поднявшись на ноги, направился в сторону видневшегося неподалеку почти целого сарайчика: стены сохранились, крыша наполовину была разрушена. Вскоре он вернулся, неся в руках кусок брезента. Расстелив его на полу, он осторожно перенес туда девушку. Незнакомка молча и все так же настроенно наблюдала за ним. Рой ушел в сторону сарайчика, не было его долго. Через некоторое время он появился, неся в руках одеяло. Девушка лежала с закрытыми глазами.

«Похоже, спит», — подумал Рой. Накрыв девушку одеялом, он стал возиться у костра. Запасов еды,

которые приготовил ему Марк, вполне хватало на хороший ужин.

Приготовив его, Рой подошел к девушке. Краем глаза он видел, что та уже давно проснулась.

— Ужин готов, — сказал он.

Неожиданно край одеяла взметнулся вверх и Гиббсон увидел руку, державшую нож. Она целилась прямо ему в грудь. Мгновенно среагировав, Гиббсон ударил по руке и нож, зазвенев, отскочил далеко в сторону. Девушка вскрикнула и, снова оказавшись на спине, выставила ноги, готовясь к отражению нападения.

Гиббсон покачал головой и сказал:

— Я говорю, ужин готов. Вставай, поешь.

Сделал несколько шагов, поднял нож, посмотрел на него, оценивающе щелкнул по лезвию ногтем большого пальца, и снова подошел к девушке. Положил нож рядом с ней.

— Не делай так больше, — сказал он. — Успокойся, я не хочу сделать тебе ничего плохого.

Девушка с недоверием в глазах все еще смотрела на него. Но вскоре голод, очевидно, взял свое, и она накинув одеяло на плечи, села к костру.

— А тебя как зовут? — сейчас она первой задала вопрос.

— Меня зовут Рой Гиббсон.

— А меня Патрисия. Пат.

Немного помолчав, она заговорила снова.

— Так ты не пират?

— Нет, — ответил Гиббсон.

— Скажи, почему ты не убил меня? Ведь я хотела тебя убить. Это совсем не похоже на такого как ты.

— Мне стало тебя жалко, — просто ответил он.

— У тебя, значит, есть сердце.

Гиббсон промолчал.

— А почему ты мне помог там, у стены?

— Я принял тебя за другого человека.

— Женщину?

— Да.

— В красной рубашке?

— Да. А ты ее откуда знаешь?

— Я слышала, о чем пираты говорили с этой женщиной.

— Как ты могла слышать?

— Когда ее привели к Флингеру, я пряталась в подземелье, сидела в колодце под ними.

— И что ты услышала?

— То, что у этой женщины есть противоядие от чумы, и что она — киборг, и должна быть в Атланте с информацией для лаборатории.

— А что отвечали пираты?

— Флингер сказал, что противоядие должно принадлежать ему,

— Зачем оно ему?

— «Я хочу быть богом», — сказал он.

— Богом?!

— Да, Богом. Кассела говорила, что он может избавить всех от несчастий, а он ответил, что обожает несчастья.

— А что еще ты слышала?

— То, что они решили отвезти ее в Атланту.

— Отвезти? На чем?

— У них есть корабль. Они хотят плыть до Чарльстона.

— Значит, их корабль уже здесь, в Нью-Йорке. Вот почему они шли к воде.

— Да. Когда они направились к океану, я пошла за ними. Я решила все сделать, чтобы помочь этой женщине-киборгу.

— А потом что случилось? — Рой наскоро хлебнув воды из фляжки, вдруг заволновался, засуетился и стал собираться.

— Я шла следом, но они меня обнаружили. Погнались за мной, пришлось вступить в бой.

— Где ты научилась так хорошо обращаться с саблей? — Гиббсон перекинул через плечо карабин, поправил ремни на поясе и груди.

— Отец научил. Я многое умею благодаря ему. А когда ты пришел мне на помощь там, на площадке у стены, я почему-то подумала, что ты тоже пират, такой же, как и они. Просто не поделил с ними что-то и решил их убить.

— А потом ты решила убить меня?

— Да. Извини. Но я столько натерпелась в последнее время, что никому уже не могу верить.

— И правильно делаешь. Ну что ж, Патрисия, давай прощаться. Я объясню тебе сейчас, как ты можешь найти хорошего человека, моего друга. Ему можно верить.

— А ты куда пойдешь?

— К причалу.

— Так ты собираешься спасти эту женщину от пиратов? Я бы хотела тебе помочь. Моя семья погибла от чумы. У меня никого не осталось. Я пойду с тобой.

— Мне не нужно помогать. Тем более, ты ранена.

— Я уже хорошо себя чувствую.

— Отлично. Вот и отправляйся к Троумэну. У него в заведении переночуешь, а потом пойдешь, куда тебе надо.

— Тебе не нужна моя помощь?

— Нет.

— Но я сказала тебе, что сделаю все, чтобы спасти киборга!

Патрисия встала и, подняв с земли свою саблю, закрепила ее на поясе.

— Я иду с тобой, — решительно заявила она.

— Как хочешь, — пожал плечами Гиббсон, — но ты сама видела, сколько их, этих головорезов.

— Ну и что. Я их не боюсь. Меня научил отец, как с ними надо обращаться.

— Это я видел.

Гиббсон затушил костер, свернул одеяло и, обернув его брезентом, спрятал под грудой наваленных в беспорядке камней.

— Пригодится когда-нибудь. — Рой посмотрел на девушку.

— Ты готова, Пат?

— Да.

— Тогда пошли быстрее.

Вскоре они были на тропинке, ведущей к причалу, прошли место, где Гиббсон в засаде поджидал пиратов, и стали спускаться вниз по тропинке, к бухте, где, был уверен Рой, только и мог находиться корабль.

После недавнего землетрясения, вода затопила еще один квартал разрушенного города. И только очень опытный лоцман, из местных, мог провести в эту бухту корабль.

«Неужели они взяли в плен парусник Смайла», — подумал Гиббсон. Девушка не отставала от него ни на шаг. «Если это так, — продолжал размышлять он, — то понятно тогда, почему Смайла никто не видел уже больше года».

— Пат, — обратился Гиббсон к девушке, — а пираты говорили что-нибудь о корабле, на котором собираюсь плыть?

— Да.

— Флингер оставался на корабле, пока пираты были здесь в городе? Об этом не шла речь?

— Они сказали только, что на корабле есть охрана, и что лоцмана они заставили работать на них.

— Понятно, Пат. Тогда мы можем не успеть, — вздохнул Рой.

— Почему? — спросила девушка.

— Потому что если у них лоцманом Смайл, и они заставили под страхом смерти его работать, то они быстро снимутся с якоря.

— А ты знаешь этого лоцмана? Смайл, ты сказал? По-моему, они произносили это имя.

— Ну вот, значит, я прав. Смайл — славный старик. Благодаря ему мы знали, кто еще остался живым в мире. Он плавал на своем паруснике и в Бостон, и, даже, в Хьюстон заходил. Хотя там почти никого не осталось, город ведь не уцелел.

— Зачем тогда плавать туда? Это ведь очень опасно сейчас.

— Да, но у него большой опыт, и он собирал людей, готовых объединиться, чтобы уничтожить эти шайки, эти банды головорезов. Таких, как Флингер, например.

— А тебе Смайл не предлагал плавать вместе с ним?

— Я целый год ходил с ним по океану. От Джексонавилла до Огасты.

— А почему не остался?

— Потому что не нашел Флингера.

— Так тебя интересует один только Флингер?

— Да. Он зверски убил всю мою семью. И я должен убить его! — говоря это, Гиббсон сжал руки в кулаки, желваки заходили на его скулах. Он даже приостановился на секунду.

— А я думала, ты хочешь спасти Касселу. А тебе, оказывается, нужен только Флингер. Да?

— Это не твое дело, девочка, — отрезал Гиббсон.

— Как это не мое дело?! У нее противоядие от чумы, она может помочь людям, а тебе наплевать что ли?

— А мне все равно, — зло ответил Рой.

— Все равно! — возмущенно вскричала Пат, схватив Гиббсона за руку. — Тебе все равно?! Ну что ты за человек!

Освободив руку, Гиббсон зашагал быстро, не оглядываясь.

Патрисия обогнала его, загородила дорогу.

— Нет, ты будешь спасать эту женщину! — глаза девушки сверкнули. — Будешь!

Гиббсон остановился и с удивлением посмотрел на нее.

— Спаси ее сама, — спокойно сказал он.

— Может, я это и сделаю! — Девушка отвернулась от Гиббсона и, всем своим видом демонстрируя независимость, пошла впереди него.

Продолжительное молчание первым нарушил Гиббсон:

— Ну ладно, Пат. Все будет хорошо.

Девушка, улыбнувшись краешком губ, ничего не ответила, только, замедлив шаг, пошла рядом с Роем.

Почувствовав свежий ветер и услышав крики чаек, путники поняли, что океан уже близко.

— До причала рукой подать, — остановился Гиббсон. — Подожди меня вон за тем деревом, а я схожу на разведку, — сказал он и показал ей на дерево, одиноко стоявшее на краю небольшого котлована.

— Нет, Рой, — не согласилась Патрисия, — мы пойдем вместе.

Гиббсон не стал возражать, но немного изменил

маршрут: взял правее тропинки, по которой они только что шли.

Через несколько минут путники стояли на огромной каменной глыбе — крыше затонувшей двухэтажной гостиницы. Океан лежал перед ними.

Рой достал бинокль, но и невооруженным глазом было видно, как из бухты, лавируя, выходил корабль пиратов. На судне уже ставили парус, но работа веслами еще продолжалась.

— Опоздали, — отрывая от глаз бинокль, тихо проговорил Гиббсон. — Снова он ушел от меня.

— Рой, но неужели нет ни одного парусника на всем побережье? — обернувшись к Гиббсону, спросила Пат.

— Нет. Целый год в Нью-Йорк не заходил ни один корабль. Чума, наверное, всех подкосила, или еще что-нибудь случилось.

— А корабль Смайла?

— Ты же сама рассказывала о паруснике, который затонул. Это о нем говорили пираты, я уверен. Тем более, что я видел сейчас Смайла на корабле.

— А много людей было у Смайла в команде на его корабле?

— Человек двадцать, не больше. Никто их не видел с тех пор, как пропал и Смайл, и его корабль. Правда, никто особенно не удивился. Парусник ведь у него был довольно потрепанным, в любую минуту мог затонуть.

— А у пиратов, — поинтересовалась Патрисию.

— Что у пиратов, — не понял Гиббсон.

— У пиратов хороший корабль?

— Да нет, я рассмотрел на нем все снасти. Они очень долго будут плыть до Чарльстона.

— И что ты собираешься сейчас делать, Рой? — Пат пристально посмотрела на мужчину.

— Не знаю. Надо подумать, — отвечал Гиббсон, отвернувшись от девушки.

По его голосу она поняла, что он улыбнулся.

— А я знаю, — с вызовом в голосе сказала Пат.

— Мы пешком доберемся до Чарльстона. Я слышала, что туда ведет нормальная дорога.

Рой внимательно посмотрел на девушку.

— Ну что ж, ты сама решила. Я знаю — тебя не отговорить.

Гиббсон бросил последний взгляд на корабль в океане, развернулся к нему спиной и направился снова в город, увлекая за собой девушку.

— Зайдем к Марку, соберемся и на рассвете выйдем.

В заведении Троумэна было многолюдно. Люди шумели, возбужденные невесть откуда взявшимся спиртным.

— Весь город собрался, — мрачно пошутил Марк, встречая Роя с незнакомой девушкой и усаживая их за столик.

— Да, Марк, мало нас осталось, — ответил Рой. — По какому поводу праздник?

— Народ узнал, что пираты снялись неожиданно с якоря, вот и повыползали из своих нор.

- Вот оно что. Знакомься, Марк, это Патрисия.
- Рад познакомиться, — пожал он девушке руку.
- Рой — отличный парень. Надежный во всем.
- Я знаю, — улыбнулась девушка.
- Что-то я вас никогда не видел, Пат. Вы откуда?
- Мы с семьей жили недалеко, в Олбани. Но мать, отец и сестра умерли от чумы.
- Да, — вздохнул Троумэн, — чума косит всех без разбора. Ну а как вы там жили, в Олбани?
- Неважно жили, как и все сейчас. В последнее время даже грабители к нам не наведывались.
- Неужто? — удивился Троумэн. — Этих негодяев полно кругом.
- Конечно, но нас в Олбани оставалось всего пять человек. Мы собрались все вместе и пошли в Нью-Йорк. Думали тут у вас легче выжить.
- А где остальные?
- Погибли. Все.
- От чумы?
- Нет, их убили бандиты.
- А вам как удалось спастись?
- Я их убила сама в свою очередь. А что мне оставалось делать? — Патрисия посмотрела на Троумэна, ожидая его реакции на свои слова.
- Троумэн с удивлением рассматривал юное, симпатичное личико девушки.
- Не может быть, — с сомнением в голосе произнес он.
- Может, может быть, — засмеявшись подтвердил

- Гиббсон. — Я видел, как она троих завалила. Здоровенных мужиков. Отличная подготовка.
- Ну тогда, — засмеялся Троумэн, — вы оба — достойная пара, ничего не скажешь!
- Поздно вечером в жилище Марка и Роя Пат с завидным упорством разбирала и собирала незнакомое ей оружие.
- Пат, — уже в третий раз повторял ей Марк, — осталось всего шесть гранат для этого бульдога, может быть, во всем мире шесть штук осталось. Зачем тебе знать устройство этого гранатомета? Его все равно придется скоро выбросить.
- Мне интересно, Марк. Пригодится.
- Рой ничего не говорил, только улыбался. Рюкзаки были собраны, оружие вычищено и проверено. Пора было укладываться спать.
- Девушке отвели для сна комнату Роя; Гиббсон и Троумэн лежали в другой, вдвоем на огромном матрасе, расстеленном на полу.
- Рой, — шепотом произнес Марк, — может, ты передумаешь?
- Об этом не может быть и речи, Марк. Завтра мы идем в Чарльстон.
- Почему в Чарльстон, а не сразу в Атланту?
- Я догоню их там, где океан встречается с дорогой на Атланту. До Чарльстона хорошая дорога, Марк.
- Рой, дорога туда действительно хорошая, но от Вашингтона до Ричмонда она под контролем банды этой скотины Блэка. Помнишь его?

— Конечно, помню. Вот и рассчитаюсь с ним за тебя, за то, что он с тобой сделал. Хромаешь ведь с тех пор?

— С тех пор, Рой, да. Но черт с ними со всеми, — Троумэн, забыв о спящей неподалеку девушке, с шепота сорвался на крик. — Ну, убьешь ты главаря пиратов, ну, разделаешься с одним, другим, третьим... А дальше что?! Что ты будешь делать потом? Их же еще больше появится!

Гиббсон, слегка дотронувшись до плеча Марка, попросил:

— Потихе, Марк, потихе.

Тот, спохватившись, снова перешел на шепот:

— Рой, ты мне друг, и я хочу, чтобы у тебя все было правильно. Все хотят иметь свой дом, семью, детей. Вот и живите с Пат, радуйтесь жизни.

— А Флингер — тоже пусть живет и радуется? Так, Марк?

— Нет, — ответил Марк. — Когда он снова придет в наши края, ты с ним разберешься, и я тебе помогу.

— Марк, — спокойно возразил ему Гиббсон. — Кроме того, что Флингер мой должник, у него в плену девушка-киборг и Рэди Смайл. Но самое главное...

— Старина Смайл! Наш мореход? — резко перебил Роя Троумэн. — Так он жив? Он у Флингера?

— Жив, Марк. Я думаю, под страхом смерти пираты заставили его работать на себя. Лучше его ведь океан никто не знает.

— Да, Флингер никому не дает жить спокойно, — немного помолчав, сказал Троумэн.

Он подумал немного и, вздохнув, продолжил:

— Ты прав, Рой. Надо тебе идти. Побереги Пат. Вы подходите друг другу.

По палубе корабля метался разъяренный Флингер и орал на гребцов:

— Живее, сволочи, живее! Мы должны быть в Норфолке прежде, чем эта посудина пойдет ко дну!

Пираты, обливаясь потом, еще сильнее налегли на весла. Но из-за течи в трюме корабль шел медленно, тяжело.

Флингер подошел к Рэду Смайлсу, стоявшему у штурвала и спросил:

— Смайлс, в Норфолке мы сможем раздобыть парус?

— Не знаю, Флингер, — отвечал лоцман, глядя вперед перед собой. — Я давно не был там.

— Сколько понадобится времени на устранение течи в трюме, — продолжал допытываться Флингер.

— Недели две, не меньше.

— Черт возьми, — выругался главарь пиратов. — Два месяца плывем, а прошли только полпути.

Увидев на палубе девушку-киборга, Флингер направился к ней.

— Что тебя ждет в Атланте, Кассела? — вернулся он снова к тому, что его беспокоило.

— Я же тебе говорила, — отвечала девушка. — Человек из лаборатории.

— Человек, говоришь? А что меня там ждет? — глаза пирата мрачно блеснули.

— То, что захочешь! Оружие, огнестрельное оружие, противоядие, раз они его нашли. Жизнь.

— Жизнь, — Флингер зловеще усмехнулся. — Смерть!

— Смерть?! — в глазах киборга промелькнул ужас.

— Смерть, — тихо повторил Флингер. — Неужели ты думаешь, что там, в Атланте, ты меня оставишь?

— Не собираюсь, — Кассела казалась уже совершенно спокойной. — У нас же есть договоренность.

— Вот именно, — согласился пират.

— Я знаю, насколько ты силен, и знаю, что ты мне поможешь, — в голосе киборга прозвучала уверенность.

— Конечно, помогу, — хохотнул главарь банды, — ведь ты ведешь меня на трон. Я буду властелином мира, когда противоядие будет у меня.

— Как ты этого добьешься? — девушка-киборг настолько искусно владела своим лицом, что выражение удивления и восхищения, написанные сейчас на нем, Флингер принял за чистую монету.

— Очень просто, — глаза пирата зажглись. — Лаборатория станет работать на меня. Появится много таких же киборгов, как ты: и женщин, и мужчин. Они уничтожат всех, непокорных мне.

— Но людей на земле, особенно из-за чумы,

осталось так мало, — возразила Кассела, — что тебе скоро не будет кем повелевать.

— А я отдам приказ уничтожить только тех, кто оказывает сопротивление. — С этими словами предводитель банды отошел от девушки.

Корабль, ведомый лоцманом, входил в бухту Хэмптон-Роудс, когда-то процветавший порт штата Виргиния.

Заброшенный причал Норфолка встретил их тишиной.

— Сэм, — приказал Гарри Флингер, — возьми десять человек и иди в город на разведку. Берите только самое необходимое. Найдешь рыбаков и приведешь сюда вечером. И живых, понял?

— Понял, Гарри, — отвечал пират с лицом, изуродованным шрамом, одним концом достававшим висок, другим — скулу. Шрам появился в те времена, когда они с Флингером только начинали собирать разрозненных пиратов в одно целое — в банду.

Тогда в окрестностях Вашингтона их было всего пять человек, отъявленных негодяев и убийц. Флингер однажды спас его от верной смерти, и Сэм Драйвз всегда помнил об этом.

Группа из одиннадцати человек, поднявшись по разбитым ступенькам, скрылась за развалинами когда-то высокого и красивого здания морского вокзала Норфолка.

— Сэм, — окликнул идущего впереди Драйвза молодой пират в грязных, старых джинсах и выгоревшей на солнце рубашке.

— Чего тебе, — не оборачиваясь на ходу отозвался тот.

— Надо поговорить, Сэм.

— Некогда, не сейчас, Билли.

— А когда еще? — не отставал Билли. — Я пытался рассказать это Флингеру, но он и слушать не захотел.

— О чем ты хотел рассказать Флингеру? — с любопытством в голосе спросил Драйвз.

— Об этой женщине-дьяволе — Касселе. Я видел, что это она столкнула Джонса за борт. Ночью.

— Ты уверен в этом, Билли?

— Да, как и в том, что вижу сейчас тебя, Сэм.

— Как она это сделала?

— Ты же знаешь, что Джонс частенько приставал к ней, не давал проходу. А Флингер запретил ему делать это.

— Знаю. — Сэм был терпеливым человеком. — Но она и так редко выходила из каюты.

— Вот именно. Ты видел когда-нибудь, чтобы она ела или пила?

Драйвз задумался на секунду, потом нерешительно произнес:

— Нет, не видел.

— И я не видел. Никто не видел, — торжествующе проговорил Билли. — Эта женщина — дьявол.

— Ладно, Билли, ты расскажи о Джонсе, — напомнил ему Сэм, заметив, что пираты стоят вокруг них и с интересом слушают беседу.

— Так вот, — продолжал Билли, — это было на

следующую ночь после шторма, когда, если вы помните, ветер вдруг сорвал парус.

Билли тоже увидел, что их слушают все пираты, и рассказывал уже для всех.

— Я стоял на вахте тогда, и меня сменил Джонс. Шторм уже заканчивался, была только легкая качка, и я не спешил идти спать. Был на корме, когда увидел, что у своей каюты стоит эта Кассела, а рядом — лоцман, Смайлс. Они о чем-то разговаривали, меня не видели. Потом Смайлс ушел, но эта женщина к себе в каюту не пошла. Стояла, смотрела на звезды. К ней подошел Джонс, что-то сказал, и она заспешила к своей каюте. Джонс — за ней. Он не позволил ей закрыть каюту у себя перед носом, — поставил ногу в щель и всем телом навалился на дверь. И вдруг — отскочил, как ужаленный, и закричал. Я расслышал, что он крикнул.

— Что?

— Что? — раздалось сразу несколько голосов.

— Он крикнул ей: «Я расскажу Флингеру, как сорвался парус».

— А она что? — спросил Сэм. — Она что сказала?

— Что она сказала, я не знаю, — ответил Билли.

Но вот что сделала — это я видел. Подошла к Джонсу вплотную, подняла колено и резко ударила его между ног. Потом двинула по челюсти, не хуже, чем ты или я умеем. Он не успел и опомниться, как был уже за бортом, кормил акул. Уж очень ловко

она его перебросила через бортик. И сразу закрылась в каюте.

Пираты стояли, молча переглядываясь между собой.

— Да-а, дела-а, — хрипло протянул кто-то из них. — А почему ты не помог Джонсу? — Поинтересовался тот же голос.

— Это все произошло за считанные секунды, — начал оправдываться Билли. — Да и разве я мог ожидать такое? И оружия у меня не было.

— Ты что, забыл, — обратился к хриплому Сэм, — Флингер запретил даже подходить к ней кому бы то ни было из нас.

— Да и Джонс хорош, — заметил верзила, стоявший по правую руку от Драйвза. — От бабы схлопотать. Он раз в пять больше ее весил.

— Нет, тут что-то нечисто, — качая головой, произнес Сэм.

— Вот я и говорю, что она, эта Кассела — дьявол! Да Джонса трое мужиков уделать не смогли бы, а она — запросто, — взволнованно продолжал Билли. — А спроси-ка у Крэка, — он указал на своего соседа слева, — Флингер каждый день играет с ней в шахматы и ни разу не выиграл!

— Так, Крэк?

— Так, — отвечал тот басом. — Я случайно слышал, как он сам об этом ей говорил. Они каждый вечер играют.

— Да, тут действительно что-то нечисто, — повторил Сэм, взглянув на солнце. — Но сейчас мы

спешим, придем — разберемся. Пошли, пошли скорей. Можем не успеть дотемна.

Растянувшись цепочкой, пираты снова тронулись в путь.

Все молчали, один Билли, который теперь уже шел посередине группы, не уставал возмущаться:

— Третью высадку по пути в Чарльстон делаем, а он не разрешает повеселиться как следует. Живых ему подавай! Рыбаков! Да им всем кровь пустить надо, чтобы знали нас!

— Но мертвые рыбаки не помогут нам найти парус, Билли, чтобы дойти до Чарльстона, — возразил ему шедший позади Крэк.

— Ну и что, — продолжал негодовать молодой пират, — наведем порядок здесь, в Норфолке, а потом прочешем Портсмут, Ричмонд.

— На мне нужно быть в Атланте, ты забыл, что ли, Билли, — удивился Крэк.

— А что мы не видели в этой Атланте? Везде, куда ни приди, все одинаково.

Сэм, который как всегда шел впереди колонны, остановился, сделал шаг в сторону и, когда с ним поравнялся Билли, взял того за руку. Подождал, когда все пройдут мимо, и тихо, так, чтобы его никто не слышал кроме Билли, сказал ему:

— Парень, не мути воду. Флингер этого не любит, и я не люблю. В Атланте будет по-другому. Так сказал Гарри, и я ему верю. Ты меня понял?

Драйвз угрожающе приблизил свое лицо к лицу Билли.

— Да, Сэм, — сразу успокоился вдруг побелевший Билли. — Молчу, молчу.

— Вот так-то, — удовлетворенно хмыкнул Сэм, взял за локоть и увлекая вперед разговорчивого Билли.

Они быстро догнали своих товарищей и углубились в город.

Тем временем остальные пираты разбили лагерь недалеко от причала. Часть из них сразу же приступила к ремонту парусника. Другие же обустраивались в длинном, покрытом трещинами, одноэтажном строении, бывшем, по всей видимости, в давние времена складским помещением Хэмптон-Роуда — порта Норфолка.

Две небольшие комнаты, одна рядом с другой, специально, по приказу Флингера, были отведены Смайлсу и Касселе. Они только что встретились в широком коридоре и, обмениваясь впечатлениями о своих жилищах, вышли наружу.

Прямо у входа они увидели Флингера в окружении нескольких пиратов.

Заметив их, главарь банды, улыбнувшись Касселе и холодно взглянув на Смайлса, обратился к ним обоим:

— Вот ваша охрана, джентльмены. Она будет с вами всегда, особенно, если вы захотите выйти за пределы лагеря.

— Домашний арест, да, Флингер? — указывая на пару здоровенных детей, стоявших рядом с ним, недовольно спросил лоцман.

— Рэдди, — Флингер в упор посмотрел на него, — когда люди делают общее дело — они доверяют друг другу. Тебе я не доверяю.

— Потому что я не собираюсь делать с тобой твои... твои дела, — лоцман едва сдержал себя, запнувшись в тот момент, когда пальцы Касселы незаметно сжали ему локоть.

— Смайлс, — держа руку на эфесе кинжала и все так же в упор глядя в глаза лоцману, проговорил Флингер, — я не убил тебя только потому, что ты — незаменимый лоцман и отличный капитан. Но потом в Атланте ты поймешь, что был не прав.

Флингер сделал небольшую паузу.

— И пожалеешь об этом, — со злостью окончил он, щелкнув кинжалом в ножнах.

— Гарри, Гарри, — заставил оглянуться Флингера голос приближающейся к нему юной красавицы, в которой легко можно было распознать девочку Келли, захваченную им в плен когда-то в окрестностях Нью-Йорка.

— Гарри, не трогай лоцмана, он — хороший, — девушка стала лицом к Флингеру и, улыбаясь, попросила его, — Пойдем со мной, Гарри, я покажу тебе что-то.

Главарь пиратов, сразу изменившись в лице, по-

ложил ей руку на плечо и, не сказав ни слова, пошел в ту сторону, куда указывала Келли.

Лоцман вздохнул, с ненавистью поглядев в спину удаляющегося Флингера, развернулся и пошел в сторону моря. За ним последовала и Кассела.

— Рэд, — окликнула она его, — я должна с вами поговорить. Пока нас не слышат.

— Я весь внимание, Кассела, — отвечал лоцман.

— Пожалуйста, сделайте все, чтобы корабль как можно быстрее доплыл до Чарльстона, — девушка сверкнула ровными, ослепительно белыми зубами.

— С чего вы взяли, что я стану помогать этим убийцам? Хватит и того, что я вынужден вести их корабль, избегая рифов. — Смайлс не мог никак успокоиться и то и дело покусывал левый ус.

— Избегая рифов и помогая парусу исчезнуть в океане, — подмигнула Кассела моряку.

— А кое-кто помог Джонсону исчезнуть в океане, — парировал лоцман.

— Ну, он сам этого захотел. Сколько раз его предупреждал Флингер, чтобы он ко мне не приставал.

— Быстро вы подружились с этим головорезом, своим защитником, — упрекнул девушку Смайлс.

— Рэд, я же говорила вам, что вынуждена так вести себя. В Атланте все будет по-другому.

— Именно это и говорит Флингер, — поморщился Смайлс.

— Но он говорит это совсем по иной причине, —

Кассела взяла лоцмана за руку. — Он думает, что я покажу ему склады огнестрельного оружия и боеприпасы к нему там в Атланте. Еще он надеется завладеть противоядием от чумы. Но я веду его на смерть. Поверьте мне.

— А я хотел еще раньше его уничтожить! — воскликнул лоцман. — Отправить на дно и корабль, и команду. Если бы вы мне, Кассела, не помешали, то я бы направил на скалы корабль у мыса, а мы с вами, ручаюсь, спаслись бы.

— Совсем не обязательно. Могли бы и не выплыть. Тем более, что кто-то из пиратов, вполне возможно, остался бы в живых. А Флингер — так уж точно. У него ведь есть и спасательный жилет и резиновая лодка, — возразила девушка-киборг.

Они остановились у кромки воды.

— Он очень опасен. Его надо уничтожить наверняка, — ударила по воздуху сверху вниз сжатой в кулак рукой Кассела. — А мне — быть в Атланте с информацией. Я же вам говорила это, но вы меня почему-то не послушали. А ведь мы можем помочь избавиться от чумы людям.

— Да, да, я понимаю, но уж слишком я ненавижу этого выродка, который держит меня в плену и который убил всех моих товарищей, — страдание исказило лицо мужественного мореплавателя. — Я просто не владел собой от ненависти, — окончил он.

— Ну, а теперь вы поможете мне отплыть побыстрее?

— Да, обязательно. Я знаю, что нужно делать, — уверенным тоном пообещал Смайлс. Он взял Касселу за руку и крепко сжал ее.

— Завтра же начну действовать, — заверил он Касселу. — А сейчас — пойду спать. Устал, да и видеть никого не хочу, надоели рожи этих ублюдков.

Лоцман указал кивком головы на тех двоих, которые неотступно, но на почтительном расстоянии шли за ними в течение всей беседы.

Попрощавшись в темном коридоре своего нового приюта, заговорщики разошлись по отведенным им пиратами комнатам.

Рано утром лоцман первым приветствовал главаря бандитов, увидев того на палубе корабля.

— Эй, Флингер, группа Сэма вернулась?

— Да, вернулась, — не скрывая удивления от того, что моряк сам задал ему вопрос. До сих пор он слышал от него лишь ответы и то только потому, что являлся пленником.

— Ну как, нашли они парус? — подошел поближе к главарю Смайлс.

— Нет, не нашли. Они сказали, что не увидели ни одной живой души там, где были. А, может, ты им помочь хочешь? — сощурил глаза пират.

— Я могу помочь, — кивнул в ответ лоцман.

— И далеко идти? — в голосе Флингера сквозило недоверие.

— С милю, — Рэдд указал рукой в сторону залива, где виднелись очертания развалин верфи. — С милю, — повторил он, — а может, немного больше. Я их отведу. Девяносто из ста, что мы вернемся с парусиной.

Флингер задумался на минуту, потом подозвал одного из приставленных к лоцману охранников и приказал:

— Ты и Сэм со своими ребятами пойдете искать парус. Вас поведет Смайлс. Он должен вернуться целым и невредимым, понял?

Не прошло и получаса, как отряд вышел из лагеря в направлении, указанном старым мореходом.

— Интересно, о чем этот лоцман договорился вчера с Касселой? — размышлял про себя Флингер, глядя в спину удаляющейся фигуры Смайлса. — Неужели они решили помогать мне? — губы пирата сложились в язвительную улыбку. — Да, Сэм прав. Киборг хорошо играет в свою игру. А если она может еще и убивать, как утверждает Билли...

Пират надолго задумался, и вдруг громко захохотал.

— Они думают, что смогут обмануть Гарри Флингера! Ха-ха-ха, — так же продолжая смеяться, пират скрылся в своей каюте.

Память не подвела Смайлса. Вечером огромный тюк парусины лежал на берегу у сходней.

Через две недели, благодаря активной помощи старого моряка, корабль после ремонта смог отплыть в Чарльстон.

Гиббсон и Патрисия остановились у развилки дорог.

— Пат, — тихо произнес Гиббсон, — уходим в лес. Быстро.

— В чём дело? — на ходу, едва поспевая за спутником, спросила девушка.

— Потом, — отрезал Рой.

Предупреждения Марка Троумэна оказались не напрасными. Если до Вашингтона Рой и Пат добрались почти без приключений, то штат Виргиния, казалось, населяли одни преступники.

В отличие от Мэриленда, штат Виргиния был поделен на территории между бандами, обосновавшимися здесь уже давно.

Самой многочисленной и свирепой из них слыла банда Большого Блэка.

Не пройдя и ста метров от указателя границы, разделяющего штаты, путники наткнулись на злоеший частокол, утыканный черепами. Бросалось в глаза то, что колышки стоят в определенном порядке. Черепами было выложено имя главаря банды — БЛЭК.

Углубившись в лес, Гиббсон указал Патрисии на огромное поваленное дерево, за которым можно было спрятаться.

— Пат, подожди меня здесь.

— Ты что-то заметил? — девушка обвела взглядом стоящие вокруг деревья, сквозь которые едва можно было увидеть дорогу, где они только что проходили.

— За нами кто-то следит, — шепотом сказал Рой.

Интуиция никогда еще не подводила Гиббсона. И в этот раз, прежде, чем увидеть врага, он почувствовал его присутствие.

Рой прислонил гранатомет к стволу дерева, снял меч, висевший на поясе и бесшумно скользнул в кусты, которые окаймляли маленькую полянку. Именно оттуда он слышал треск переломившейся сухой ветки и шелест листьев.

Три заросшие головы показались над зарослями, с минуту бандиты стояли, прислушиваясь к тишине в лесу, потом разделились и с разных сторон стали обходить полянку.

Рой замер в неподвижности, ожидая приближения того, кто должен был первым пройти мимо него. Когда бандит заметил его, было уже поздно: сверкнуло лезвие ножа, и, захрипев, бородач повалился на землю.

Гиббсон выдернул из тела нож. Прислушался. Очевидно, двое преследователей уже заволновались, не увидев товарища, который должен был, обогнув поляну, присоединиться к ним.

Шелест листьев не обманул Роя: бандиты шли прямо на него. Рой резко метнулся в заросли, выбрал позицию. Дождавшись, когда идущий впереди наткнулся на труп, товарища и замешкался на секунду,

Рой выскочил из засады и метнул нож. Ярость на лице противника сменилась ужасом как раз в тот момент, когда стальное лезвие вонзилось ему в сердце.

Второй бандит оказался проворнее: заметив, что у Гиббсона нет с собой огнестрельного оружия, а нож торчит в груди напарника, он смело пошел в атаку.

Рослый волосатый детина, замахнувшись мечом, неся навстречу Гиббсону. Рой, сделав вид, что собирается отступить, шагнул назад, а потом, к полной неожиданности противника, бросился на него безоружным, и этим маневром заставил волосатого поспешно рубануть мечом.

В дюйме от плеча Роя клинок рассек воздух. И в это же мгновение нога Гиббсона ударила нападавшего по пальцам правой руки, держащей меч. Другой ногой Рой нанес ему сокрушительный удар прямо в лицо.

Приземлившись на ноги, Рой, не давая опомниться детине, снова повторил тот же прием. Меч выпал из рук волосатого и, секунду спустя, его голова, зажатая в руках Гиббсона, дернулась в последний раз. Рой оттолкнул от себя обмякшее тело разбойника и оно рухнуло на землю.

И тут же Гиббсон услышал крик Патрисии, призывавшей его на помощь. Подняв с земли оружие волосатого, Рой бегом кинулся спасать девушку.

Он подоспел вовремя: прислонившись спиной к

дереву, Пат, держа наизготове гранатомет, целилась в худого долговязого бандита, который, впрочем, стоял не шелохнувшись, с поднятыми вверх руками.

Но позади девушки, буквально в пяти шагах от дерева, за которым она стояла, замер огромный чернокожий гигант, явно ожидая момента для внезапного нападения.

Пат нервничала, не желая, очевидно, стрелять, и в то же время понимая, что долго держать на мушке верзилу опасно; о негре позади себя она не могла знать.

Пулей Гиббсон рванулся к черному человеку, зажав в руке меч. Тот мгновенно сориентировался и, оставив надежду напасть на девушку сзади, приготовился к бою.

Лезвие огромного ножа, размерами ничуть не уступавшего короткому мечу Роя, сверкнуло у него в руках. Словно электрический ток пронизал тела обоих соперников после первого же яростного соприкосновения друг с другом их стального оружия.

Времени на размышление о тактике боя у Гиббсона не было, одно только он понял с первых же секунд поединка: ему надо во что бы то ни стало сохранять дистанцию, не подпуская чернокожего к себе для ближнего боя.

Нож в длинной как у гориллы руке негра двигался с непостижимой быстротой, и Гиббсон, отступая, с трудом, казалось, выдерживал такую бешеную ско-

рость боя. Но силы негра тоже были не беспредельны.

Вскоре противники измотали друг друга, ритм боя замедлился. Враги, тщательно рассчитывая каждое свое движение, как бы фехтовали на шпагах, не позволяя один другому сделать прямой выпад.

Неожиданно для Роя чернокожий вдруг бросился вперед, оказавшись совсем рядом с Гиббсоном; тела их почти соприкоснулись.

На какой-то миг оба замерли, ноги и мечи, соединившись, застыли вертикально. Потом, силясь одолеть друг друга, оба одновременно схватили один другого за поднятые с оружием руки. И в этот момент Рой резко изо всех сил ударил коленом негра в пах.

Удар достиг цели. Чернокожий хватил воздух широко открытым ртом, оттолкнул Гиббсона от себя, что было сил, и сам отскочил назад. Его искаженное от боли лицо покрылось потом.

Рой яростно набросился на него, но огромный негр твердо держал перед собой свой тесак и, отступая, парировал все удары противника.

Болевой шок проходил. Большой Блэк быстро восстанавливал форму.

Довольно долгое время противники кружили на месте. И тут Рой решился на рискованный маневр: вдруг бросился вперед и, казалось, поскользнулся. Опрокинувшись навзничь, он рухнул на спину. Чернокожий тут же рванулся к нему, занеся руку с ножом для смертельного удара.

Ноги Гиббсона распрямились, как пружина. И, делая вид, что он целит снова в пах чернокожему, Гиббсон, с высочайшей точностью и скоростью, нанес удар гиганту в нижнюю часть правой голени. И тут же откатился назад, вскочил на ноги, очутившись на безопасном расстоянии от просвистевшего у самых подошв его ботинок с опозданием в какую-то долю секунды ножа негра.

Чернокожий, потеряв равновесие, заваливался вперед лицом, ткнувшись одновременно левым коленом и головой в землю; правым же локтем он пытался, мгновенно коснувшись земли, отпрыгнуть от нее, стать на ноги. Но Гиббсон не позволил ему сделать это.

Страшным по силе ударом ноги он сломал бандиту челюсть и, не давая опомниться врагу, прыгнул на него сверху. Звериный рык вырвался из горла лежащего на земле негра.

С отчаянья в агонии он сумел-таки подняться на ноги; с мычанием кинулся вперед, ничего не различая вокруг, беспорядочно молотя огромными руками по воздуху.

Рой, который успел поднять с земли упавший во время рискованного провокационного приема меч, прекратил мучения черной туши одним уколом меча в сердце. Раздался глухой и мягкий звук рухнувшего, как срубленное дерево, тела.

— Это тебе за все, Большой Блэк. И за Марка Троумэна, — вытирая пот с лица сказал Гиббсон.

В лесу стало непривычно тихо. Рой оглянулся,

ища глазами Патрисию, но в тот же миг оглушительный взрыв потряс такую недолгую тишину. За ним второй, третий...

Все объяснилось очень скоро. Гиббсон увидел Пат. Она все также стояла, прислонившись спиной к дереву. В руках у нее по-прежнему был гранатомет. Ствол его был опущен вниз. Глаза девушки встретились с глазами Гиббсона, и она, улыбаясь, медленно подошла к нему.

— Все с ними кончено, Рой.

Рой улыбнулся в ответ.

— Дай Бог, Патти, дай Бог.

— А почему ты стреляла? — спросил он.

Девушка кивнула в сторону, где еще стояло, не рассеявшись, маленькое облачко дыма:

— У них были автоматы, они могли убить тебя.

— А долговязый где? — оглянулся Рой. — Тот, которого ты держала на мушке?

— Он удрал в ту же секунду, как ты стал драться с этим черным чудовищем. — Пат посмотрела на неподвижную окровавленную массу человеческого мяса. — Я отвлеклась на какую-то секунду, а долговязый воспользовался этим, убежал и привел этих двоих с оружием.

— Правильно сделала, Пат, — Гиббсон одобряюще кивнул головой.

Рой взглянул на солнце, уже давно перевалившее за полдень.

— Нам надо уйти отсюда как можно быстрее. Разрывы наверняка были слышны кому-нибудь из

местных негодяев, а они очень любопытны и у них скверный характер. Собирайся, Пат, — с этими словами Гиббсон направился к полянке, рядом с которой лежало три трупа.

Вскоре он вернулся оттуда, но уже со своим метательным ножом на поясе. Девушка была готова. Гиббсон взвалил на плечи тяжелый рюкзак, помог Патрисию надеть свой, и, взяв в руки М-94 с оставшимися тремя гранатами пошел первым.

Рой умел ориентироваться в лесу: глядел на мох, покрывавший деревья, на солнце, на течение ручья. Путники долго шли, затерявшись в самой глуши леса, не позволяя себе ни минуты передышки.

Яркие краски зеленого леса начали изменяться — потемнели: наступал вечер. Солнце село, и сгустившиеся тени придавали лесу мрачный вид. Очертания деревьев расплывались. Но путники продолжали продвигаться.

— Ночь — лучшее время для этих убийц, — неожиданно сказал Рой, остановившись и ища глазами место для привала.

— А ты кто, не убийца разве? Сам? — девушка посмотрела в лицо товарища.

— Ну, я — другое дело. — Взгляд Гиббсона, казалось, пронизывал тьму, сгустившуюся под сводом леса. — Я делаю это по необходимости. Защищаю себя, — он сделал небольшую паузу, — и других.

— Неплохо у тебя получается, — сверкнули в

темноте зубы девушки. — Но ты привык к этому? — продолжала она задавать вопросы.

— К чему — к этому? К убийству? — Гиббсон задумался и замолчал, взбираясь на высокий холм.

— Я этот мир не делал, — наконец ответил он Патрисии, стоя на вершине холма.

— Да, ты в нем только живешь, — печально произнесла Пат, сбрасывая с плеч свой рюкзак у подножия высокого бука, горизонтальные ветви которого, точно большой балдахин, нависли над ними, рядом с лежащим там же рюкзаком Гиббсона.

— Пат, а ты — привыкла? Убивать? — спросил, в свою очередь, Рой.

Девушка вздохнула и, не задумываясь, грустно сказала:

— Нет, Гиббсон. К этому нельзя привыкнуть. Я же женщина.

Рой ничего не ответил.

Полная луна струила свой мягкий свет сквозь листву деревьев. Внезапно до них донесся треск сухих ветвей невдалеке. Девушка пристально и тревожно глядела в сторону зарослей, залитых серебристым светом.

— Не бойся, это не человек, — положил Рой руку на плечо Патрисии.

Она облегченно вздохнула, улыбнувшись Гиббсону.

— А я испугалась. Тоже — не привыкла. Не привыкла не бояться.

— А ты привыкай и не бойся, — рассмеялся Гиббсон. — Я же рядом.

Он обошел пятачок земли, выбранный им для стоянки. Это был один из крутых, пирамидальных, похожих на искусственные насыпи холмов, так часто встречающихся на территории Виргинии. Вершина этой возвышенности представляла собой ровную площадку, а один из склонов отличался необыкновенной крутизной. Холм был позицией, исключавшей всякую возможность нападения.

Патрисия разложила на земле остатки съестных припасов. Они поужинали и устроились на ночлег. Груда тонких ветвей и сухих листьев превратилась в постель Роя и Пат. Но даже во сне они прислушивались к малейшим звукам, доносившимся из леса. О долгом отдыхе не могло быть и речи. На небе еще сверкали звезды. А Гиббсон с девушкой были уже в пути.

Три месяца изнурительного похода в Чарльстон остались позади.

Хмурым душным вечером Гиббсон и Патрисия вошли в город. Тучи, которые ползли по небу весь день, собрались густой грязноватой пеленой и уже роняли крупные капли дождя, предвещая жестокую грозу.

Путники, свернув с когда-то главной улицы портового города, направились к кучке беспорядочно разбросанных, полуразрушенных домов, находящихся в полумиле от центра.

Усталость от последнего рывка давала себя знать, и они в глубоком молчании. Время от времени Рой оглядывался, желая удостовериться, что Пат не отстала от него. Убедившись же, что она упорно следует за ним по пятам, ускорял шаги, отлично понимая, что расслабляться еще было рано.

— Вот здесь, Пат, — наконец произнес Гиббсон, указывая на унылые лачуги, наспех построенные бог знает из чего. Одни — из старого, подточенного червями леса, другие — из заваливавшихся кирпичей.

Они были сбиты в кучу с полным пренебрежением к порядку и благоустройству, и находились совсем недалеко от океана.

Кругом валялись весла, обрывки канатов и продырявленные ветхие лодки, вытащенные на грязный берег в далекие времена. Было заметно, что ни на что не годной рухлядью никто не пользовался уже много лет.

Рой отворил дверь одной из лачуг и вошел туда вместе с Пат, как раз тогда, когда в воздухе раздались первые раскаты отдаленного грома и пошел сильный дождь.

Гиббсон с девушкой прошли в темноте по длинному коридору и через другую дверь попали в небольшой дворик, окруженный с трех сторон каменной стеной с высоким навесом — посередине.

Сидевший у небольшой жаровни человек при виде приближающейся пары резко вскочил с места, держа в руках длинный, кривой нож.

— Сид, успокойся, это же я, Гиббсон, — при этих словах, Рой вытянул вперед руку с растопыренными пальцами.

Хозяин, разглядевший при свете огня жаровни этот жест Роя, неожиданно громко рассмеялся и, отложив в сторону нож, тоже вытянул вперед руку.

— Рой, Рой, — повторил он несколько раз, — Ты жив, Рой. Вот это здорово!

— Пока жив, — ответил Гиббсон, — но умру, если ты нас не накормишь и не уложишь спать.

За ужином Рой и Пат узнали у хозяина, что пиратский корабль совсем недавно появился у причала Чарльстона.

А сегодня утром, рассказывал им Сид, его сосед видел, как пираты направились в сторону Атланты.

— А сколько их было человек? — поинтересовалась Пат.

— Не знаю, — пожал плечами хозяин.

— Впрочем, обождите минуту, — попросил он и вышел.

Вскоре вернулся, но не один, а с мальчиком лет двенадцати.

— Это и есть мой сосед, — улыбался Сид. — Он все знает, все видит.

Мальчик, не по годам уже взрослый, был обстоятелен:

— Их было пятнадцать человек. Они пошли дорогой на Атланту. У главного, бритоголового — есть автомат, у остальных — сабли, мечи, ножи.

— А женщина среди них была? — спросил Рой.

— Даже три, — отвечал мальчик. — Одна — очень красивая и очень юная. Две другие — постарше.

— А на корабле кто-нибудь остался? — продолжал интересоваться Рой.

Корабль вот-вот пойдет ко дну, — усмехнулся мальчишка. — Удивляюсь, как они сумели пристать к берегу.

— Значит, на корабле никого нет? — Рой удивленно поднял брови.

— Никого, — кивнул головой мальчик.

— А старого седого человека среди пиратов не было? — с тревогой в голосе спросил Гиббсон.

— Не было, это точно. — Мальчик задумался, закрыл глаза, вспоминая что-то. Потом добавил:

— Только бандиты, их ни с кем не спутаешь, и три девушки.

Получив необходимые сведения о пиратах, Рой и Патрисия легли спать

Отдохнув, рано утром Гиббсон и девушка кинулись вдогонку за пиратами.

Дорога на Атланту проходила через бескрайние пустоши, жара терзала путников, но они шли не останавливаясь. До цели, казалось им, оставалось совсем немного.

Солнце уже садилось, когда Рой и Пат заметили впереди у дороги здание когда-то известного военного завода по производству оптики. Красивое в былые времена строение, произведение из стекла и бетона, сейчас представляло собой полуразрушенную

коробку из колонн, балок, мусора вокруг и останков сорванных стропил. Крыша разрушилась от землетрясений.

— Вот здесь мы и отдохнем немного, — обрадовавшись, сказала изможденная дорогой Пат.

— Хорошо, — согласился Рой, тоже порядком уставший.

Но отдохнуть им было не суждено.

— Убить их, — приказал Гарри Флингер пиратам, стоящим вокруг него и давно из укрытия в здании наблюдавшим за приближением мужчины и женщины.

Флингер бросил автомат в сторону горбоносого, бородатого разбойника.

— Убить их, — повторил он. — У них есть гранатомет.

Горбоносый ловко поймал автомат и через секунду скрылся с напарником в нише перед входом в здание.

Когда до бетонной коробки завода путникам осталось пройти каких-нибудь сто метров, Рой почувал недоброе.

— Ложись, — крикнул он Пат и, схватив девушку за руку, увлек ее за собой на землю.

В это же мгновение раздалась автоматная очередь. Гиббсон, сразу определивший точку, откуда неслись пули, нажал на спусковой крючок своего гранатомета. В миг, когда раздался взрыв, автоматная очередь захлебнулась.

— Последняя граната! — Гиббсон откинул мощное

оружие в сторону. — Бежим! — резко скомандовал он Пат и, совершив отчаянный рывок, они очутились за углом здания.

Вскоре, осторожно пробираясь вдоль стены, они наткнулись на ступеньки лестницы, ведущей в подвальное помещение. Рой, одним прыжком оказавшийся у входа в подвал, пулей вскочил туда. Но очень скоро вышел, не обнаружив там никого.

— Жди меня здесь, — приказал он Патрисии. — Никуда не выходи отсюда.

Убедившись, что девушке ничто не угрожает в укрытии, Рой, пробираясь вдоль стены, отправился назад.

Неосторожность пирата, выскочившего из-за ушла слишком поспешно, стоила ему жизни. Удар ножа Гиббсона был точен. Второго бандита Рой прикончил, спрятавшись за колонной фасада здания.

Расчет Гиббсона был прост: перемещаясь на небольшие расстояния и укрываясь в засадах, поодиночке уничтожать врагов.

Эта тактика поначалу имела успех: третий пират нашёл свою смерть в глубине большого помещения, вероятно, цеха, где когда-то находилось оборудование завода.

Но, осторожно поднимаясь в поисках очередной жертвы по узкой крутой лестнице на второй этаж, Гиббсон вдруг замер от неожиданности. Внизу, слева от него, в конце коридора, идущего по периметру всей коробки здания предприятия, без движения

лежала Патрисия. Рядом, в двух шагах от тела девушки, стояли Гарри Флингер и четверо бандитов.

— Не послушала, — с горечью прошептал он. Необходимо было что-то срочно предпринять.

— Надо увести их от Пат, может, она еще жива, — мелькнуло в мозгу Гиббсона. И он тут же с силой метнул нож в Флингера, впрочем, особенно не надеясь на успех из-за дальности расстояния. Теряющее скорость стальное лезвие действительно не причинило бандиту вреда. Главарь вовремя заметил взмах руки Гиббсона и легко уклонился от пущенного в него орудия смерти.

— Окружить и уничтожить! — зло выкрикнул Флингер пиратам, кучно стоявшим рядом.

Те сразу же бросились выполнять его приказ, отрезая Гиббсону путь вниз. Но Рой только этого и добивался. Метнувшись вверх по лестнице, он пропал из виду на втором этаже заброшенного завода.

— Билли, будь здесь, — сказал Флингер молодому пирату, только что подбежавшему к нему.

Жестом главарь указал Билли на киборга и лежавшую без чувств Пат. Сам же Флингер по коридору направился к выходу из здания во двор, где его поджидала юная Келли и его главный помощник Сэм, тоже со своей подругой...

Как и рассчитывал Гиббсон, пираты, бросившиеся за ним вдогонку, перекрыли все лестницы, ведущие вниз со второго этажа. Они были уверены в том, что для него это единственный путь к спасению, и он

не сможет воспользоваться им. Но бандиты ошиблись. Лестницей для Роя стала внутренняя стена коридора. Пользуясь выступами и выбоинами кирпичной кладки, давно лишенной штукатурки, Рой, никем не замеченный, спустился вниз по этой выпцербленной стене и пошел вдоль нее по направлению к Пат.

Убить молодого пирата было делом нескольких секунд для него. Рой склонился над девушкой, взял ее за руку, отыскивая пульс.

— Жива, — обрадовался Гиббсон.

Он легко вскинул на плечи тело Патрисии и вопросительно глянул в глаза Касселе, молча стоявшей рядом все это время.

— Пошли, — сказал Гиббсон киборгу.

— Я не пойду за тобой, — покачала головой Кассела. — Ты недостаточно силен, чтобы довести меня до Атланты. Они нас поймают — рано или поздно.

— Но ты им нужна целой и невредимой. И если нас поймают, то убьют не тебя, а меня — возразил Рой.

— Тебя убьют наверняка. К сожалению, — что-то наподобие вздоха вырвалось из груди киборга. — Как убили Рэдди, лоцмана. Но эту шайку надо уничтожить! В Атланте у нас есть для этого средства. Я приведу их на смерть! Никто и ничто не оставит меня.

Огонь блеснул в глазах Касселы.

— Ладно, — решительно сказал Гиббсон. — Как хочешь.

Он развернулся и побежал прочь из бетонных развалин, унося Патрисию на своих плечах.

Рой свернул за угол здания, пронесся вдоль стены, мимо ступенек в подвал, где недавно пряталась Пат, как вдруг услышал позади себя крик, явно относящийся к нему:

— Ты, сволочь! Стой!

Рой оглянулся на ходу, развернувшись всем телом. Орущий пират был довольно далеко, но почему-то стоял на месте. Он, очевидно, поджидал своих товарищей, либо не решаясь в одиночку преследовать Гиббсона, либо он просто был уверен, что Рою не уйти.

Гиббсон ускорил бег и чуть было не споткнулся о железную крышку подземного колодца на своем пути. Решение мгновенно созрело в его голове. Бережно положив Пат на землю, он рывком, напрягшись, снял крышку, спустился вниз и втянул за собой Пат.

Не медля ни секунды, Рой ринулся в лабиринты подземелья со скоростью, которую могла ему позволить тяжелая ноша и жажда жизни. Движению мешала и вода, которая доходила ему почти до коленей.

— Меня скоро нагонят, — подумал Гиббсон, — если кто-нибудь спустится вслед за мной. Надо что-то предпринять.

Свернув в одно из ответвлений основной маги-

страли, и увидев бетонную тумбу, не затопленную водой, Рой положил на нее Пат. Замер на мгновение, прислушиваясь. Его опасения подтвердились: яростные шлепки по воде, без сомнения, говорили о погоне.

Железная скоба, торчащая в потолке прямо над головой Гиббсона, подсказала ему верный ход. Упираясь руками и ногами в противоположные стены узкого прохода, он сумел, ловко оттолкнувшись, ухватиться за эту скобу и, подтянувшись, оказаться вверх, под сводами, буквально сливаясь с потолком подземелья.

Пират, преследовавший Роя, не успел даже вскрикнуть, когда меч Гиббсона, под тяжестью падающего сверху тела, рассек его пополам.

Рой вернулся к Пат. Черпая ладонями воду, он плескал ее в лицо девушки. Наконец, она медленно начала приходить в сознание.

Патрисия открыла глаза, приподняла голову, огляделась.

— Где мы? — спросила она.

— В ловушке, — вздохнув, ответил Рой. — В каменной подземной ловушке.

— И что будем делать? — тревога послышалась в голосе Патрисии.

— Выбираться отсюда, — Рой указал девушке на полоску света, пробивающегося сверху в двадцати футах от бетонной тумбы, на которой они сидели.

— Это крышка люка. Когда стемнеет, мы поднимем ее и убежим. Ты согласна?

— Согласна, — улыбнулась Патрисия. Увидев лежащее лицом вниз изуродованное тело пирата, она спросила:

— Послушай, Рой, а сколько их осталось у Флингера, этих гадов?

— Сейчас посчитаем. — Гиббсон стал загибать пальцы на левой руке. — Четыре, пять, шесть...

— А моих покойников ты имеешь ввиду? — перебила его Пат.

— А, так ты тоже успела поработать? — усмехнулся Рой.

— Да, двоих я отправила на тот свет.

— А потом сама чуть не отправилась, — вспыхнул Рой, но быстро успокоился.

— Ты знаешь, — через некоторое время с удивлением в голосе сказал Рой, — их всего четверо осталось. Женщин я не беру в расчет. Если Флингер действительно хочет быть в Атланте, а он этого очень хочет, то они, скорее всего, уже ушли.

— А вдруг они стерегут нас у люка? — предположила девушка.

— Откуда они знают, у какого люка надо торчать? — ответил Рой. — Их много, а пиратов — мало. И они спешат.

— Ну, тогда пошли, что ли? — Пат уже не могла в темноте разглядеть лица Роя и, нащупав его руку, стала дергать ее, увлекая за собой.

— Нет, Пат, обождем, — не принимая игривого

настроения девушки, серьезным тоном произнес Гиббсон.

Несколько часов они провели в полной темноте, тесно прижавшись друг к другу и не проронив ни слова. Потом медленно, осторожно переставляя ноги в воде, стараясь не шуметь, стали приближаться к намеченному для подъема месту.

Узкая полоска бледного лунного света вверху обрадовала их. Но еще целый час, Патрисия, стоя на плечах у Гиббсона, чутко прислушивалась ко всем звукам, доносящимся из-под крышки люка.

— Там никого нет, — тихо сказала она наконец.

Рой опустил девушку вниз и, в свою очередь, сам забрался ей на плечи. Упираясь, осторожно надавил на крышку. Она сразу же поддалась, пошла вверх одним краем. Рой, просунув в образовавшуюся щель руку, другой рукой стал толкать крышку в сторону.

Вскоре, ухватившись за край люка, он подтянулся, резко выбросил свое тело из-под земли и, упав на правое плечо, тут же встал на ноги.

Мгновения хватило ему, чтобы убедиться: врагов поблизости нет. Все было тихо и спокойно.

Гиббсон помог Патрисии выбраться из колодца, и, на всякий случай закрыв крышкой люк, они двинулись прочь от зловещих развалин.

— Рой, — удивленно спросила Пат, — почему мы идем в обратную сторону, как будто назад, в Чарльстон?

— Скоро свернем, — ответил Гиббсон, — я знаю

другой путь в Атланту. Он, правда, несколько длиннее, зато безопаснее.

— С каких это пор ты стал бояться опасности? — усмехнулась Патриция.

— С тех пор, как ты перестала меня слушаться, — парировал Рой.

— Флингер будет начеку сейчас. Пусть остынут, успокоятся.

— Но мы придем тогда в Атланту позже, чем пираты, — недоумевала Пат. — Их путь короче.

— Мы придем туда вовремя, и в Атланте негодяи получат свое, — с этими словами Гиббсон ускорил шаг.

Только на рассвете путники позволили себе сделать привал.

Ржавая дверь огромного металлического ангара широко распахнулась и на пороге возникла фигура Роя Гиббсона с мечом в руке.

— Вот мы и встретились, Гарри Флингер! — Гиббсон сделал несколько шагов по направлению к пирату, сидящему к нему лицом, и коротко взмахнул мечом, предупреждая этим жестом прыжок Флингера. — Не дергайся, успеешь, — с ненавистью сказал Рой, глядя в черные очки безоружного главаря шайки.

— Сейчас будешь драться, и ответишь за все, — Гиббсон протянул свой меч Патрисии, стоявшей с правой стороны от него. — Ты готов

сдохнуть? — с презрением в голосе спросил он бритоголового.

Флингер не спеша снял очки, положил их на деревянный верстак позади себя и встал во весь рост, широко расставив ноги.

Холодные, ядовито-голубые глаза в упор смотрели на Гиббсона.

— Сейчас я вышибу из тебя душу, — ухмыльнувшись, сквозь зубы проговорил он и, изготовившись к бою, демонстративно лениво встал в стойку.

Гиббсон подал знак Патрисии удалиться к стене ангара и, убедившись, что она сделал это, сам отошел на два шага.

Лицо Роя словно окаменело, мозг четко выстраивал план боя...

Уже два дня Рой и Патрисия находились в Атланта-сити и сбились с ног, разыскивая пиратов. А в том, что бандиты в городе, они не сомневались. Знакомый Гиббсона уверял, что видел вчера Гарри Флингера. Правда, добавил он, пират старался быть неузнаваемым. Очевидно, он прятался где-то, замышляя недоброе. Да и город в последнее время стал многолюднее, благодаря известию о противоядии.

Гиббсон, оказавшись в Атланте, первым делом нашел профессора Берроуза. Тот ничего не знал о пиратах, но сказал, что его люди готовы встретить их, и тут же отдал приказ найти киборга и уничтожить пиратов. Но пока им не удалось этого сделать.

И вот сегодня, случайно, Гиббсон увидел в городе Сэма — верного помощника Флингера, его правую руку. Без особого труда Рою удалось оглушить бандита и затащить для допроса в один из заброшенных сараев.

Пообещав сохранить жизнь пирату, Рой узнал от него, что Флингер, опасаясь подвоха со стороны киборга и его создателей, решил выждать некоторое время.

Его, Сэма, он послал в разведку, еще одному пирату удалось внедриться в службу охраны подземного центра, двое других находятся в окрестностях Атланты с шайкой отъявленных головорезов, которых Флингер сумел привлечь на свою сторону.

По первому его приказу, сказал пират, они готовы ворваться в город с целью захвата подземной лаборатории.

Киборг, говорил Сэм, находится в ангаре, где когда-то ремонтировали автомобили. Связанную Касселу сторожит подруга Сэма. Там же и Флингер с Келли, девушкой, которая выросла в их банде.

Не раздумывая, Рой бросился к убежищу главаря...

Вот уже несколько часов подряд, Пат, прислонившись к стене ангара, наблюдала за поединком двух смертельных врагов. Сколько раз уже она проклинала себя за то, что не сумела убедить Роя идти к Флингеру с людьми Берроуза.

Но вот сейчас, кажется, у нее уже не было повода укорять себя. Гиббсон, сумевший выдержать свирепый натиск пирата, его мощные, сокрушительные

удары, вконец измотал Флингера, заставил-таки того совершить роковой промах — открыться для мощных ударов левой, а потом и правой ноги Роя.

Потрясенный страшными, как смерть, ударами Гиббсона, Флингер стоял, пошатываясь, бессильно ожидая развязки.

Злобу и ненависть, горевшие в его глазах до сих пор, сменила пелена отчаяния и боли.

Гиббсон, собирая все силы для последнего удара, готовился убить врага. И, забыв об осторожности от усталости, медленно, вплотную приблизился к нему.

Вдруг некое подобие зловещей улыбки появилось на лице Флингера. Лезвие ножа, блеснув в его руке, ужалило Роя в левое плечо: рана, впрочем, была не опасной. В последнее мгновение Рой сумел отреагировать и защитил грудь от удара. Но то, что у пирата есть нож, было для него полной неожиданностью.

Рой отскочил к стене ангара. Флингер с ножом в руке, шел на него. Но вдруг, обернувшись, резко отпрыгнул в сторону. Меч Патрисии просвистел как раз в том месте, где только что находился пират.

Девушка не смогла смириться с подлостью Гарри Флингера. Но промах стоил ей жизни. Она упала, споткнувшись, и этим мгновенно воспользовался Флингер, поразив ее ножом прямо в сердце.

Ненависть удесятерила силы Гиббсона. В ярости он как ураган налетел на Флингера, сбил с ног и, не давая опомниться ему, ребром ладони нанес сокрушительный удар по шее. Потом еще и еще. Не

в силах остановиться, Рой в иступлении бил распластанное, уже безжизненное тело пирата.

Наконец, придя в себя и убедившись, что Флингер мертв, Рой подошел к лежащей на земле Пат.

Склонился над ней, погладил ее рукой по щеке, по волосам и... зарыдал.

Профессор Берроуз, Кассела и Келли с Роем прощались у входа в подземный бункер лаборатории.

— Останься с нами, Гиббсон, — продолжала уговаривать его Кассела. — Ты очень нужный здесь человек.

— Нет, — ответил Гиббсон, беря за руку Келли. — Такие, как я, нужны во внешнем мире. Прощайте.

Вскоре фигуры проводника с девушкой скрылись из виду.

— Как странно, отец, — задумчиво произнесла Кассела. Они все еще продолжали стоять на том же месте, у входа в бункер.

— Ты о чем? — с грустью в голосе спросил профессор.

— Я отвыкла, — вздохнула Кассела, — отвыкла от того, что кому-то небезразличен этот мир.

Медленно в молчании профессор и его дочь киборг спустились в кабинет Берроуза.

Начала первой девушка:

— Я многое должна тебе рассказать.

Профессор усадил Касселу в кресло и сказал:

— Да, дочка, все это время я не забывал о тебе ни на секунду, переживал. Мне очень хочется узнать, что произошло с тобой за это время.

Они проговорили всю ночь. Рассказ Касселы о ее приключениях взволновал и встревожил профессора. Особенно поразила его то, что он узнал о главаре пиратов — Гарри Флингере.

«Быстро же этот злодей, — думал ученый, — сообразил, как извлечь выгоду из моего изобретения. А ведь таких Гарри Флингеров на земле немало. Готовы ли люди сейчас принять мое изобретение, чтобы с его помощью делать добро, а не зло?»

Эти сомнения не покидали профессора в течение года, и только лишь тогда, когда стало ясно, что чума безвозвратно побеждена, Берроуз принял решение.

Кассела полностью поддержала отца.

И вскоре, в глубоком секрете от большинства сотрудников лаборатории, девушка-киборг навсегда пропала из их поля зрения.

Через два года не стало и профессора Берроуза. В могилу, посчитали его коллеги, он унес и тайну загадочного исчезновения первого и единственного в то время киборга на земле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Институт, принадлежащий корпорации «Пинуилл», занимал огромные площади, исчисляющиеся сотнями гектаров, обнесенных бетонной стеной и колючей проволокой. Своего рода город в городе. Стена отделяла инсти-

тут и работающих в нем от жизни большинства, не очень обеспеченной и спокойной.

Здания, находящиеся на территории корпорации, представляли собой образцы архитектурных направлений различных эпох, но все они, казалось, были объединены одним духом, одной мыслью, одним, если можно так сказать, стремлением, — стремлением к власти и богатству, воплощенным в камне. Монументальный фундаментализм — вот их общая черта.

В начале, как бы у выхода в город, стоял главный корпус. Так называемый главный. Потому что на самом деле он вовсе не был главным. Это было представительство компании «Пинуилл». Там прохо-

дила вся канцелярская, бумажная жизнь института, финансовое обеспечение, подсчеты, документация, договоры и т.д. Несколько сотен чиновников обслуживали компанию «Пинуилл» в этой области. Они приходили на работу, делали ее, а в конце рабочего дня покидали территорию института.

Дальше шли корпуса лабораторий. Первые три корпуса принадлежали лаборатории, занимающейся изучением, разработкой и испытанием сплавов. Лаборатория занимала три корпуса. В одном располагалась теоретическая группа ученых. Они занимались разработкой, усовершенствованием сплавов для киборгов. Ведущим ученым, заведующим лабораторией был Фрэнк Симонс. Это был стройный шатен среднего роста. На удлинённом овальном лице выдавался тонкий с горбинкой нос, серые глаза смотрели на собеседника спокойно и уверенно. Он не занимался проблемами роботехники, он занимался сплавами, металлом, знал свое дело великолепно и имел великолепную голову. Компания «Пинуилл» высоко оценила эту голову, что выразилось в солидной заработной плате Фрэнка.

Фрэнк Симонс был известным ученым с мировым именем, и конкуренты «Пинуилл» хотели бы иметь такого работника у себя. Но корпорация строго блюла свои интересы и каждый, в ком нуждалась «Пинуилл», не испытывал нужды ни в чем.

Симонс возглавлял лабораторию, состоящую из десяти ведущих научных сотрудников и нескольких десятков обслуживающего персонала. Они занимали

небольшое трехэтажное здание, по форме напоминающее куб. Здание имело серо-стальную окраску.

Второе здание, относящееся к лаборатории, походило на башню, выполненную в современном стиле ампира. Здесь занимались воплощением теоретических находок в материализованную плоть, т.е. здесь находился сталеплавильный цех, стояли печи и горны, выполненные по последнему слову науки. Затем металл отливался в формы и проходил конечную обработку.

Возглавлял этот сектор Теодор Кроуни, специалист высочайшего класса. Работал он на компанию уже давно, и они были довольны друг другом.

Третье здание этого профиля представляло собой многогранник. Здесь полученные сплавы проходили испытание на прочность и гибкость. Штат этого подразделения был большим, а многоэтажное здание наполнено современной техникой. Этот этап работы был очень важным. Производство сплавов представляло собой замкнутый цикл, в котором каждый участвовавший давал толчок другому. Без теоретиков не было бы испытателей. Но испытатели, в свою очередь, давали теоретикам такую информацию, без которой работа их не была бы столь плодотворной и успешной.

Руководил сектором Виктор Кранц. У него не было широкоизвестного имени в области науки. И все же именно он был заведующим и ведущим, и незаменимым. Он обладал интуицией, природным чувством. Слушая его характеристики сплавов,

можно было подумать, что он сам состоит из металлов, так он о них говорил. Ему было пятьдесят три года. Он был невысокого роста, немного грузноват. На его круглом лице необыкновенно живо сверкали карие глаза, губы редко раскрывались в улыбке, но преданность своему делу и энергия, с которой он ему отдавался, делали его лицо привлекательным. У него не было семьи, друзей и знакомых вне работы. Металлы были его жизнью.

Следующий отдел института занимался разработкой эластичных материалов и покрытий. Так как киборги стали активно входить в жизнь человечества, то все настоятельней вставал вопрос о придании им наибольшего сходства с человеком. Кроме того, различные задачи, которые ставились перед киборгами, требовали разного подхода к их изготовлению. Покрытия киборгов должны были соответствовать следующим требованиям: быть, насколько возможно, визуальными и по качеству идентичными человеческой коже, и в то же время быть намного прочнее оной.

Отдел занимал два корпуса. Первое здание состояло из семи этажей и было выкрашено в безжизненный коричневый цвет. Второй корпус представлял собой многоступенчатый многогранник. Ежедневные занятия спортом помогали ему сохранять форму. Он относился к тем людям, которые любят жизнь и умеют жить. Да, работа занимала его основное время, но после работы он брал от жизни только то, что доставляло ему удовольствие. Ричард Мерфи любил красивых женщин и хорошее вино, веселую

компанию и прогулки по морю, изысканную кухню и азартные игры. Нужно было иметь особый дар, чтобы сочетать плодотворный многодневный труд ученого и бездумную легкость кутилы и бабника, наездника и игрока. И тем не менее, это было так. Отдел успешно решал проблемы, поставленные перед ним руководством института и временем, предлагая новые успешные варианты для создания кибернетических организмов. Отдел занимал четыре здания. Три из них были обычными серыми строениями, не отличающимися своей архитектурой от многих домов города: банальный стиль, свойственный периоду бурной урбанизации. Четвертое здание было выполнено в стиле английской архитектуры девятнадцатого века.

Последним в составе института находился отдел, где кибернетические организмы непосредственно создавались, оживали, проходили тестирование и выпускались в жизнь. Здание, где находился отдел, напоминало огромного монстра. Это был «небоскреб» с пристройками, переходами в близлежащие строения, снабженный всем необходимым современным оборудованием. Здесь большую часть времени проводил директор этого института Марк Дан и его заместитель Сидней Смит.

На территории корпорации «Пинуилл» находились также корпуса, в которых жили служащие института. Нет, конечно, каждый, кто хотел иметь свой дом, мог купить его себе в любом месте, которое ему нравилось, но жизнь в непосредственной близости от работы имела свои преимущества. Тем более, что

компания создавала наилучшие условия для отдыха своих сотрудников. Институт приносил колоссальные прибыли корпорации «Пинуилл». Более того, в институте были собраны умнейшие головы, с помощью которых корпорация надеялась уничтожить конкурентов и захватить весь мир.

Как уже было сказано, Институт занимался разработкой передовых технологий для создания кибернетических организмов и принадлежал корпорации «Пинуилл». Она финансировала все проекты Института и осуществляла контроль за его деятельностью. Глава института вынужден был считаться с мнением Совета директоров корпорации «Пинуилл». Их было шестеро.

Самым молодым, энергичным и целеустремленным был Эдгар Ли Мастерс. По сути, он заправлял всеми делами компании. Его ближайшими помощниками были Калвин Кулидж и Томас Элиот. Все трое были в том прекрасном возрасте между тридцатью и сорока, когда вся жизнь кажется забавным приключением и стоит лишь протянуть руку, чтобы схватить удачу за хвост.

Эдгар Ли Мастерс был полным сил, абсолютно здоровым человеком. Его мозг работал как механизм, снабженный одной-единственной программой — накопление денег. Увеличение прибыли, — вот цель жизни Мастерса. Для достижения этой цели годились любые средства. У него не было других увлечений. Только деньги и изыскание возможностей для их

накопления. Он не был женат и у него не было друзей. Только деловые знакомства.

Калвин Кулидж, кроме любви к деньгам, имел еще одну слабость. Он любил женщин. Сейчас Кулидж был женат в третий раз и, наверное, не в последний. Его жена — красавица, высокая и стройная, с огнем меж ног: нужно было видеть, как ее переполняло желание, как ее выкручивало и вытягивало.

Томас Элиот отличался от своих коллег замкнутым и мрачным характером. У него была жена и девятилетний сын. Но они редко посещали знакомых и почти никого к себе не приглашали. Жизнь Томаса Элиота вне корпорации оставалась для всех неизвестной. Из-за его мрачности никто не стремился поддерживать с ним какие-либо другие отношения, кроме сугубо деловых.

Три остальных директора корпорации скорее были наблюдателями нежели активными участниками внутренней и внешней деятельности корпорации. Они перешагнули шестидесятилетний рубеж. Только один из них, Харт Крейн, подходил к нему: ему исполнилось пятьдесят восемь лет. Их заботило только одно — чтобы доходы «Пинуилл» не сокращались.

Харт Крейн имел обычную, ничем не запоминающуюся внешность. Это был сероглазый шатен среднего роста, волосы гладко зачесаны, небольшой, немного спущенный вниз нос, тонкие губы. Седина едва посеребрила виски. Прежде, чем стать директо-

ром корпорации, он работал в одном из крупных банков. Сначала мелким чиновником, но ясная голова, крепкий характер, настойчивость и упорство позволили ему достигнуть богатства и независимости.

Генри Джеймсу было уже шестьдесят три года. Это высокий крепкий старик, весь седой. На изрезанном морщинами лице светились удивительно яркие голубые глаза. Генри Джеймс пользовался уважением своих компаньонов и в трудные минуты всегда давал полезные советы, что помогало принять правильное решение.

Дэвид Кливлинд — последний из директоров корпорации «Пинуилл». Он был самым старым и обладал отвратительным характером, склочным и вздорным. Даже внешность его была неприятна: все лицо покрыто мелкими морщинами, кожа имела такой цвет, что казалось, будто в морщинках собралась пыль, маленькие, бесцветные, беспокойные глазки, костлявые, находящиеся в постоянном движении руки. Казалось, что он насквозь пропитан гнусным пороком.

Сейчас все они собрались в огромном зале заседаний и обсуждали финансовый проект, который представил директор Института Марк Дан. Совет был удивлен колоссальными расходами за последние два месяца и еще больше новыми расчетами на следующие три месяца. Но Мастерс верил в гений Марка Дана, и, судя по всему, учуял большие прибыли.

Дану пришлось ждать возвращения Мастерса с

заседания Совета довольно долго. Неожиданно резко двери распахнулись, в большой кабинет — сплошь стекло и сталь — размашистым шагом вошел владелец корпорации.

— Извините, что я так задержался, — сказал он, — но членов Совета смутили некоторые пункты вашей финансовой сметы.

Дан хотел вспылить, но Мастерс успел его успокоить.

— Не волнуйтесь. Я сумел рассеять тучи.

Мастерс предложил ему виски. Дан вежливо отказался.

Мастерс залпом осушил стакан и, наконец, ухмыльнулся.

— Все, дело сделано. Бюджет на следующий квартал вам утвердили. Я охрип, уговаривая всех остальных. Они желают к концу года иметь на руках готовую продукцию, которой можно будет торговать. Я их уверил, что вы меня не подведете. Так что сделайте одолжение — оправдайте наши надежды.

Марк был счастлив. Он пожал Мастерсу руку и обещал лично информировать об успешном завершении работы.

Вернувшись к себе в кабинет и убедившись, что он в кабинете один, Марк Дан чуть ли не подпрыгнул от радости. Ведь он был почти уверен, что Совет директоров зарубит большинство пунктов финансовой сметы. Да, он явно недооценил любовь Мастерса к разрабатываемому проекту. Теперь у него есть все необходимое, чтобы завершить работу. Очень скоро

на свет появится новая, совершенная, удивительная модель киборга!

Двери, прошелестев, отворились — лифт приехал на двенадцатый этаж. Дан прошел через пустой вестибюль и замер перед мощной дверью. Хромированная надпись наверху гласила:

«Отдел Особых Проектов. Вход по специальным пропускам».

Марк сунул в щель свой электронный пропуск. Дверь щелкнула и распахнулась.

Он вошел в ЛИР — Лабораторию Искусственного Разума. Все здесь было заставлено полками с процессорами, дисководами, контрольным оборудованием и опытными образцами. По полу змеились толстые провода.

Марк Дан остановился посреди комнаты и сказал сотрудникам:

— Я вас поздравляю. Мы получим деньги, необходимые для завершения работы.

Коллеги приветствовали его радостными возгласами. Они поздравляли Марка и пожимали ему руку. Все были заинтересованы в продолжении и завершении работы, так же как и Мастерс. Но здесь они преследовали разные цели. Марк и его коллеги радовались высокой зарплате, но не все они работали ради денег. Их привлекал сам процесс познания. Мастерс хотел лишь преумножить свои богатства.

Через некоторое время веселье прекратилось, и все снова принялись за работу. Они работали над проектом уже несколько месяцев, и были близки к

завершению. Новая идея позволяла создавать кибернетические организмы, способные не только выполнять заложенную в них программу, но они могли бы анализировать ситуацию, корректировать программу и успешно ее усовершенствовать.

Сейчас Дан хотел поговорить со Смитом, поэтому пригласил его зайти к нему в кабинет. Смит снял халат и пошел вместе с Марком. В кабинете Смит сел в кресло и закурил. Директор некоторое время стоял молча, разглядывая свои руки. Затем он начал говорить:

— Сид, я уже сказал, что наша смета утверждена. Но я пока никому не говорил, для чего я просил так много денег.

Смит удивленно поднял на него глаза:

— Разве не для новой модели?

— Да, для новой модели, — спокойно ответил Дан, — но не для одной... Мы сделаем два образца.

— Ну хорошо, два так два. Что в этом особенно? — пожал плечами Смит. — Два даже лучше...

— Да, в этом нет ничего особенного, — Марк рассеянно закурил. — Но я хочу, чтобы все, кроме нас с тобой, знали только об одном.

В комнате снова повисло молчание. Они смотрели друг другу в глаза, пока Смит не отвел взгляд.

— Ты рискуешь... — начал он.

— Я знаю, — перебил его Марк, — и тем не менее, я прошу тебя.

— Ты хорошо подумал? — Смит пытался уговорить Марка отказаться от этой затеи. — Кому как

не тебе знать, что бывает с теми, кто пытается одурачить корпорацию.

— Да, я очень хорошо это знаю, поэтому я и прошу тебя об одолжении, — сухо ответил Марк. — Так как?

— Не знаю. Если я скажу «да», это значит, что я тоже рискую?

— Отчасти, — хладнокровно продолжал Марк. — У тебя есть прикрытия — я. Это будет грозить тебе только усиленной слежкой. Но разве сейчас этого нет, разве сейчас ты можешь делать спокойно то, что тебе хочется, разве можешь поехать туда, куда тебе хочется, предварительно не согласовав это ни с кем?

Сидней Смит погрузился в размышления. Марк пристально следил за каждым его движением. Наконец, Сидней сказал:

— Хорошо.

Затем он резко поднялся и вышел из кабинета.

Работа над киборгами подходила уже к концу, когда Марка Дана, совершенно неожиданно для него, пригласил зайти Эдгар Мастерс. Дан не знал причины этого вызова, и поэтому нервничал. Мастерс не стал откладывать и сразу приступил к делу.

— В нашем разведотделе есть сведения, что конкурентам стали известны некоторые подробности, связанные с производством новой модели, — сурово говорил он.

Для Марка это тоже были неприятные новости.

Японцы, конечно, рано или поздно найдут ответ на вопросы и тоже сделают подобную модель, но это дело времени, а сейчас нужно приложить максимум усилий, чтобы прекратить утечку информации. Тем более, что может стать известным и то, что на самом деле будет выпущено две модели, одна из которых предназначена персонально для Марка Дана.

— Нужно выяснить, кто является источником информации для противника, — подавшись к Мастерсу, сказал Дан.

— Мы это уже выяснили, — ответил шеф. — Это Уилли Гарвин.

— Как это стало известно?

— Вы же знаете, что мы проявляем повышенный интерес к проекту и иногда проверяем сотрудников, имеющих отношение к нему. Через несколько дней мы заметили кое-что странное в его поведении и решили продолжить наблюдение. Мы засекли его связь с неким Стивом Колльери. Нам пока неизвестно, как много он ему рассказал, и мы не знаем точно, на кого он работает. Сейчас Уилли Гарвин находится в госпитале. Он выпал из окна дома сегодня. Возможно, это было не случайно. Возможно, он передал всю информацию, и его убрали. — Мастерс говорил так, будто читал по списку.

Марк Дан был ошеломлен, у него перехватило дыхание, и некоторое время он не мог ничего сказать.

— У вас есть какие-нибудь соображения на этот

счет, — спросил Мастерс, дав ему время прийти в себя.

— Нужно выяснить все об этом Стиве Колльери, — ответил Дэн.

— Да, вы правы. Нам нужно найти человека, который мог бы это сделать. У вас есть такой на примете? — спросил Мастерс, глотнув кофе из белой дымящейся чашки.

— Да, я знаю человека, который мог бы этим заняться, — медленно проговорил Дан. — Это Дэниел Пейдж.

— Надежный парень?

— Да, он сделает все, что нужно.

Мастерс покрутил чашку.

— Ну что ж, свяжитесь с ним и дайте задание: нужно выяснить, на кого работает Стив Колльери и уничтожить его. Также было бы хорошо выяснить, с кем он работает. Держите меня в курсе.

Когда Дан покинул кабинет Мастерса, он нервничал еще больше, чем когда входил в него. Он торопился к себе, чтобы немедленно озадачить Пейджа и устранить опасность.

— Меня ни для кого нет, — бросил он на ходу секретарше, прошел в кабинет и запер за собой дверь. Сев в кресло, он сжал голову руками и стал лихорадочно соображать. Да, неприятность. Он так тщательно подбирал людей... К сожалению, не так просто найти человека с головой, к тому же умеющего держать язык за зубами. Теперь предстоит

напряженная работа. С чего начать? Нужно предупредить Смита и договориться с Пейджем.

Дан стал набирать номер Пейджа. Раздалось три гудка, и на другом конце ответили.

— Пейдж слушает.

— Это Дан, у меня есть работа.

— Слушаю.

— Нужно узнать, на кого работает Стив Колльери и избавиться от него.

— Сколько?

— Как всегда.

— Хорошо.

— Теперь поезжай в госпиталь и найди человека по имени Уилли Гарвин. Узнай у него все что можно, потом убей. Все. Связывайся со мной по номеру...

— Я помню, Дан, — засмеялся Пейдж.

— Хорошо, надеюсь, до скорого.

Марк Дан положил трубку и провел по лицу ладонью. Теперь остается только уладить все со Скотом.

Дэниел Пейдж раздвинул занавески и вышел на балкон. Он скинул несколько комочков земли из кадушки с пальмой носком своих белых шлепанцев. Земля зашуршала по белому покрытию. Он подошел к краю, положил руки на перила и вдохнул свежий воздух.

Воздух здесь был чистым. Он заплатил очень много, чтобы подняться на эту высоту, где дул

прохладный освежающий ветерок. Здесь не было сажи, как на другом берегу, переполненном толпами людей, продавцами, фабричными рабочими и матерями, орущими на своих детей. Правда, для этого им нужно было быть рядом со своими детьми, а такое случалось не часто.

Он все еще точно наяву ощущал хлопки по плечу и запах спиртного от матери.

Позади нее в дверном проеме стоял мужчина. Больше ему негде было стоять. Квартира была очень маленькой, одна комната, одна кровать, в которой спал Дэни.

Мать подталкивала его, и он выходил в коридор, сворачивался калачиком возле двери. Зимой он накрывался своим пальто.

Тогда они жили на последнем этаже. А последний этаж был дном социальной лестницы, где жили такие же проститутки, как его мать. Там никогда не было лифтов. На последний этаж нужно было подниматься пешком.

Иногда мать запирала дверь в комнату. И тогда он не мог проскользнуть в комнату утром, чтобы переодеться, почистить зубы и причесаться. В таких случаях ему приходилось идти в школу с коридорной пылью на взлохмаченных волосах. Но никто из учеников не смеялся.

Один однажды попытался. Дэниел Пейдж расправился с ним на глухой улочке горлышком от разбитой бутылки. Тот парень был выше его на целых пол-фута, но размер противника никогда не волно-

вал Дэни. Каждый человек имел слабые места, и у больших людей их было больше. Их было легче ударить палкой, камнем или горлышком от разбитой бутылки.

Когда Дэни исполнилось четырнадцать, он уже дважды побывал в исправительных заведениях для малолетних преступников. Он попал бы туда и в третий раз, если бы не нашел в кармане брюк одного из клиентов матери бумажник. Дэни похитил бумажник и вышел из комнаты. Не в первый раз он находил бумажник возле постели матери, но никогда раньше он не был таким полным. Там лежало двести долларов.

Этого было слишком много, чтобы делиться с матерью, поэтому Дэниел Пейдж в последний раз спустился по лестнице многоквартирного дома. Теперь он принадлежал самому себе.

Успех пришел к нему не сразу. Двести долларов он растратил за три недели. Ни одна фирма не взяла на работу четырнадцатилетнего мальчика, даже если он говорил, что ему семнадцать. Он пытался устроиться разносчиком газет, но даже там не хотели связываться с беглым ребенком.

Он истратил последние деньги на хот-дог, и, жуя и смакуя его, шел по улице, чувствуя страх впервые в жизни, когда какой-то здоровяк выскочил из дверей здания, врезался в него и выбил его последнюю еду из рук на мостовую.

Не раздумывая, ослепленный отчаянием, Дэни бросился на верзилу. Но не успел он нанести второй

удар, как двое парней подскочили к нему и принялись избивать.

Когда он пришел в себя, то увидел, что находится на кухне, где сновали слуги. Женщина, очень красивая и вся в жемчугах, гладила его руку.

— Ты, конечно, знаешь, на кого нападать, малыш, — сказала она.

Дэни молча смотрел на нее.

— Это было настоящее представление перед моим домом, — продолжала она.

Дэни осмотрелся: вокруг было много красивых женщин. Таких он никогда не видел.

— Что вы думаете, девочки? — снова заговорила женщина. — Он знает, на кого напал?

Девушки рассмеялись.

— Малыш, ты ведь не собираешься никому рассказывать об этом? — обратилась она к Дэни.

— Мне некому рассказывать, — ответил он.

Женщина покачала головой и недоверчиво улыбнулась.

— Так уж и некому? — с сомнением в голосе проговорила она.

— Некому, — повторил Пейдж.

— Где ты живешь? — поинтересовалась женщина.

— Везде.

— Как везде? — она удивленно подняла бровь.

— Там, где найду место, — объяснил Дэни.

— Ну что ж, хорошо, — вздохнув, сказала женщина и погладила его по голове.

Так Дэниел Пейдж начал работать в самом феше-

небельном публичном доме Нью-Йорка. Он добросовестно выполнял поручения хозяйки и всех девушек, держал рот закрытым и был достаточно ловок.

Позже он узнал, кто выбил его еду на мостовую. Это был Саймон Глор, глава рэкетиров.

— Они все хотят вас, мистер Крейторп, — говорил Дэни.

Крейторп смеялся:

— Ты все знаешь, малыш.

Затем Дэни вел Крейторпа в комнату Модести или Дайны и возвращался вниз по лестнице, зная, что будут делать девушки.

Сначала нужно было возбудить Крейторпа. Это занимало от двадцати до тридцати минут. Его сила была лишь в его мозгах. Затем с огромным усилием девушка заставляла его кончать. Ее стоны были неподдельными, но это происходило не от возбуждения, а от напряжения.

Затем следовала фальшивая фраза о том, как был хорош Крейторп. За это они получали от Джеймса Крейторпа пятьдесят долларов за ночь.

Он состоял в рэжете, как говорили девушки. Но он не был одним из главарей, он не имел больших денег. Он лишь перемещал деньги из одного места в другое и держал рот закрытым. Он был инкассатором. Все его достоинство было в том, что он никогда не терял ни цента и никогда не говорил ни слова о своем бизнесе.

Крейторп работал на Саймона Глора, который

возглавлял рэкет города. Иногда при нем было, как говорили девушки, несколько десятков тысяч долларов.

Дэни выполнял поручения по дому и держал ухо востро. Он наблюдал за людьми, видел, как генерал из Вашингтона платил девушке за то, что она танцевала вокруг него голой и сыпала пудру на него.

Он видел министра, который просил, чтобы его избивали хлыстом, видел мужчин, которым нужно было две женщины, и видел таких, которым мало было дюжины,

Он выполнял поручения, приносил чемодан с сексуальными атрибутами, приводил женщин, готовил ванны. Следил, чтобы у Сары всегда была ее пудра, никогда не называл мистера Осборна по имени, легко кланялся мистеру Дикерсону при встрече. Розе, хозяйке заведения, нравился этот мальчик.

— Мужчины прислушиваются только к своим яйцам, животам и страху, — говорила она Дэни. — Сначала они боятся, потом чувствуют голод. Когда оба эти чувства проходят, они приходят за тем, что даю им я.

Дэни слушал, но она ошибалась. Он узнал это очень быстро. Мужчиной правит то, что сильнее еды и секса — это гордость. В мужчине нет гордости только тогда, когда ее выбьют из него. Люди сначала слуги у своей гордости, а потом у своего тела. Все исходит из гордости.

Он видел ее в Осборне, Дикерсоне и в Крейторпе. Он видел ее в сияющих пуговицах генерала.

Дэниелю Пейджу исполнилось семнадцать лет, и он служил в доме Розы уже три года, когда она спросила:

— У тебя когда-нибудь была женщина?

— Да.

— Одна из наших?

— Нет, посторонняя.

— Почему?

— Ваши девушки грязны. Это все равно, что бассейн, в который прорвало канализационную трубу.

Роза рассмеялась. Она запрокинула голову и разразилась хриплым смехом. Она смеялась несколько минут, раскачиваясь из стороны в сторону.

Но когда она увидела, что Дэни не был ни смущен, ни растерян, она прекратила смеяться и начала кричать.

— Убирайся к черту отсюда! Убирайся, крысиный подонок, урод! Я вытащила тебя из грязи, ублюдок! Убирайся!

Повариха отшатнулась к окну. Одна из девушек вбежала на кухню и замерла от неожиданности. Роза впервые, насколько они помнили, плакала.

А перед ней стоял и ухмылялся Дэни Пейдж, мальчик на побегушках.

Значит он победил, но у него не было ни работы, ни образования, ни денег. Так что же он выиграл?

Дэни вышел в дождливый день с сорока долларами в кармане и с планом в голове. Человек должен

бороться за жизнь. Если он не будет бороться, он умрет.

Поэтому Джеймс Крейторп, который никогда в жизни не терял денег, верзила с пистолетом и накачанными мускулами, вышел этой ночью из дома Розы и встретился с бывшим мальчиком на побегушках.

Он встретил его в проходе, ведущем от выхода на улицу. Там их никто не мог заметить: ни те, кто входил, ни те, кто выходил из дома.

Дэни Пейдж стоял в проходе.

— Привет, мистер Крейторп, — сказал он. — Рад увидеть вас. Я в отчаянном положении.

— Я слышал, тебя выгнали, малыш, — сказал Крейторп. При слове «Отчаянном» он слегка качнулся на пятках. Дэни неожиданно понял, как огромен был Джеймс. Его рука всегда была в кармане, взгляд холодных голубых глаз, казалось, пронизывал Дэни насквозь. Рассеченные шрамом губы растянулись в усмешке.

— И что же ты хочешь, малыш? Доллар?

Холодный воздух, казалось, неожиданно утратил свою свежесть. Дэни нащупал стальное лезвие в своем кармане, оно было чертовски мало. Он перехватил взгляд Джеймса и увидел, что его глаза метнулись к карману, в котором Дэни сжимал нож. Сейчас или никогда, пронеслось у него в мозгу.

— Нет, мистер Крейторп, мне нужно больше.

— О-о! — протянул Крейторп. В своем кармане он тоже сжимал оружие.

— Да, у меня есть план, благодаря которому мы оба можем сделать деньги.

— Мы, малыш? — удивился Крейторп. — Мы? Причем здесь ты?

— Дело вот в чем. Я видел многих парней, приходящих в дом Розы. Но никого, похожего на вас, мистер Крейторп. Я имею в виду, что знаю сотни шлюх, которые очень хотят, но я не знаю парня, настоящего парня, который мог бы удовлетворить их. Я слышал, как шлюхи Розы говорили, что с удовольствием бы сами заплатили вам, если вы не заплатите им.

Джеймс расплылся в улыбке, взгляд его холодных глаз потеплел. Рука в кармане расслабилась.

— Да, мистер Крейторп, — сказал Дэни, — Роза представляет вам только тех девушек, которые хорошо справляются со своей работой. Вот почему мне каждый раз приходилось приводить вам особых девушек. Они были из тех, которые заслужили это.

— Да? — Джеймс сиял от удовольствия.

— Да, вот я подумал, что если я буду приводить к вам девушек, готовых заплатить, то, может быть, получу двадцать процентов.

Джеймс ухмылялся. Шрам комично обезображивал его губы, золотые зубы сверкали в тусклом освещении прохода. Он вынул руку из кармана и сдвинул на затылок шляпу.

— Недурен, — сказал Джеймс. — Ты ловкий малый, и ты мне нравишься, но у меня есть другое... — Джеймс Крейторп, тридцатипятилетний казначей

синдиката, так и не закончил своего предложения. Острое стальное лезвие пронзило его горло.

Мощной струей хлынула кровь, Джеймс рухнул на пол и начал корчиться, оставляя красные пятна на сером бетоне. Дэни тщетно пытался достать бумажник, пояс с деньгами и пистолет. Джеймс корчился и брыкался. Даже умирающий он был слишком силен для молодого Дэниела Пейджа.

Подпрыгнув, Дэни обоими ногами приземлился на окровавленную грудь Джеймса, когда тот перевернулся на спину. Воздух и кровь с хлопотанием вырвались изо рта Джеймса, и он затих.

За свое первое убийство Дэни получил три тысячи долларов.

Это был первый и последний раз, когда он взял деньги у своей жертвы. Во всех остальных случаях ему платил кто-то другой.

На следующий день Дэниел Пейдж отправился в госпиталь, чтобы встретиться со своим клиентом.

Дежурная регистратуры госпиталя невольно выпрямилась и приняла кокетливую позу, увидев красивого мужчину, направляющегося к ее столу.

Он шел с грацией танцора и уверенностью атлета. Каждое движение было подчинено прекрасному мускулистому телу, которое она легко представила в постели.

На нем был дорогой серый костюм с тремя пуговицами, голубая рубашка и коричневый галстук. Она не знала, не слишком ли она широко улыбну-

лась, когда он положил свои сильные руки на край ее стола.

— Здравствуйте, я Кайл Коннор, — сказал он.

— Чем мог вам помочь? — спросила она.

— Я страхового агента и пришел по обязательству. Он чувствовал, что она поможет ему.

— О, — сказала она, не понимая еще, чего хочет этот человек.

— Послушайте, — сказал он, наклонившись к ней, — я обещал своему клиенту в случае крайней необходимости увидеться с ним. А сейчас он в тяжелом состоянии находится у вас в госпитале, он выпал из окна.

Девушка кивнула.

— Ах да, Гарвин. Он в реанимации в 617-й палате.

— Могу я его увидеть?

— Боюсь, что нет. Вы должны дождаться времени для посетителей и получить разрешение в охране. На его жизнь покушались, и они не хотят, чтобы это сделали во второй раз.

Мужчина показался разочарованным.

— Хорошо, кажется, мне придется подождать. — Он задержался, как будто ожидая чего-то. Может быть, он уйдет. Она не хотела, чтобы он уходил.

— Это очень важно? — спросила она.

Теперь его губы были так близки к ее губам.

— Да.

— Может быть, я смогу вызвать охранника сюда, и вам удастся зайти в палату на минуту, — предложила она.

Он так мило улыбнулся.

— Вам это подойдет? — спросила девушка.

— Прекрасно, — ответил он.

— Я позвоню охраннику. Зайдите в один из лифтов и держите двери открытыми, чтобы ему пришлось спускаться в другом. У ночных сиделок сейчас перерыв. Я задержу охранника сколько смогу... около двадцати минут. Потом я позвоню на этаж, и вы снова войдете в лифт. Когда другой лифт поднимется, спускайтесь вниз. Но никому ни слова. Обещаете?

— Обещаю. — мягко произнес он.

У него были такие прекрасные глаза.

Пейдж нажал кнопку шестого этажа и посмотрел на закрывающиеся двери лифта. Сейчас ему предстояло встретиться с человеком, которого он никогда прежде не видел, попытаться с ним поговорить, расположить к себе за столь короткое время, которое у него в распоряжении, затем убить его так, чтобы это выглядело похоже на естественную смерть.

Двери лифта открылись медленно и почти бесшумно. В тускло освещенном коридоре стояла тишина. Стол сиделки был пустым. Пейдж пошел по коридору, мягкие подошвы его ботинок ступали бесшумно. 613, 615, 617... Охраны не было. Не замедляя шага, он вошел в палату. Пейдж осмотрел коридор, если кто-то и затаился в тени, его быстрый

маневр смутит их, и они не будут уверены, в какую палату он вошел.

Дэни осторожно прикрыл за собой дверь. Он решил, что Уилли Гарвин переломал ребра при падении. Нужно было лишь вдавить одно из них в сердце, и никто не подумает об убийстве. В палате было темно, и только над головой Уилли Гарвина горела ночная лампа. В комнате пахло эфиром. Подойдя ближе, Дэни заметил несколько трубок, уходящих в темноту. Они были похожи на длинные спагетти.

Одна нога была подвешена. Дэни пошарил рукой по теплому влажному телу и почувствовал гипс вокруг грудной клетки. Он не хотел ломать его. Это оставит следы. Нужно чуть сместить его, осторожно, осторожно обнажить грудную клетку и...

— Ты кто? — раздался голос. Это Гарвин открыл глаза. — Ты от «Пинуилл»?

— Да. Мне нужно знать, кто это сделал с тобой и на кого он работает.

— О'кей. Ты хочешь все узнать и прикончить меня. Ну что ж, у меня нет шансов. Поквитайся с ним за меня. Подойди ко мне, — сказал Уилли Гарвин.

— О'кей, — Дэни нагнулся вперед, чтобы лучше его слышать.

— Меня завербовал человек по имени Лаверс, он работает на Генри Кэмбелла. Он владеет тем домом, из которого меня выбросили вчера. Больше я ничего

о нем не знаю. Я видел Кэмбелла всего минуту. Я был выброшен из его апартаментов.

Гарвин перестал говорить и закрыл глаза. Дэни подумал, что он потерял сознание, но через несколько мгновений он открыл глаза и заговорил снова:

— Эти верзилы вышли из стен, они, оказывается, раздвигаются в разные стороны. Эти стены обитаемы.

Гарвин чуть шевельнулся, но слабо. Потом снова замер. Разговор отнял слишком много сил; он потерял сознание.

Дэни надавил на ребро, и дело было закончено... Дверь в палату 617 бесшумно закрылась, и также бесшумно и незаметно исчез посетитель.

Следующий день Пейдж потратил на то, чтобы собрать сведения об этом Генри Кэмбелле.

Генри Кэмбелл — миллионер, использует это как прикрыtie. Занимается разведывательной деятельностью, сотрудничает с тем, кто больше платит за информацию. Сфера его интересов не ограничивается производством киборгов, занимается интригами в политических кругах.

У Кэмбелла одно единственное увлечение — его дочь Элен. О делишках своего отца она ничего не знает.

Пейдж решил позвонить Марку Дану. Если ему придется действовать через дочь Кэмбелла, а ему придется это делать, то операция займет больше времени, чем ожидает Дан.

Дан ответил сразу же.

— Это Пейдж. В госпитале все сделано. Дальше возникли некоторые трудности.

— Говори.

— Слабое место Кэмбелла — его дочь. Операция займет больше времени. Сколько у меня есть еще?

— Я могу дать тебе неделю, — помолчав, ответил Дан.

— Хорошо.

Пейдж глубоко задумался, сидя у телефона. Значит время есть, нужно действовать.

Элен Кэмбелл училась в Колумбийском университете. Впервые он увидел ее в библиотеке. Еще одна представительница современных эмансипированных студенток: девушка в голубой юбке, коричневом свитере из грубой шерсти и белых теннисных туфлях. Ее лицо могло бы быть привлекательным, если бы его владелица использовала косметику. Но ее не было. Волосы были растрепаны, как после бури. Она жевала кончик карандаша. На свитере был приколот значок «За свободу».

Дэни хотел сразу подойти к ней, очаровать своим обаянием, загипнотизировать неотразимым взглядом своих голубых глаз, но что-то удерживало его, как будто перед ним была не совсем женщина. У нее были груди, бедра, глаза, чувственный рот, но отсутствовала женственность, и это сразу же бросалось в глаза.

— Могу я взять у вас интервью? — с таким вопросом Дэни присел к ней за стол.

— Конечно, пожалуйста, — в ее голосе и позе не чувствовалось абсолютно никакого кокетства. Она просто согласилась дать интервью.

— Как вас зовут? — спросил Дэни, раскрывая блокнот.

— Элен Кэмбелл.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— То вы думаете об отношении женщины к космосу?

— Вы имеете в виду метафизику?

— Конечно.

— В сущности женщина — это производитель детей в человекоподобном обществе, с другой стороны, — это эмпирически правильно, если не сказать... вы это записываете?

— Конечно, конечно, — сказал Дэни, быстро записывая непостижимые ученые глупости своей собеседницы. В конце интервью он пришел к выводу, что не понял ни слова из того, что она сказала, но был уверен, что это были прекрасные объяснения по заданной им теме.

Элен было очень жаль, но она должна была подготовиться к завтрашним занятиям.

Журналист заверил ее, что только она смогла помочь ему развязать этот метафизический узел. Он предложил ей позавтракать с ним. Нет, был ее ответ, у нее было свое расписание дня.

Тогда, может быть она даст ему фотографию своих голубых глаз?

Зачем, был вопрос, ему нужна фотография ее голубых глаз?

Потому что, был ответ, они были такими голубыми, каких он никогда не встречал прежде.

— Чепуха, — ответила она.

И все же он ждал ее в ресторане. Элен должна была появиться там в 10.00. Для любой другой женщины опоздание было бы обычным делом. Но подобные социальные типы жили как мужчины. Они были пунктуальными и деловитыми.

Дэни с трудом отвел взгляд от двери. «Я прочту газету, — сказал он себе. — Я прочту газету с первого листа до последнего, а потом выйду из ресторана, найду Кэмбелла и попробую узнать у него, на кого он работает, если, конечно, до этого дойдет.»

Прежде, чем он дочитал первую статью, кто-то вытянул газету из его рук.

— Сколько можно читать? — это была Элен в элегантно облегающем фигуру платье. Весело улыбаясь, она мяла в руках газету. Затем, скомканную, бросила на поднос проходящего мимо официанта, который не успел глянуть на нее презрительно, так как она отвернулась, не дожидаясь его реакции. Девушка села и положила на стол две толстые книги.

— Я проголодалась, — объявила она.

— Тогда нужно поесть, — сказала Дэни.

Элен наклонила голову в притворном удивлении.

— Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь был так рад увидеть меня. У вас такая улыбка на лице,

словно я только что пообещала вам сто лет здоровой жизни.

Дэни кивнул и откинулся на стуле. Он протянул ей меню.

— Это великолепно, — доедая последний кусочек, она начала говорить. — Я думаю, что ваша статья должна быть о сексе.

— Почему?

— Потому, что секс важнее всего. Секс реален.

— О-о, — сказал Дэни.

— Любовь не имеет никакого отношения к сексу, а секс не имеет никакого отношения к любви. Замужество это фарс, придуманный для масс структурами власти.

Она зло хлопнула ладошкой по столу.

— Они говорят, что секс служит для размножения. Сейчас такое мнение отмирает. Секс — это секс, — говорила она, брызгая слюной.

— Это нечто большее, — Элен вытерла рот. — Это самый важный опыт, приобретенный человечеством, я права?

Дэни кивнул, это было не так сложно понять.

— И в замужестве мы лишь развиваем этот опыт, — сказал он.

— Чушь.

— Что?

— Замужество — это чушь, — небрежно сказала Элен.

— А вы разве не хотите выйти замуж?

— Зачем?

— Чтобы развивать свой опыт.

— Это ведет к появлению потомства.

— Но ваш отец... Разве вы не хотите сделать своего отца счастливым?

— Почему вы не упомянули о моей матери? — спросила Элен голосом, который вдруг сразу стал прохладным.

Ответить нужно было мгновенно. Дэни выпалил:

— Потому, что я не верю, что она существует. Если бы она была, она была бы женщиной. А в мире есть только одна женщина. Ты. Я люблю тебя, — Дэни схватил ее за руку раньше, чем она осознала смысл его слов.

Это был рискованный шаг, но он сработал. Краска бросилась ей в лицо, она опустила глаза.

— Это довольно неожиданно, — Элен оглянулась по сторонам, словно агенты наблюдали за ней. — Я не знаю, что сказать.

— Скажи «пойдем погуляем»!

Ее голос был едва слышен.

Дэни отпустил ее руку. Прогулка оказалась удачной. Элен разговорилась. Она не могла остановиться и каждый раз разговор возвращался к ее отцу, его занятиям и его апартаментам.

— Я не знаю, что он делает со своими акциями, но безусловно он делает большие деньги, — сказала она.

— Твой отец заслуживает похвалы. Для тех, кто имеет много денег, существует много соблазнов.

— Но не для отца. Он все время сидит в своих

апартаментах. Он как будто боится появляться в этом мире.

Дэни кивнул. Неподалеку от них какой-то мужчина рассматривал витрину магазина, высокий и широкоплечий. Он уже дважды прошел мимо Дэни и Элен с тех пор, как они вышли из ресторана.

— Идем, — сказал Дэни, беря Элен под руку. — Идем отсюда.

Через четыре квартала Дэни уже знал, что Элен редко жила дома, что стены их дома были очень гладкими, что она никогда не знала своей матери, и что ее дорогой папа был мягким и добрым со своими слугами. Дэни также понял, что за ними увязался хвост.

Они прогуливались и разговаривали, останавливались, говорили о жизни и о любви. Когда стало темно и довольно прохладно, Дэни сделал ей предложение. Элен была ужасно смущена и обрадована, но ничего не ответила Дэни. Она задумывалась, как будто пересматривая свой взгляд на любовь и ее значение, а потом сказала:

— Давай сначала я познакомлю тебя со своим папой.

Дэни посадил ее в такси, договорившись о встрече на завтра. Он послал ей воздушный поцелуй и закрыл дверь. Когда он это сделал, ослепительная вспышка света пронзила его мозг и асфальт приблизился к его глазам.

Он пришел в себя на заднем сиденье темного

салона автомобиля. Человек, который следил за ним, сидел слева, держа в руке пистолет.

На переднем сиденье улыбался худощавый мужчина. Рядом с ним маячила массивная шея водителя.

Дэни встряхнул голову, чтобы прояснить свое сознание.

— Ага, — сказал худощавый, — наш гость пришел в себя.

Дэни чувствовал полное бессилие.

Худощавый продолжал.

— Мы объясним вам некоторые факты. — Он сунул в рот сигарету. В его правой руке не было оружия. — Мы не хотим убивать вас. Мы хотим предложить вам две тысячи долларов.

Огонек сигареты осветил улыбающееся лицо худощавого.

— Вы возьмете их?

Дэни заговорил:

— Раз вы так настаиваете, я не против.

— Хорошо, — сказал худощавый. — Мы хотим, чтобы вы никогда больше не приближались к Элен Кэмбелл. Мы будем долго-долго наблюдать за вами, чтобы убедиться, что вы выполняете условия сделки. Если вы не выполните условие, мы убьем вас. Понятно?

Дэни пожал плечами. Он почувствовал, как дуло пистолета уперлось в его ребра.

— Все ясно и понятно, — сказал он. — За исключением одной вещи.

— Какой? — спросил худощавый.

— Это я собираюсь убить вас всех.

Левый локоть Дэни опустился на запястье державшего пистолет, выбивая оружие из руки. Его правая рука стремительно выбросилась вперед, нанося удар худощавому между глазом и ухом. Он умер в то же мгновение.

Шофер повернулся как раз вовремя, чтобы получить удар ребром ладони в основание черепа. Его кости хрустнули. Голова свесилась на руль, изо рта потекла струйка крови.

Человек, державший пистолет, пытался вылезти из машины. Дэни схватил его за руку, вывернул за спину и поднимал до тех пор, пока не услышал крик.

— О-о-о!!!

— Кэмбелл, — прошептал Дэни ему на ухо. — Кэмбелл. Ты когда-нибудь слышал о таком.

Он молчал. Дэни поднял руку выше.

— Да, да, да!

— Не знаю, я ничего не знаю!!!

— На кого он работает?! — спросил Дэни, продолжая выкручивать руку.

— Я не знаю! Не знаю! Господи! Не знаю!!!

Рука поднялась выше, раздался чудовищный треск, плечевые мышцы и сухожилия начали разрываться, и незнакомец рухнул вперед.

Затащив трупы в багажник, Дэни накрыл их брезентом, лежащим внутри. Завел машину. Он припарковал ее на одной из небольших улиц, запер дверцы и сунул ключи в карман.

Элен встретила его у входа. Вестибюль был просторным и ошеломляющим, выполненным в современном дизайне.

Ковер в вестибюле был мягким, и Дэни не покидало чувство, будто он идет по только что стриженному газону. Невидимые кондиционеры создавали чистый и свежий воздух.

— Нет, не на этом лифте, — сказала Элен. — У нас есть специальный. Он там.

— О, я должен был догадаться, — сказал Дэни.

Дверь лифта открылась так, как Дэни никогда не видел. Она не ускользнула в сторону, а поднялась вверх.

— Не правда ли, необычный лифт? — спросила она.

— Да, — согласился Дэни.

— Папа установил множество причудливых механизмов, которые предотвратят появление нежелательных людей в здании и тем более в его апартаментах. Этот лифт поднимается только на наш этаж. Прокатившись на нем, мы избежим необходимости торчать в приемной.

— Приемной?

— Да. Это специальная комната, где Пирл, секретарь, осматривает людей через одностороннее зеркало.

Двери лифта снова открылись вверх. Они вошли в большую библиотеку.

Дэни осматривал стены, ища глазами трещины, изменения в оттенках краски, неровно стоящие книги и другие намеки на открывающиеся стены. Ничего.

Дэни вышел на середину комнаты, держась на дистанции от трех стен. Он вдруг пожалел, что не взял пистолет.

Дверь лифта медленно опустилась. Она слилась с совершенно белой стеной. Если бы он не знал, где лифт, то никогда бы не догадался. Рядом с невидимой дверью лифта была настоящая дверь, которая, вероятно, вела к главному лифту. Она была расположена так, что человек мог спрятаться за нею от того, кто выходил из невидимого лифта.

Значит, стены действительно двигались.

Кэмбелл вошел в комнату через обычную дверь. Среднего роста, коренастый, с массивной шеей. На нем был светлый костюм, одна рука находилась под полкой пиджака. Вероятно, для того, чтобы скрыть наплечную кобуру.

— Что ты сделала с собой? — закричал Кэмбелл, увидев дочь.

— Но, папа, — поморщилась Элен.

— Ты гораздо красивее без губной помады!

— Ты устраиваешь сцену перед моим женихом, папа, — сказала Элен. — Что он может подумать о нас?

— Прошу прощения, — сказал Кэмбелл. Он повернулся к Дэни с ненавистью в глазах.

Дэни понял, что тела в машине найдены. Кэмбелл был в курсе всего, что произошло.

— Я пойду распоряжусь, — сказала Элен, — мы сядем за стол немного позже.

Элен прошла мимо отца к двери.

— Не уходи сейчас, — попросил Дэни.

Но она ушла, и Дэни остался наедине с Кэмбеллом, который мог получить поддержку из-за какой-нибудь открывающейся стены.

Дэни почувствовал прохладный ветерок, дующий из окна ему в спину. Он вежливо улыбнулся Кэмбеллу. Он начал было говорить что-то Дэни, но вошла Элен.

— Ты знаешь, дорогая, — сказал Кэмбелл дочери, — этот молодой человек очень заинтересовался моим бизнесом. Я хотел бы ему кое-что рассказать и показать. Ты не будешь возражать, если мы немного задержимся, придем обедать попозже?

— Напротив, — улыбнулась Элен, — я очень рада, папа, что мой жених тебе понравился.

У Дэни не осталось выбора, он должен был пойти с ним. Он должен был пойти с ним, быть может, ему удастся узнать хоть что-нибудь.

Они вместе двинулись к лифту. Дэни рад был зайти в лифт первым. Он мог прислониться спиной к стене, которая не двигалась, как он надеялся. Двери лифта опустились.

Они ехали молча, оценивая друг друга внимательными взглядами.

— «Пинуилл» очень хорошая корпорация, — проговорил Дэни.

Кэмбелл кивнул.

— Отличная корпорация, — сказал он. — Я сотрудничал с ней.

Двери лифта открылись и они оказались в под-

земном гараже. В нем не было окон, и нельзя было рассмотреть ворота. Слабый свет освещал машины. Когда глаза Дэни привыкли к темноте, было уже поздно. Кэмбелл держал пистолет с глушителем. Его рука была тверда. Кэмбелл выбрал правильную дистанцию — достаточно близко для точного выстрела и довольно далеко для броска.

Дэни уже казалось, что он видит вспышку.

— Ну, приятель, — заговорил Кэмбелл, — откуда ты? Кто тебя послал?

— Зачем этот пистолет? — спросил Дэни удивленно, решив потянуть время. — Я вам все расскажу, — говорил Дэни, медленно продвигаясь вперед.

— Еще шаг и ты умрешь, — проговорил Кэмбелл. Его рука не дрожала. — Так откуда ты? — улыбнулся Кэмбелл.

— Убей меня и никогда не узнаешь об этом.

Дэни видел, как сузились глаза Кэмбелла и почувствовал, что выстрел скоро прозвучит. Сейчас. Он умрет быстро.

Раздался тихий хлопок и Дэни рухнул на пол. Тело лежало неподвижно и Кэмбелл подошел поближе, чтобы выстрелить в голову. В один момент неподвижно лежащее тело оказалось на ногах. Удар. Нога Дэни просвистела в воздухе, и Кэмбелл оказался в лежачем положении.

Дэни вскочил на спину Кэмбеллу, обхватив левой рукой шею. Он сильно сдавил ему горло и спросил:

— На кого ты работаешь?

Кэмбелл не проронил ни звука.

— Если ты сейчас же не расскажешь мне все, о чем я спрашиваю, — сказал Дэни, — я убью тебя, а потом и твою дочь. Даю тебе три минуты.

Кэмбелл понял, что этот человек не шутит. Его дочь была его жизнью.

— Что тебя интересует? — заговорил он.

— На кого ты работаешь? — спросил Дэни.

— На себя.

— Что это значит? — не понял Дэни.

— Это значит, что у меня развита агентурная сеть. Эти люди работают на меня. Я скупаю секреты разных фирм, продавая потом их конкурентам, — объяснил Кэмбелл.

— Что ты сделал с информацией Уилли Гарвина?

— Ничего.

Дэни усилил давление левой руки.

— Я не нашел еще покупателя, информация не полная, — морщась от боли выговорил Кэмбелл.

— Где ты ее хранишь?

— У меня в пригороде гаражи, — сказал Кэмбелл. — Там сейф.

— Ключи?

— В правом кармане.

Эти слова были последними в жизни Кэмбелла. Дэни усиливал давление левой рукой до тех пор, пока не раздался треск. Позвоночник был сломан. Губы Кэмбелла раскрылись, когда кровь стала вытекать толчками изо рта.

Его нельзя оставлять здесь.

Дэни осмотрелся и увидел лишь машины, в которых можно спрятать тело.

Дэни не собирался ни убивать Элен, ни прощаться с ней. Поэтому он старался выскользнуть из здания незамеченным.

Все остальное было делом времени, и вскоре документы оказались в руках Дэни. Его миссия была окончена.

Этот день для Марка Дана стал одним из лучших дней его жизни. Дэниел Пейдж вернул Марку спокойный сон. Теперь никто не узнает о его замыслах.

Дан отправился к Мастерсу, чтобы доложить о прекрасно проведенной операции.

— Добрый день, Дан, — приветствовал его Мастерс. — Какие новости?

— Хорошие, — ответил Дан. — Только хорошие.

Дан положил директору на стол бумаги, добытые Пейджем.

— Я всегда был о вас хорошего мнения, — улыбувшись, проговорил Мастерс.

Несколько минут они молчали. Мастерс просматривал документы.

— Ну, какие у вас планы на ближайшее время, — закурив сигарету, спросил директор. — Как продвигается работа над проектом?

Дан, насколько было возможно, не прибегая к сложной терминологии, объяснил Мастерсу сегодняшние проблемы, обрисовал перспективы и заверил

его, что работа через несколько месяцев будет окончена.

— Великолепно, — сказал Мастерс. — Вы всегда можете положиться на меня, мистер Дан. Если возникнут какие-либо трудности обращайтесь прямо ко мне.

— Может быть чашечку кофе, — предложил он.

Дан отказался, сославшись на срочные дела и ушел.

Сейчас он все дни занимался тем, что строил планы относительно киборгов.

Один из роботов, которого Дан намеревался отдать корпорации, будет использован для работы с киборгамии старых моделей, будет отлаживать их работу, проверяя параметры на аппаратуре.

А второй киборг — только его, Марка Дана. Он станет его личным агентом. Дану нужна срочно информация о членах совета директоров корпорации. Такое задание он никому не мог доверить. Но, если у него будет свой киборг, это откроет для него новые возможности. И тогда, в скором времени, он один сможет владеть институтом.

Только его будут признавать великим человеком...

Часто посещал Дан и лабораторию искусственного разума. Наблюдал за работой, а иногда и сам работал.

— Когда все будет готово? — этот вопрос он часто задавал Смигу.

Каждый день приближал Марка Дана к заветной цели. Оставалось совсем немного.

И вот, наконец, этот день настал. Дан просто не верил. Он был на седьмом небе от счастья.

Стараясь скрыть свои чувства, Дан отправился на испытания. Он решил, что проводить их они будут вдвоем со Смитом. Остальные сотрудники получили крупное денежное вознаграждение и недельный отпуск.

Дан с любовью рассматривал роботов. Они были прекрасны. Один киборг имел внешность молодой черноволосой девушки, похожей на китайку — высокие скулы, раскосые глаза.

— Почему у нее такая внешность? — спросил Дан у Смита.

— Так, для разнообразия, — улыбнувшись ответил он.

— Она мне нравится, — сказал Дан. — Я выбираю ее.

Вторая девушка-киборг тоже была очень красива. Белая нежная кожа, длинные золотистые волосы, мягкие правильные черты лица.

Сейчас они были подключены к вспомогательным системам, поэтому лежали без движения, но через несколько часов, когда все еще раз будет проверено и отлажено, они оживут.

Киборга, которого Дан планировал представить совету директоров, они со Смитом назвали Велмой. Она вызывала восхищение, в ней все было прекрасным, она была соблазнительна.

Дан решил, что она будет работать в Центре

исследования человеческого сознания и перепрограммирования киборгов с помощью экспериментов.

Киборга-китайку Дан назвал Чен. Ее программа превзошла все ожидания Марка и Сиднея.

Уже через месяц Дан знал всю подноготную жизни всех шести членов совета директоров корпорации. Информация о каждом их шаге, о любом принятом решении мгновенно становилась достоянием Марка Дана.

Бесстрастно Чен описывала и подробности их интимной жизни, подслушивала и вносила в досье все важные телефонные разговоры.

Киборг владела приемами рукопашного боя, метко стреляла из всех видов оружия, умела уходить от погони, великолепно водила машину.

— Одна Чен со своими способностями стоит половины отдела контрразведки «Пинуилл», — часто шутил Марк Дан, разговаривая со Смитом.

И это было чистой правдой.

Однажды Чен превзошла саму себя.

Благодаря ей, Марку Дану удалось разгадать загадку прошлого столетия. Тайна профессора Берроуза и первого киборга — Касселы Риз, наконец, стала известна Марку Дану.

Давно, в самом начале своей карьеры, молодой ученый наткнулся на дневники профессора, роясь в архивах института. Ему было смешно читать какой-то бред о любви к человечеству, о том, что оно, это человечество, дескать, не готово еще в благородных

целях использовать киборгов. Все это было полной чужью, по мнению Марка Дана.

«Так что, запретить во всем мире производство киборгов? — думал ученый. — Нет, профессор Берроуз был напуган чумой, и разрухой, — решил он. — И не знал самого главного: что люди, когда опасность миновала, снова захотят драться между собой... За власть, за деньги. И успешно использовать киборгов в этих целях. А в каких иных?» — спрашивал себя Марк Дан. И не находил другого ответа, кроме этого.

Описание Берроузом приключений киборга, которого он послал в Нью-Йорк для сбора информации, только подтверждали его, Марка Дана, мнение о людях.

«Ну что изменилось бы в мире, добейся своего Гарри Флингер?» — снова спрашивал он себя. И отвечал: — Ничего не изменилось бы. Даже наоборот: киборги, подобные Касселе Риз, появились бы еще раньше».

Чем, в сущности, отличается директор корпорации «Кобо-яши» или «Пинуилл-пингвин» от того же Гарри Флингера? Ничем, кроме, пожалуй, возможности использовать более изощренные способы уничтожения конкурентов и вообще всех, кто стоит на их пути. Пути к богатству и власти над миром. Так именно этого и добивался Гарри Флингер. Захватил он подземную лабораторию тогда, во время эпидемии чумы, разве уничтожил бы он противоя-

дие? Марк Дан все задавал и задавал сам себе вопросы и сам же на них отвечал. Нет, он использовал бы его по назначению, и точно так же люди продолжали бы размножаться. А ученые — разрабатывать новые модели киборгов. Причем — не зараженных вирусом любви и свободы, как это часто бывает у людей. А киборгов, готовых выполнять любые приказы человека.

Дневники профессора Берроуза содержали, кроме беллетристики, как называл это Дан, и чисто теоретические, научные разработки. Они во многом помогли тогда Марку Дану в его изысканиях. Привели к новым открытиям и позволили выбиться молодому ученому в лидеры в области науки о производстве киборгов.

Но дневники профессора не давали ответа на вопрос: где же он, тот совершенный киборг, созданный им.

То, что Берроуз сумел его спрятать и сохранить, не подлежало сомнению. Об этом недвусмысленно говорилось в тексте воспоминаний.

И вот киборг Чен выполнила задание Марка Дана — нашла тайник профессора Берроуза.

В заброшенном бункере, где когда-то была лаборатория профессора, Чен сумела обнаружить скрытую комнату. Именно там и находилась Кассела Риз, «законсервированная» до лучших времен, как писал Берроуз в дневниках.

«Вот и наступили лучшие времена», — смеялся

Дан. Втайне от всех доставили тогда киборга Марк Дан и Чен под покровом ночи в институт.

Месяцы ушли на то, чтобы изучить схемы и программу Касселы. Наконец, ему это удалось.

Внедрение человеческого разума в систему программы киборга — вот что было гениальным в произведении профессора Берроуза — киборга Касселы Риз.

Именно это открытие Берроуза, понял Марк Дан, и поможет ему добиться своей цели в жизни: сначала уничтожить конкурентов из «Кобо-яши», а потом — и всех остальных, кто не захочет видеть его первым и единственным великим человеком в этом мире.

В программе Касселы (он называл ее Кеш) его поражали чисто человеческие мотивы поведения, ее совершенное сходство с человеком. Не внешнее, внешне и его детище, — красавица Велма, ничем не отличалась от любой живой девушки. Его поражала внутренняя суть Кеш, ее способность говорить о любви, о доброте, как будто она не была киборгом.

— Японцы клюнут на такую удочку, — радовался Марк Дан. — Хорошую идею подбросил мне из прошлого века старик Берроуз. И великолепная модель!

Добившись от корпорации «Пинуилл» огромных субсидий под совершенно необычную программу Марк Дан приступил к экспериментам.

Дэни Пейдж снова понадобился ему. Только сейчас у Дэни были несколько другие задачи — достав-

лять людей живыми в лабораторию Дана. Причем таких людей, о пропаже которых никто не будет беспокоиться, не поднимет шумиху в прессе.

А этого живого товара было предостаточно там, на дне, в самых бедных районах — трущобах и борделях...

Никто не спрашивал у этих несчастных жертв согласия, разумеется, и никто, конечно, не предлагал им добровольно послужить науке и человечеству, как когда-то профессор Берроуз своей дочери — Касселе.

Их просто уничтожали, но так, что об этом они просто не знали. Серое вещество, мозг — вот что было нужно для опытов Марку Дану. И способом, известным ему благодаря профессору Берроузу, он добился выдающихся результатов.

Гены человеческого разума внедрялись в уникальные программы, диктуют алгоритмы психологии поведения киборга.

Первый эксперимент с системой красавицы Велмы был более чем удачным. Велма влюбилась. Влюбилась, как человек. Но самым интересным было то, что полюбили и ее. И кто полюбил?! Человек, да еще какой! Адмирал флота.

Сначала все шло по сценарию, который написал Марк Дан.

Но вдруг из лаборатории стали исчезать сперва люди, доставленные туда Дэни Пейджем, потом и киборги. Киборги-мужчины и киборги-женщины.

При попытке к бегству была схвачена Дрина, соседка Кеш по комнате.

Дрину знали все — и в институте, и в корпорации. «Киборг с бешенством матки» — называл ее Смит, из-за того, что девушка приставала ко всем лицам мужского пола, кто бы ни встретился ей на пути.

Некоторые сотрудники лаборатории даже побаивались киборга, отказывались от работы с ее программой, так как ходили слухи, что Дрина буквально изнасиловала ведущего инженера, застав его врасплох в солярии.

Случай с Дриной развеял все сомнения Марка Дана. Ему стало ясно, что кто-то, кроме него, уже может корректировать даже программу экспериментальных моделей. Причем тех моделей, которыми он особенно дорожил. Рисковать в его положении, допустить утечку информации было непозволительной роскошью.

Путем каверзных программных провокаций, всевозможных кибернетических ловушек, Марку Дану, в конце концов, удалось вычислить, откуда исходила опасность.

Подозрение пало на Велму.

Проверить это Дан, как всегда, предложил Дэниелу Пейджу. Ему он поручал задания во внешнем мире; внутри института с подобными заданиями вполне успешно справлялась вездесущая Чен, о существовании которой по-прежнему знали только два человека — сам Марк Дан, директор института, и его заместитель Сидней Смит.

Дэни Пейдж вскоре подтвердил худшие опасения Марка Дана. Его признанная любимица, которой позволялось присутствовать на светских раутах, ездить по городу с адмиралом, сделавшим, кстати, ей предложение; его, Марка Дана, гордость и слава ученого — уникальная модель киборга, — оказалась его врагом.

Совет директоров корпорации «Пинуилл» на спешном заседании единогласно вынес решение: уничтожить киборга-вредителя в виду невозможности изменения программы Велмы.

Пока Марк Дан был действительно бессилён в борьбе с этим вирусом системы экспериментальных моделей, в которые он вживил гены человеческого разума, и поэтому с пониманием отнесся к категорическому приказу Мастерса — директора корпорации.

Но уничтожить Велму оказалось непростым делом.

Во-первых, потому что, обладая ко всему же и интуицией, очевидно, она вдруг перестала появляться на работе в институте и вообще в стенах корпорации.

Во-вторых, когда роман киборга с адмиралом только начинался, но уже стал достоянием общественности, Мастерс сам провел переговоры с влюбленным моряком; в результате переговоров, охрана Велмы стала осуществляться и людьми контрразведки флота, наряду с телохранителями корпорации.

В-третьих, в интересах рекламы корпорации «Пинуилл», да и с целью утереть нос «Кобо-яши элек-

троник», все средства массовой информации постоянно подогревали интерес к Велме, наперебой рассказывая о каждом ее шаге.

Огромные суммы снимались со счетов корпорации на эти цели, и до сих пор совет директоров всячески потакал этой престижной для «Пинуилл» связи киборга и высокопоставленного чиновника Военно-Морских Сил.

Резко прекращать рекламную компанию было признано невозможным. Правда, после убийства Велмы появился бы повод обвинить в нем конкурентов из «Кобо-яши».

Но где гарантия того, что в результате убийства, шумиха, которую наверняка поднимут журналисты, не позволит «Кобо-яши» пронюхать о сверхсекретных экспериментах «Пинуилл»? Такой гарантии не было.

Велма должна бесследно исчезнуть — решил совет. Сначала — пропасть, быть похищенной, а потом — раствориться в ванне с серной кислотой.

Дэни Пейдж, как всегда, торговался.

— Сколько? — первым делом спросил он у Марка Дана, когда тот четко и ясно изложил ему условия необычного убийства.

— Сто тысяч долларов, — сразу же ответил Дан.

— Сто тысяч — это только за похищение, Марк, — покачал головой Пейдж. — И сто — за уничтожение.

— За уничтожение — пятьдесят, Дэни, и ни цента больше, — поморщился директор института, наперед

зная, что убийца не согласится на эту сумму. И оказался прав.

— Нет, Марк, это очень сложное задание, — настаивал Пейдж. — Сто тысяч — за похищение, сто тысяч — за уничтожение, и пятьдесят тысяч — за вредность.

— Какую еще вредность? Это обычное убийство, — удивился, или сделал вид, что удивился Марк.

— А кислота? — напомнил Пейдж. — Ты забыл про кислоту, Марк.

— Ну, хорошо. Двести двадцать — за всю операцию, и сделка заключена, согласен? — Дан выжидающе смотрел на Пейджа.

— Согласен, — наконец уступил Дэни.

— Ну так действуй. Я всегда на связи. Датчики направлены на тебя, — встал из-за стола Марк Дан.

Пейдж, весело насвистывая, вышел из кабинета Дана; мозг убийцы хладнокровно перебирал сценарии предстоящей операции по уничтожению киборга.

Операции, которая принесет ему океан несчастий.

Выяснить, где находится Велма, не представляло большой сложности для Дэни. Еще раньше, когда он по заданию Марка Дана следил за ней и адмиралом, он обзавелся приемопередатчиком военно-морских сил. Настроить его на личную частоту адмирала было плевым делом для лаборатории института; тем более, что особый отдел корпорации давно и успешно прослушивал переговоры всего министерства.

Скоро Пейдж уже точно знал, что Велма сейчас находится в гостинице штаба ВМС, а адмирал рядом с ней, в номере. Но через неделю он обязательно должен будет присутствовать на учениях в акватории порта Джексонвилла.

— Вот тогда-то мы и пропадем, — пропел Дэни, злорадно усмехнувшись.

И, сидя в своем автомобиле, припаркованном на стоянке у штаба, стал записывать самые свежие переговоры адмирала на его личной частоте передатчика.

Через день Дэни повезло.

— Отличное качество, — потирал руки Пейдж, еще раз прослушав запись.

«Дорогая, я жду в машине, спустись, пожалуйста», — передавал адмирал по связи в номер своей возлюбленной.

Вскоре, в сопровождении охраны, она вышла во двор; один из телохранителей открыл ей дверцу машины, и Велма впорхнула в салон. Машина тронулась, но Дэни оставался на месте: ему предстояло сделать еще одну запись голоса адмирала.

И это удалось Дэни Пейджу на следующий день.

«Ты свободен до четырнадцати ноль-ноль» — записал он приказ адмирала своему водителю.

Дэни видел, как тот, выйдя из машины, отправился обедать в кафе за углом.

— Достаточно, — решил убийца и поехал отсыпаться домой, дожидаясь дня вылета адмирала на учения.

Но, неожиданно для него самого, план Пейджа значительно упростился.

— Мы едем кататься вдвоем, — вдруг донеслось из эфира за день до отъезда адмирала.

Дэни ни на минуту не отключал свой уловитель.

— Охрану я отпустил, — продолжал слушать Пейдж разговор адмирала с водителем. — Ты довезешь нас до семнадцатого квадрата, а мы, чтобы не привлекать внимания, пересядем в другой автомобиль.

— Ха, — осенило Пейджа, — семнадцатый квадрат! На морском языке это значит, что скоро они будут совсем рядом с моим домом. Кажется, мне повезло!

Дэни очень обрадовался. Через час он уже ехал позади машины влюбленных, стараясь не привлекать их внимания.

— Любовь — романтика, — напевал он мелодию какой-то давней песни. — Знаем мы эти штучки.

Дэни замедлил скорость.

— Покатаемся, покатаемся и на берегу остановимся, поцелуемся, — знал все наперед Дэниел Пейдж.

Время отсчитывало последние минуты последнего свидания влюбленных.

Трагическая развязка приближалась.

Пейдж на скорости проехал мимо стоявшего на набережной автомобиля адмирала и, скрывшись за поворотом шоссе, затормозил.

Через парк прошел в том направлении, где находилась пара. Затаился, наблюдая за своей жертвой.

Темнело. Луна изредка выглядывала из-за быстро плывущих облаков. И тут же приталась за ними.

Влюбленные, держа друг друга за руки, что-то страстно говорили друг другу. Потом направились к автомобилю.

Марк Дан хорошо объяснил, где слабые места этого киборга.

Через секунду Дэни уже был за рулем. Взревел мотор и машина на бешеной скорости рванула прочь, в темноту.

Пейдж резко притормозил у оставленного им за поворотом автомобиля. Быстро втянул в него легкое тело киборга и, вернувшись к машине адмирала, что-то забросил в салон.

— Пятьдесят девять, пятьдесят восемь... — начал отсчет Дэни, снова усаживаясь за руль.

— Три, два, один, — продолжал считать вслух Пейдж, мчась к цели.

Он проехал уже с полмили, прежде чем раздался взрыв.

— Поддела сделано, — с удовольствием подумал Пейдж.

Не зная, как скоро адмиралу удастся поднять тревогу среди ночи, Дэни, сделав огромный круг, с противоположной стороны подъехал к городу. Вернее к месту, которое было известно одному ему, да еще, пожалуй, Марку Дану.

Емкость с соляной кислотой находилась в подвале заброшенного дома на окраине города.

Дэни отнес тело киборга и положил его рядом с ванной. Зажег фонарь и приготовился к заключительной части операции.

И все закончилось бы так, как и планировалось, не будь он чересчур любопытным садистом.

Когда ноги Велмы уже погрузились в ванну, Дэни вдруг осенило.

Прислонив туловище киборга к стене, одной рукой Пейдж стал медленно заталкивать в кислоту Велму; в другой руке он держал разрядник.

Ему захотелось увидеть реакцию красавицы-киборга на собственную смерть. Но Дэни Пейдж совершил одну маленькую ошибку.

Тяжелая вонючая жидкость дошла уже до шеи девушки, но правая рука ее, безвольно свесившаяся вдоль ванны, осталась сухой. Этого он и не заметил, когда ткнул разрядником в ухо Велмы.

Мгновения хватило киборгу, чтобы оценить ситуацию, увидев перед собой ухмыляющуюся физиономию Пейджа.

Единственной оставшейся рукой Велма, зачерпнув кислоты, плеснула ее в ненавистную рожу убийцы.

Жуткий крик Дэни Пейджа слышали, вероятно, в самых дальних кварталах окраины, и под эти вопли ядовитая смесь завершила свою мерзкую работу.

Дэни не помнил, как он выбежал из подвала, как бежал по ночному городу, как оказался, в конце концов, в лечебнице. Отныне он помнил только время, когда надо было ставить примочки на свое лицо, или делать очередную операцию по пересадке кожи.

Прекрасное лицо Велмы с горящими ненавистью глазами часто снилось Дэниелу Пейджу с тех пор. Но его, Дэни, глаза, чудом сохранившиеся, продолжали смотреть на этот мир все так же холодно и расчетливо.

— Хорошо, что хоть на лекарство себе заработал, — мрачно шутил он, выходя после очередной операции.

Прошло пять лет.

Никто не помнил уже о загадочном исчезновении уникального киборга корпорации «Пинуилл», забыли и о влюбленном в киборга адмирале.

Все реже вспоминали о Велме и директор института, поглощенный работой над своим новым, но самым главным проектом жизни.

Мастерс почти ежедневно интересовался работой лабораторий Марка Дана, обеспокоенный значительными успехами своих конкурентов из «Кобо-яши». Его особым вниманием пользовалась лаборатория Сиднея Смита; корпорация не жалела средств для экспериментов со «стеклянной тенью» — так называли жидкую взрывчатку, которую пытались внедрить в систему киборга.

Система-организм робота отторгал это вещество.

Долгих два года Сидней Смит бился над этой проблемой, провел десятки тысяч опытов.

И наконец добился своего. Отторжения не наблюдалось, благодаря удачно подобранной программе.

Но это была лишь одна половина задуманного

Марком Даном эксперимента. Пол шага до цели его жизни.

Взрывчатку, которую научились вводить в систему киборга, надо было заставить детонировать.

И снова тысячи и тысячи экспериментов в течение почти что трех лет.

И вот — долгожданная победа. Первые испытания дали отличные результаты.

Он погладил ее по животу и соединил свои губы с ее губами. Глядя ее бедра и целуя грудь, он медленно довел ее до неудержимого возбуждения. Он раздел ее, потому что она требовала, умоляла его, шептала его имя, стонала, пока он не проник в ее плоть, забившуюся в судорогах неистового желания.

Она отдавалась страсти, обнаженная и золотистая. Свет, падающий на нее, окружал ореолом ее светлые волосы и персиковое тело. Она улыбалась.

— О-о-о, о-о-о!

Ее голова откинулась вверх, тело изогнулось.

— А-х-х, а-х-х!

Ногти вонзались в его спину и шею, глаза то открывались, то закрывались, рот открывался, чтобы издать стон и глотнуть воздуха.

Ее ноги взлетели, как крылья птицы, руками она перебирала его волосы, изгибала тело умоляя его продолжать.

Когда она расслабилась, он двумя быстрыми движениями снова заставил ее стонать и рыдать.

— О... о... о... Еще! Еще Я хочу еще...

Марк Дан собрал у себя в зале совет директоров корпорации «Пинуилл». Он и она находились в изолированной комнате, а совет наблюдал за ними, сидя в зале. Шесть пар глаз, не отрываясь, смотрели на экран. Он занимал всю стену. Зрители могли видеть мельчайшие подробности, совершающегося на их глазах соития.

Дэвид Кливлинд сидел, подавшись вперед, руки крепко сжали край стола, глаза блестели, кончик языка то и дело пробегал по пересохшим губам. Калвин Кулидж быстрым движением расслабил галстук, на лбу проступили капельки пота. Все остальные тоже были захвачены происходящим на экране. Все ждали заключительного момента. Сейчас, вот, еще немного...

Операторы в соседней комнате, тоже наблюдающие за монитором, начали отсчет:

— Петля, боковая подвязка. Закрепить...

— Мы на уровне. Ровно в назначенное время...

Она готова.

— Одиннадцать секунд. Отсчет: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять...

Она снова размякла и целовала его ухо, когда он щекотал языком ее шею, плечи и отвердевшие соски, его правая рука ласкала бедра. Затем он снова заставил напрячься ее тело и просить его еще и еще. Он двигался быстро, создавая внутри ее тела такое дикое и блаженное тепло, что она неожиданно полностью расслабилась и затихла, вытянув тело.

Лицо ее исказилось, рот открывался, не произнося ни звука. Потом она издала счастливый крик, который... слился с оглушительным взрывом.

Зрители вздрогнули, пришли в замешательство, но всего лишь на несколько мгновений. Затем они зашумели, задвигали стульями, кто-то потянулся к минеральной.

Операторы окончили работу.

— А, черт... — выругался один, увидев залепленный останками экран монитора.

— Ну и ну... — протянул второй.

— Пожарная тревога. Пусть приведут людей и протрут окна, — отдал приказ старший.

— Вот киборги это и сделают, — проговорил наблюдатель.

Марк Дан, ожидая пока все окончательно успокоится, прохаживался взад и вперед по великолепному огромному залу, который украшали античные скульптуры. Затем он вернулся к столу, окинул всех присутствующих взглядом и начал речь:

— То, что вы сейчас видели, я имею в виду огромной силы взрыв, это сложный технический компонент, называется стеклянная тень. Вводится в систему киборга, снабжается миниатюрным взрывателем. Обнаружить практически невозможно.

Дан замолчал, всматриваясь в лица сидящих.

— Человеческая форма, совершенная модель контрразведчика. Наши конкуренты «Кобо-яши» пытались создать подобных киборгов, но только наш институт, представитель корпорации «Пинуилл» смог

преодолеть проблему отторжения организмом взрывчатки. Дрине мы ввели всего двадцать миллиграммов стеклянной тени. А следующий робот будет нести...

— Как ее зовут? — прервал Дана Мастерс, рассматривая возникшее на мониторе лицо девушки.

— Кассела Риз. Дрессировщики зовут ее Кеш. Лучше не бывает, — Дан удовлетворенно потирал руки.

— И что у нее? — деловито поинтересовался Элиот.

— Усложненная программа, созданная специально для нее. Она, можно сказать, человек. Любовь, ненависть, депрессия, тревога, гнев, сексуальность и, самое главное, страх.

— То есть, каждый раз, когда она начинает с кем-то трахаться, она взрывается? — поинтересовался Генри Джеймс.

— Эх, была б такая проблема у моей бывшей жены, — засмеялся Кулидж.

Дан взглянул на него, едва скрывая презрение, но голос его оставался спокойным:

— Мы продемонстрировали секс только потому, что это наиболее развлекательно. Вы видели потрясающие возможности «стеклянной тени». И если корпорация «Кобо-яши» развалится, «Пинуилл» будет монополистом в мире разработки программ.

И люди скажут: «Если бог не создал человека, то, наверняка, его создала корпорация «Пинуилл».

Марк Дан принял значительную позу и торжественно произнес:

— Планета будет принадлежать нам.

Дружными аплодисментами все выразили свое признание и восхищение. Дан повернулся к экрану:

— Кассела Риз, тебя ждет великое будущее.

Кольт Сорок Пять работал в корпорации «Пинуилл» уже два года. Он был инструктором по стрельбе и рукопашному бою.

Кольт Сорок Пять — это его кличка, настоящее его имя — Роджер Лоуренс, но он никогда не говорил его. Для всех он был Кольтом Сорок Пять.

Сначала он тренировал агентов отдела контрразведки, но потом его учениками стали киборги.

Впервые увидев Кеш, он не мог поверить, что она киборг. Заглянув в ее глубокие глаза, он почувствовал, как у него внутри поднялась волна нежности, до сих пор никогда не испытанной им. Но Кольт тут же постарался подавить это чувство, приложив все усилия, чтобы ничем не выдать его.

И все же между ними как будто протянулась ниточка, хотя они никогда не говорили об этом, но оба прекрасно это чувствовали.

Кольт учил Кеш стрелять и вести рукопашный бой. Она была способной ученицей.

Сейчас они снова вели учебный бой. Кольт учил Кеш нападать. Остальные ученики молча наблюдали за боем, стоя вокруг ковра.

Во время тренировок Кольт заставлял Кеш надевать щитки, предохраняющие от травм голени и предплечья.

— Левая рука опускается, Кеш, — сделал замечание Кольт.

— Ты так думаешь, тренер, — заносчиво и самоуверенно ответила Кеш, и тут же поплатилась за свою самоуверенность. Воспользовавшись допущенной ошибкой, Кольт опрокинул ее на пол. Но, протянув ей руку, чтобы помочь встать, сам совершил ошибку, потому что Кеш, крепко взявшись за нее, резко дернула его на себя, бросив его на пол за собой и одним движением оказалась на нем сверху.

Повинуясь программе, заложенной в ней и сейчас отдающей ей команду: «Убей человека. Убей человека. Убей человека», Кеш занесла руку для решающего удара, но здесь вступил в силу другой импульс, с помощью которого она могла анализировать ситуацию, у человека мы назвали бы его голосом сердца, и рука Кеш спокойно опустилась.

Все еще лежа на полу, Кольт отдал приказ:

— Занятия окончены, все свободны.

Ученики тут же пришли в движение и покинули зал. Кеш не отпускала Кольта, и все так же сидя на нем сверху одними губами задала вопрос:

— Где Дрина?

— Кто? — не понял Кольт.

— Дрина, моя соседка по комнате. Ее убили? Что здесь случилось?

— Не знаю.

Кеш отпустила Кольта и отправилась в раздевалку. У нее было напряженное расписание занятий, весь

день у нее был занят. Но она никогда не задумывалась, почему это так. Кеш считала, что все киборги проходят испытания такие же, как и она.

А Кольт отправился к себе, принял душ и растянулся на кровати. На сегодня он был свободен и мог расслабиться. Жил он здесь же, на территории института, очень редко выезжал в город. За два года работы в корпорации, он многое понял, и самым главным из его опыта было то, что здесь нужно быть всегда настороже, тогда у тебя будут шансы дожить до старости.

Размышляя над тем, что он услышал от Кеш, Кольт незаметно для себя уснул, иначе бы он увидел, как включился монитор у его постели и на нем возникло изображение губ. Одни губы, которые произнесли с нескрываемым восхищением:

— Не могу глаз от тебя оторвать.

Немного вздремнув, Кольт решил отправиться на разведку и попробовать узнать, кто такая Дрина и что с ней произошло.

Ожидая, когда придет лифт, Кольт стоял и напевал мелодию. Неожиданно открылся второй лифт и из него вышел Марк Дан. За ним в сопровождении двух охранников шла Кеш.

Дан невозмутимо прошел мимо встревоженного Кольта.

— А что тут происходит? — спросил Кольт Дана.

— Не твое дело, — не останавливаясь, бросил Дан через плечо.

— Что она сделала? — Кольт догнал Дана, заставляя его остановиться.

— Опять же не твое дело, — отчеканивая каждое слово, медленно ответил Дан.

— Подожди-ка... — Кольт протянул руку, чтобы взять Кеш. Охранник, подняв автомат, преградил дорогу и оттолкнул Кольта.

— Так... — протянул Дан. — Ты только со мною не заводись. Ты и так уже много чего нарушил. Боюсь, немного тебе осталось.

С этими словами Дан развернулся, и процессия двинулась дальше. Кольту тоже ничего не оставалось, как уйти ни с чем.

Дан решил провести операцию и внедрить в тело Кеш «стеклянную тень». Эта операция была несложной сейчас, когда были найдены компоненты, позволяющие вживлять в тело инородные организмы.

Оператор в операционной поинтересовался, надолго ли будет занята аппаратура.

— Пару часов. Ничего страшного не произойдет, — беспечно ответил Дан.

И действительно, меньше чем за два часа Дан управился с операцией. Кеш лежала в послеоперационной, подключенная к датчикам, еще находясь в бессознательном состоянии.

Вдруг раздался щелчок. Это включился сам собой монитор, появился говорящий рот и произнес:

— Прерываем подачу информации «Пинуилл» корпорации. Хватит синтетических снов.

Кеш открыла глаза и улыбнулась.

— Ты кое-что должна знать, если решишь уйти. Другие киборги пытались это сделать, но им это не удалось. Только однажды это смогла сделать одна девушка. Но ей нужен был защитник, телохранитель, человек, настоящий воитель. Герой. Если ты действительно хочешь сделать выбор, найди себе героя. Ты знаешь кого-нибудь из героев?

— Нет, — тихо ответила Кеш.

— Тогда я тебе кое-что предложу. Хорошо?

— Хорошо, — сказала Кеш, и закрыла глаза.

Тот, кто разговаривал с ней, посылал сигнал в глубину ее памяти, пытаясь разбудить воспоминания о далеком прошлом. Пережитое когда-то давно Касселой Риз было настолько сильным, что ей не понадобилось много времени на поиски прошлого в хранилище памяти. Картины всплывали в ее мозгу одна за одной, и она увидела человека, который, находясь среди разрушения и смерти не утратил способности ужасаться нелепости смерти, переживать, плакать. Кассела улыбалась. Этот герой ее прошлого Рой Гиббсон был великолепен.

Вскоре пришел оператор, отсоединил Кеш от датчиков, и она пошла к себе.

Кольт волновался за Кеш. Ему ничего не удалось узнать о Дрине, никто из его знакомых не знал, кто она такая и что с ней произошло. А спрашивать в канцелярии было бы в высшей степени неразумно. Тогда он сам мог исчезнуть так же бесследно, как Дрина.

Сейчас он все время пытался находиться недалеко

от операционной и его усилия были вознаграждены. Он увидел Кеш невредимой.

— Они причинили тебе боль? — спросил он, взяв ее за руку.

— Может быть, — ответила Кеш неопределенно, и в этот момент он почувствовал, как Кеш что-то вложила в его руку.

Стоять долго и разговаривать с киборгом было опасно, это могло вызвать подозрение у агентов, которых в институте было полно, поэтому Кеш быстро попрощалась и ушла.

Кольт решил пойти в свою комнату, чтобы спокойно рассмотреть то, что вложила Кеш ему в ладонь. Это был спичечный коробок. Пока он положил его в карман, не позволяя себе сейчас же открыть его, ради собственной безопасности и безопасности Кеш.

Кольт шел по длинному коридору института. Вокруг была обычная жизнь: охранники сопровождали киборгов на занятия, в операционную, из одного отдела в другой. То и дело открывались двери кабинетов и по коридору сновал обслуживающий персонал. Вдруг его остановил чей-то голос:

— Тебе правила известны: никакого панибратства с киборгами.

Кольт замер на месте. Осмотрелся по сторонам, пытаясь определить, кто это говорит и кому. Рядом была открытая дверь. Он заглянул в нее: и увидел включенный монитор с изображением рта.

— Что происходит? — спросил Кольт, ничего не понимая.

— Да-да, я к тебе, — серьезно проговорил рот.

Кольт огляделся по сторонам, подозревая какой-нибудь подвох.

— Вы довольны, Кольт Сорок Пять? — продолжал разговор видеорот.

— Это что, розыгрыш? — недоумевал Кольт.

— Наверное, нет, — ответил рот.

— Так кто ты такой?

— Я — слово Бога всемогущего. Удовлетворен? — ушел от ответа говорящий.

— Не-а.

— Так, — протянул незнакомец, — а кое-кто доволен. Ну, что она тебе дала? Записку?

Кольт внутренне напрягся, но постарался ответить как можно спокойнее и небрежно:

— Да нет. Коробок спичек.

— А-а... Пламень любви, — усмехнулся рот.

— Мне про тебя никто не рассказывал, — сказал Кольт.

— А я стараюсь не высовываться, — парировал собеседник.

— Так кто ты такой? — допытывался Кольт.

— Я — Бог-спаситель, Кольт. Твой царь, — опять отговорился рот. Потом вдруг заспешил:

— Ну, ладно, надо бежать, а то засекут они меня. И до скорого. Встретимся, Кольт, в самых обычных местах, в самых знакомых тебе местах.

— Бог ты мой, — только и проговорил Кольт, который так ничего и не понял.

Он быстро вышел из комнаты и скоро был уже у себя. Поставив сумку на стол, Кольт достал спичечный коробок, который дала ему Кеш. Высыпав содержимое коробка себе на ладонь, Кольт увидел свернутую трубочкой записку. Развернув ее, он прочитал:

— Лаборатория N 9, 17.00.

Внезапно раздался щелчок, и из переговаривающего устройства раздался голос незнакомца:

— Информация.

— По поводу? — спросил Кольт.

— Устав компании «Пинуилл».

— Категория?

— Панибратское общение с киборгами, — ответил голос.

— Поточнее.

— Обычное общение — немедленное исключение плюс штраф, плюс плата за репрограммирование, возмещение убытков. Если с киборгом что-нибудь случилось, то за это следует заключение в одиночку до самой смерти. Продолжать?

— Нет, воздержись.

— Разговор стереть, — голос отдал команду и исчез.

Кольт немного поразмышлял над тем, что случилось с ним за это короткое время, потом решил просто ждать 17.00 и лег на кровать. Незаметно для себя он уснул.

Ровно в полпятого манипулятор над кроватью Кольта выдвинулся и дотронулся до его плеча. Кольт открыл глаза.

— Хорошо выспался? — спросил уже знакомый голос из монитора.

— Как всегда, без сновидений, — ответил он, протирая глаза.

— Да, да, это так всегда в молодости. Но я думаю, у тебя есть задание.

Инструктор наморщил лоб:

— То есть?

— Рандеву. Девятая лаборатория, ровно в пять.

— А, черт, совсем забыл, — сказал Кольт, вскакивая с постели.

— Так кто ты такой? — спросил он, переодевая рубашку и приглаживая волосы.

— Я паскудная мысль, которая материализовалась и бродит здесь, — отвечал видеорот, надувая пузырь из жевательной резинки.

Инструктор очень спешил, потому что девятая лаборатория находилась в том отдаленном и заброшенном крыле здания, где когда-то Дан обнаружил Кеш. Стараясь быть незамеченным, Кольт шел прижимаясь к стене, но довольно быстро.

Еще один поворот, и инструктор оказался перед дверью с табличкой «Лаборатория N 9». Осторожно толкнув дверь, Кольт вошел внутрь. Эта лаборатория напоминала лавку старьевщика. Здесь были собраны самые разные вещи, назначение которых было теперь

не совсем понятным, и все это было покрыто толстым слоем пыли.

Осмотревшись, инструктор не увидел Кеш. Она еще не пришла, поэтому он стал рассматривать стоявшие на столах предметы. Первое, что бросилось ему в глаза, это круглый стеклянный сосуд, похожий на аквариум. В нем шевелилось что-то светящееся, красное. Чтобы получше рассмотреть, Кольт наклонился, и в это время это что-то метнулось к стенке и сделало хватательное движение. Кольт, испугавшись, резко отшатнулся. Где-то со стороны раздался тихий смех. Обернувшись, инструктор увидел Кеш.

Кольт не слышал, как она вошла сюда, но был очень рад, что она появилась. Место было не очень приятное. На полках лежали макеты, изображающие руки и ноги в разрезе, обнажая структуру мышц, в одном углу стоял огромный скелет.

Кеш обняла Кольта, взяла его за руку и сказала: — Пойдем, я тебе еще кое-что покажу.

Они подошли к стеклянному сосуду, внутри которого росли красные яркие розы.

— Ты посмотри, какие они красивые, — сказала Кеш.

— Да, — ответил он. — Интересно, они настоящие или нет.

Кольт повернулся к Кеш и потянулся к ее губам. Она ловко уклонилась от него.

— Идем, я тебе еще покажу что-то. — Она, наверное, пришла сюда немного раньше, чем Кольт и успела осмотреть эту комнату.

Кеш подвела его к летке, в которой резвилась маленькая обезьянка. Она строила смешные рожицы, перескакивала с места на место, почесывалась и подпрыгивала. Кеш и Кольт громко смеялись.

— Да это киборг, — отсмеявшись, сказал инструктор.

Раздался характерный щелчок и монитор, стоящий в лаборатории заговорил знакомым голосом.

— Что обезьяна видит, то и делает, — засмеялся и видеорот.

— Слушай, — воскликнул инструктор, — ну ты и вертишься! А какая у тебя система?

— Это секрет, — ответило изображение. — Я могу сказать, что я могу связаться в рамках корпорации «Пинуилл» с кем угодно и когда угодно.

Инструктор недоверчиво хмыкнул.

— Ну, у меня тут есть несколько агентов, и я могу испортить чью угодно операцию? Да, Кеш? — обратился неизвестный к девушке.

— Ты его знаешь? — спросил удивленно Кольт. Кеш утвердительно покачала головой:

— Он иногда разговаривает со мной по ночам. На лице Кеш блуждала счастливая улыбка.

Вдруг, как гром среди ясного дня, раздался громкий звук хлопнувшей двери. Молодые люди обернулись на звук.

— Что это? — разом воскликнули они.

— Так, ситуация усложняется, — прокомментировал голос.

— Ну, давай, давай, я за вами присмотрю, —

ободряюще сказал неизвестный, и на экране вместо рта появился глаз.

Инструктор, держа Кеш за руку, осторожно приблизился к двери, тихонько приоткрыл ее и они вошли в помещение.

Это была комната с очень низкой температурой, где на полках лежали части тела киборгов — туловища, руки, ноги. Девушка не чувствовала холода, но инструктор дыханием стал согревать свои руки.

— Дрина! — воскликнул Кеш, увидев тело своей соседки по комнате, лежащее на полке, все изуродованное и искореженное.

— Дрина, это ты?! — в ужасе промолвила Кеш, всматриваясь в израненное лицо подруги.

Дрина взмахнула уцелевшей рукой, задерживая Кеш. Она повернула к ней голову и заговорила:

— Знаешь что?

— Что, — со слезами в голосе прошептала Кеш.

— Вот что со мной сделали, Кеш, — хриплым голосом сказала Дрина.

— Зачем?

— А они со мной об этом не говорили. Они меня починят. Они уже все сделали, — она громко истерично засмеялась.

— Пока, Кеш, ты будешь следующей, — захлебывалась уцелевшая часть Дрины.

Кольт вздрогнул, услышав эти слова.

— Следующая? — переспросил он. — Куда?

Но Дрина уже больше ничего не говорила и даже не смеялась, она беззвучно лежала на полке.

— «Стеклянная тень» — вновь раздался голос с монитора в комнате.

Кольт протер экран рукавом, так как он был покрыт тонким слоем льда.

— Что это такое? — спросил он у изображения.

— Жидкая взрывчатка, — был ответ. — Весьма эффективная. Вводится в организм. Сейчас она у тебя в теле, Кеш.

Когда Кеш поняла смысл сказанного, она была просто ошеломлена.

— Почему, почему у меня? — горестно воскликнула она.

— Корпоративные цели разведки. Ты была создана, чтобы тебя уничтожили.

— Где я погибну?

— Через два дня в Осаке. Ты будешь там в корпорации «Кобо яши» в качестве американского посла. И потом ты взорвешься, и ликвидируешь все руководство, все начальство компании «Кобо яши».

— И что? — не понял Кольт.

— Кризис. Акции «Кобо яши» полетят вниз и появится возможность захвата ее славными соперниками...

— «Пинуилл» — окончил Кольт.

— Да, это отличный бизнес. — проговорил видеорот, потом преобразился в видеоглаз, рассматривая потрясенную Кеш и помрачневшего Кольта.

— Сейчас вам нужно сделать выбор, — снова заговорил незнакомец. — На все про все у вас пять секунд.

— Пять секунд? — переспросила Кеш. Оба вдруг пришли в замешательство.

— Четыре, три, два, один, — считал голос. — Бабах!

После небольшой паузы видеорот сделал заявление:

— Только что было сообщено, что тебя украли, Кеш. И угадай, кто вор?

Обалдевшие молодые люди тупо уставились на экран.

— Ты, красавчик, — торжествующе проговорил он.

— Что теперь будем делать?! — растерянно оглядываясь по сторонам и как бы ища поддержки, спросил инструктор.

— Бегите со всех ног, — посоветовал неизвестный.

И тут Кеш и Кольт опрометью выбежали из лаборатории, как будто до них только сейчас дошел смысл всего, что они услышали здесь. По всему институту раздавался сигнал тревоги, эхом прокатываясь по коридорам. Все военизированные подразделения охраны были подняты на ноги.

Их засекли почти сразу же. Вооруженные солдаты бежали за ними по пятам. На стенах тревожным красным огнем мигали сигнальные лампочки.

Услышав сигнал тревоги, из своего укрытия вышла Чен. Она сразу же поняла, в чем дело, как только увидела убегающих. Чен могла бы их задерживать, но она решила пока не вмешиваться в это

дело. А что если киборг, такой киборг как эта Кеш, станет свободным?

— Ты знаешь, куда мы бежим? — на ходу спросила Кеш у инструктора.

— Я думаю, на шестой уровень, — отвечал он.

Не успели они пробежать и ста метров, как их остановил и заставил прижаться к стене шквал огня из автоматического оружия.

— Не стрелять, ни в коем случае не повредить киборга, — раздалась команда по радиоузлу. Охрана прекратила огонь, улавливая смысл сказанного.

— Понятно, про человека ничего сказано не было, — переговаривались между собой солдаты, остановив на время преследование.

Кеш и Кольт тоже слышали приказ. Они все еще стояли, вжавшись в стену.

— Жди меня, я в безопасности, — сказала Кеш и вышла навстречу преследователям. Солдаты молча ждали, когда она подойдет. Кеш подпрыгнув, сделала сальто, и в три прыжка настигла охранников. Выпрямившись, она сбила ногами двоих, третий получил сильный удар в область солнечного сплетения. Он упал, как подкошенный, и, судя, по всему, поднимется не скоро. Однако для двух других удары были не слишком сильными. Они поднялись и двинулись на Кеш. В мгновение ока Кеш выбросила вперед ногу, и еще один, отлетев на несколько метров, сполз по стене на пол. Девушка пропустила сильный удар в плечо, потеряв равновесие; она отступила назад и тут же пошла в наступление.

Кольт с восхищением наблюдал за боем отважной ученицы, забыв об опасности. Отвлёкся от зрелища он только тогда, когда почувствовал на своем виске стальной холод пистолета. Мгновенно оценив ситуацию, он почти незаметным движением руки нанес смертельный удар. Охранник упал на пол, возле его головы расплзлась лужица крови.

Кеш расправилась с последним врагом, уложив его ударом пятки в челюсть. Подобрав оружие, она побежала к Кольту. И снова они мчались по лабиринтам института навстречу спасению. Преследователи почти настигли их. Пришлось остановиться и отстреливаться.

Нужно было прорваться в город. Долой из центра, на свободу.

— Быстрее сюда, — крикнул инструктор, — вот дверь.

Кольт хотел вызвать лифт, но они оказались заблокированными. В ярости он стукнул по коробке и тут же взвыл от боли. Кеш отодвинула его и грациозным движением разнесла коробку. Двери лифта распахнулись. Они вбежали внутрь, нажали на кнопку. Кабина дернулась и сразу же остановилась. Они оказались в западне.

Кольт заметался по кабине, пытаясь найти выход из положения. Кеш спокойно стояла прислонившись к стене. Метр за метром изучала она стены лифта. Кеш была сверхчувствительным роботом. Ее глаза обладали сверхреагирующими и проникающими сигналами, и в мозг сразу же поступала информация о

свойствах и структуре предмета, на который она смотрела.

Упершись руками в стену кабины, Кеш подпрыгнула и ногами пробила потолок. Там был люк.

— Что это? Как это делается? — воскликнул Кольт.

— Я чувствую, что за стеной, — ответила Кеш, — в этом я преуспела лучше, чем люди.

Кольт подтянулся и попытался вылезти наружу, но на него обрушился град пуль. По канату к ним спускались солдаты.

— К сожалению, — сказала Кеш сокрушенно, — в этот раз мои предчувствия меня подвели, оказались неверными.

Одна из пуль задела Кольта. Царапина возле уха была безопасной, но сильно кровоточила: кровь струйкой сбегала за воротник. Морщась от боли, Кольт ладонью стирал кровь.

Кеш с интересом рассматривала эту яркую красную жидкость, потом обмакнула палец и попробовала на вкус.

— Неплохо, правда, несколько сладковато, — сказала она.

— Очень смешно, — укоризненно сказал Кольт. — Изучи лучше этот сектор. Узнай его схему. Надо отсюда отрываться.

Через несколько секунд Кеш ответила:

— Под полом еще один люк.

Стрельба сверху не прекращалась. Прижимаясь к стене, Кольт руками стал ломать пол, чтобы добрать-

ся до люка. В спешке он чуть не свалился вниз, Кеш едва успела схватить его за руку и оттащить в безопасное место.

Кеш решила спуститься вниз первой. Ногами она подтянула трос, и съехала вниз на несколько метров. Осмотревшись, она заметила вентиляционное окно и тут же приняла решение.

— Помоги мне, — крикнула она Кольту, — раскачай меня посильнее.

Кольт, ухватившись за канат, стал раскачивать из стороны в сторону, висящую над бездонной шахтой девушку.

Изловчившись, Кеш сильным ударом выбила решетку, зацепилась ногами за раму, села и крикнула вверх:

— Спускайся, я держу.

Мгновение, и Кольт был рядом с ней. Они попали в шахту, по которой из здания выбрасывались в специальных бачках отходы. Дышать этим воздухом было крайне неприятно.

— Какая вонь! — воскликнул Кольт.

— Да, я думала, что ты все-таки почувствуешь, — усмехнулась Кеш.

Даже и не подозревая об этом, беглецы получили передышку. Черноволосая Чен решила вмешаться. Она вышла в шахту из бокового люка и как в тире сбивала спускающихся охранников, лишь только они показывались из отверстия, сделанного Кольтом. С дикими воплями, ударяясь о стены, они падали вниз.

— Что будем делать дальше? — спросила Кеш, когда Кольт немного отдышался.

— Подожди, надо подумать.

Несколько мучительно долгих минут, они сидели молча, лихорадочно соображая; как выйти из этого положения.

— А вот нам и попутная машина, — сказала Кеш, взяв бочонок в руки.

— В контейнере для мусора, — усомнился Кольт.

— Логика подсказывает мне, что другого выхода нет, — спокойно ответила девушка. Она оторвала изоляцию с окошка, через которое они сюда попали и стала привязывать себя к бочонку.

— Ну что ж, посмотрим, — вздохнул инструктор.

Привязав себя к бочонку они «катапультировались» через мусоропроводную шахту из помещения на улицу. Бочонок с грохотом отлетел в сторону, Кеш, перевернувшись через голову, очень быстро оказалась на ногах. Кольт лежал на земле, потирая ушибленные места.

— Ну как, ты не сильно ушибся? — подошла к нему Кеш.

— Как будто грузовик по мне проехал, — ответил Кольт, поднимаясь.

— Все, бежим, — сказал Кольт, отвязав веревку.

Взобравшись на бочки, беглецы перемахнули через турникет, пересекли длинный, узкий двор и подбежали к ограде. Еще одно усилие, разбег, толчок, прыжок, и они оказались за пределами территории корпорации.

— Надо курить бросать, — проговорил Кольт, задыхаясь от быстрого бега.

Кеш тут же принялась осматривать все вокруг, беспокойно оглядываясь, переходя от одного места к другому.

— В чем дело? — поинтересовался Кольт, но Кеш, не отвечая, продолжала поиски.

Наконец она нашла то, что искала. В небольшом переулке стоял чей-то автомобиль, открыв дверь, Кеш сразу же включила телевизор. Кольт подошел к ней. На экране ничего не было.

— Ты город знаешь? — спросила его девушка.

— Немного знаю, — ответил инструктор, — Иногда выезжал, был в городе.

— Неплохо для первого побега, — наконец, появилось изображение на экране.

— Как ты это делаешь? — с удивлением произнес Кольт.

— Колдовством, — отвечали губы. — Теперь я должен помочь вам исчезнуть. Но этот автомобиль неисправен.

— Только давай побыстрее помогай, — попросил инструктор. — Я теперь преступник. Я робота украл.

— Кольт, Кольт, — сдавленным голосом позвала Кеш.

— Что, — откликнулся он, не глядя на нее. Но Кеш не могла произнести ни слова. Ее лицо исказила гримаса боли, тело сотрясла крупная дрожь.

— Кольт... — еле-еле смогла выговорить Кеш.

— Ну что? В чем дело? — недоумевая Кольт,

наконец, обернулся к Кеш и тут же замер от неожиданности.

— Устройство активизировано, — с огромным усилием выкрикнула Кеш.

— Что, что происходит? — все еще не понимал Кольт, а девушке становилось все хуже и хуже. Она с трудом держалась на ногах. Кольт подхватил ее и крепко обнял.

— Этого я и боялся, — проговорил видеорот.

— Чего ты боялся! — закричал в панике инструктор. — Ну, ну давай быстрее! Отвечай, губастый!

— Детонатор активирован. Если она через минуту не отойдет, она взорвется, — объяснил неизвестный. — Они не хотят, чтобы кто-нибудь узнал о стеклянной тени.

Кольт обнимал Кеш, гладил ее голову, спину, успокаивал.

— Кеш, сейчас механизм отключится, ты придешь в себя, — обратился к ней их помощник. — Время есть.

— Сколько? — спросил Кольт.

— Где-то около девяти часов.

Кеш продолжала содрогаться в дикой лихорадке. Кольт крепко прижимал ее к себе, гладил и целовал. Вскоре он почувствовал, что напряжение ее тела ослабевает.

— Все, все, все, — приговаривал он, — ты в безопасности.

Приступ окончился.

— Помните, — предупредил их незнакомец, — вы

издаете сигнал. До тех пор, пока детонатор не будет обезврежен, вы в опасности.

Кеш стояла, обхватив голову двумя руками. Страдание было написано на ее лице.

— Вам нужно найти колеса, — продолжал видео-советчик.

— Нет проблем, — отвечал Кольт, нежно поглаживая волосы девушки, — никаких проблем, я поведу.

— Поезжайте на 18, Берроу-стрит, ждите человека, его зовут Козырная Карта. Если его не будет, отправляйтесь в южный сектор. Там я вас найду.

— А ты кто? — спросил Кольт.

— А, чуть было не забыл, — ответил он, — мое имя — Милосердный.

По коридорам института, теребя в руках очки, быстро шел Марк Дан. Он был не в духе и сильно нервничал. Только что он разговаривал с Мастерсом и скоро в институт должны были приехать члены совета для экстренного совещания. Дело не шуточное, все планы и расчеты Марка рушились. Первое замешательство уже прошло, и Дан приступил к действию. Сейчас он шел к Чен.

Лифт доставил его на последний уровень. Еще один коридор, поворот, и он на месте.

— Чен, я готов, я жду, — прокричал он, постучав в дверь.

Дверь распахнулась, и Чен пригласила его войти.

— Ты остался в дураках, — посмеиваясь, сказала

она, — ты прошляпил принцессу, твоя кукла вырвалась из башни.

— Проблема не в ней, — спокойно ответил ей Дан, — проблема в этом человеке. Кольт Сорок Пять — вот проблема.

— Какие наши планы? — спросила Чен.

— Заткнись и слушай, — грубо оборвал он ее. — Когда ты ее поймашь, нужно отключить детонатор и поставить простой датчик. Он будет абсолютно незаметен. Кольта нужно убить.

— А «Пинуилл»? — поинтересовалась Чен. — Они захотят ее вернуть.

Дан усмехнулся и ответил:

— Не беспокойся о них. Когда придет время, я уничтожу и ее и «Пинуилл».

— И «Кобо яши», — подсказала Чен.

— Да, — серьезно ответил Дан.

— Напомни мне, — сказала она насмешливо, — никогда тебя не злить.

— А кто тебе сказал, что ты уже меня не разозлила?

С этими словами Дан вышел из комнаты и поспешил в зал заседаний, где его уже должны были ждать члены совета.

Все были в сборе и крайне встревожены случившимся. Они уже видели себя повелителями мира, и вдруг... такое!

Марк Дан обвел присутствующих взглядом и начал:

— Мы не можем послать службу безопасности. «Пинуилл». Это просто невозможно.

— Почему? — Голос Эдгара Мастера был металлическим.

— Наши системы слежения, — спокойно стал разъяснять Дан, — встревожат разных дикарей и «независимых». И они ее просто разберут на запчасти. Эта дешевая распродажа не должна состояться. Понимаете, наш шанс ее поймать уменьшается постоянно на один процент в час.

— Почему? — задал вопрос Кулиндж.

— Ее женские инстинкты возобладали над инстинктом самосохранения. Она скорее погибнет, чем вернется.

Дан встал со стула и принялся расхаживать взад-вперед перед столом.

— Все правильно. Это называется сложными научными терминами, но она первый киборг, который убежал по человеческим причинам. Или побег — или ничего.

— А ее инструктор рукопашного боя — агент? — спросил Харт Крейн.

— Вполне возможно, — подхватил идею Дан, — вполне возможно, что он агент «Кобо яши».

— Какой расклад! — воскликнул Генри Джеймс.

— Стоп, — сказал Томас Элиот, — вы проводили обучение киборга. Если ее захватят и изучат, весь проект «стеклянная тень» погиб!

— И нашей корпорации конец, — окончил Мастерс.

— Обычные системы поиска не действуют в нашем сценарии, — проводил Дан свою линию. — Дорогие мои, у нее был сообщник в корпорации. Нужно нанять человека, у которого есть опыт работы с киборгами. Независимого. Того, кто уничтожил модель-7 пять лет назад.

— Ага, чтобы найти психопата, нужен другой психопат, — резюмировал Калвин Кулидж.

— Вы что, хотите... — начал было Мастерс.

— Да-да, — прервал его Дан, — именно этого я и хочу! Дэниел Пейдж.

Когда раздался телефонный звонок Дэни сидел возле зеркала и ставил примочки на лицо. Сейчас это было постоянным его занятием. Подружка, с которой он коротал досуг, плескалась в ванной.

— Привет, Дэни! Марк Дан, корпорация «Пинуилл».

— Ну-ну. Давненько не виделись, — лениво ответил Пейдж. — Чем могу помочь вам?

— Ты все еще работаешь?

— Если ты так вежливо спрашиваешь, убиваю ли я людей до сих пор и зарабатываю ли этим себе на жизнь, то да, да, сэр, я человек, который убивает кого угодно, — витиевато ответил Пейдж.

— Ты не работал после случая с Велмой?

— Да, да сэр. Временная отставка. — Дэни снова заглянул в зеркало, поглаживая кожу на лице.

— На пять лет — временно? — усомнился Дан.

— Ну, теперь у меня все в порядке, — заверил

его Пейдж. — Дороговато, правда, но мне это по карману.

— Тут чрезвычайная ситуация, — приступил к делу Марк Дан, — Нужны твои услуги.

— Сколько? — сразу посерьезнев, спросил Пейдж.

— Триста пятьдесят тысяч за девять часов работы, плюс 10%, если товар поступит неповрежденным.

— Тридцать.

— Очень смешно! — умерил его жадность Дан.

— Ну ладно, Дан, двадцать пять, — отступил Пейдж. — Пластическая хирургия столько сегодня стоит!

— Согласен, — после короткого раздумья, сказал Дэн. — Теперь слушай. Пи Эр-7, киборг, модель «контрразведка».

— А кто с ней?

— Инструктор рукопашного боя и стрельбы.

— Черт его знает, — заюлил Пейдж, — нервное занятие, тем более экспериментальная модель. Какая?

— Это секретная информация, — потерял терпение Дан, — Пейдж, ты будешь работать или нет?

Дэни задумчиво бродил по комнате, потом подошел к своей подружке. Да, она тоже стояла денег. Снова, в который раз посмотрелся в зеркало. Да, все очень дорого.

Дан ждал ответа.

— Учитывая сегодняшнюю обстановку, — наконец заговорил Пейдж, — я согласен.

— Мы можем перевести датчики прямо на тебя. Сейчас.

— Давайте.

Дан положил трубку. Итак, охота началась. Остается только ждать результатов. Ну что ж, нужно иметь терпение.

Кольт и Кеш отправились за машиной. Кольт оставил ее недалеко от института, в нескольких кварталах. Обычно он парковал ее просто на улице, потому что была она изрядно потрепанной и непрестижной, и Кольт справедливо полагал, что такая машина вряд ли кому-нибудь понадобится.

Но сейчас он сильно волновался и всякие непрощенные мысли лезли ему в голову. А вдруг нашелся какой-нибудь псих, который баловства ради решил покататься на его машине, и их положение резко ухудшилось бы. Шансы на то, что их не поймают до завтрашнего утра, резко упадут.

Опасения оказались напрасными, машина стояла на месте, целая и невредимая. Кольт, приблизительно, знал район, где находился дом N 18 по Берроустрит. Машина медленно ехала по безлюдным мрачным кварталам. Этот район был опасен, здесь жили те, кто не мог себе позволить купить собственный дом, и даже сыты эти люди бывали не каждый день. Нравы обитателей этого района были круты.

А вот и нужный дом. Кольт проехал немного вперед и остановился.

— По-моему, лучше мне пойти одной, — сказала

Кеш. — Ведь ищут пару, а не меня одну. Если через тридцать минут меня не будет...

Кольт покачал головой и перебил ее:

— Я буду ждать тебя вон в том проулочке на той стороне.

— Веди себя как следует, — Кеш поцеловала его и выскользнула из машины.

Кругом валялся мусор, кое-где горели костры. Кеш подобрала чью-то рубашку, лежавшую без присмотра на каком-то подобии стула и постучала в дверь.

Через минуту дверь отворилась и на нее уставился здоровенный детина, держа в руках пистолет.

— Я ищу Козырную Карту, — сказала Кеш, внимательно глядя на детину.

— Тогда иди за мной, — он открыл дверь пошире, и Кеш вошла в помещение. Это место оказалось притоном для проституток, наркоманов, воров и убийц. Полуобнаженные тела лежали прямо на полу, одни удовлетворяли свои страсти, другие находились в сладких грезах наркотического сна.

Кеш осторожно обходила людей, смеющихся, сквернословящих, завывающих. Она смотрела на них с состраданием и непониманием. Человек привел ее на кухню.

— Подожди здесь, — бросил он Кеш и куда-то ушел.

Она остановилась среди кухни, не зная, что предпринять. Заведение, видимо, принадлежало ки-

тайцам, потому что повариха и ее помощник говорили по-китайски.

Думая, что Кеш ничего не поймет из разговора, повариха громко сказала:

— Наверное, еще одну привели для работы к госпоже Ли.

— Да, — ответил китаец, — много их, готовых за жалкие гроши сложить свою голову.

Кеш стало ясно, что Козырную Карту здесь она не найдет. Нужно отсюда выбираться, и она осторожно поднялась по лестнице, не дожидаясь своего провожатого.

На втором этаже она увидела китайку в яркой одежде, она сидела за столом, в комнате пахло благовониями.

— Ты пришла погадать? — задала она вопрос по-китайски, и удивилась, что Кеш ее поняла.

— Где ты научилась говорить по-китайски? — резко спросила она.

Кеш села за стол и протянула ей руку.

— Меня учили, — коротко сказала девушка.

— Учили? — быстро переспросила гадалка. —

Чему?

Кеш молча смотрела на нее.

Гадалка провела рукой по ладони Кеш.

— Что ты хочешь знать?

Подумав, Кеш ответила:

— Сколько у меня времени еще осталось?

Гадалка разглаживала ладонь девушки, потом

взяла маленькое перышко и стала водить им по ладони.

— У тебя есть друг, да? — вместо ответа спросила она.

— Да, — ответила Кеш, — он ждет меня.

Гадалка закрыла глаза, неожиданно задрожала всем телом:

— Я чувствую мощный заряд. Откуда у тебя такая энергия?

Гадалка открыла глаза, отложила перо, заглянула в глаза Кеш и снова спросила:

— Тебе нужны деньги?

— Деньги? — Кеш пришла в замешательство.

— У меня есть для тебя работенка, — сжав руку Кеш, гадалка наклонилась к ней. — Хорошая работа для девушки-киборга. Огромные деньги.

Кеш выдернула руку и поднялась на ноги. И сделала это очень кстати, потому что из-за занавески вышла еще одна китаянка, размахивая коротким мечом.

Китаянка сделала выпад, задев мечом плечо Кеш. Кеш ответила сильным ударом в солнечное сплетение. Следующий удар отбросил противницу далеко назад, прямо в сияющую огнями разноцветную мозаику. Электрический разряд довершил дело, начатое Кеш. Китаянка больше не поднялась. На лестнице ее ждал верзила, приведший сюда, с пистолетом в руке. Выстрелить он не успел. Резкий удар в висок перебросил его через перила.

Выйдя из здания благополучно, Кеш отправилась к Кольту.

Кольт проехал вперед и загнал машину в небольшой переулок, заканчивающийся тупиком. Устроившись поудобнее, Кольт незаметно для себя уснул.

Он не знал, много ли прошло времени, когда вдруг стекло в дверце машины разлетелось мелкими осколками. Кольт вздрогнул и открыл глаза.

— Ку-ку. — Услышал он голос. Встревоженно оглядываясь по сторонам, услышал снова:

— Здесь, здесь, — голос раздавался из радиоприемника. — Это теперь тебя больше никогда не скроет.

Кольт взял сигарету и чиркнул зажигалкой.

— Да, нервничаешь ты, нервничаешь, — поддел его Милосердный.

— Возможно, — разозлился Кольт. — Дальше что.

— Я буду ждать тебя вместе с Кеш.

— Как я тебя найду?

— Я пошлю за тобой, — сказал Милосердный, — а теперь слушай еще. За вами по следу идут двое: киборг — за тобой, и человек — за Кеш. Им хорошо платят. К тому же он псих, а я никогда не пытаюсь стать поперек дороги психопату.

— У меня есть какие-нибудь шансы? — спросил Кольт.

— Знаешь, я удивлен, что ты до сих пор жив. — С этими словами Милосердный отключился.

— Какой милый человек, — пробормотал Кольт,

выходя из машины. Ждать без действия он больше не мог и решил сходить и поискать Кеш. Быть может, она нуждалась в помощи.

Он прошел совсем немного, когда услышал голос:
— Эй, приятель, огоньку не найдется?

Невдалеке, прислонившись к стене, стоял человек в темном плаще и низко надвинутой на глаза шляпе. Кольт беспечно подошел к нему, протянул зажигалку, и в этот момент незнакомец, вывернув ему руку, прижал лицом к стене, и Кольт почувствовал, как что-то холодное уперлось ему в затылок.

— Это крупнокалиберный револьвер, — сказал незнакомец. — Продырявит что угодно.

Это был Дэниел Пейдж. Как только Дан переключил датчик на него, отыскать беглецов стало делом техники. Но он рассчитывал найти не одного Кольта, а вместе с Кеш.

— В чем дело? — спросил Кольт.

Вместо ответа Пейдж протянул ему наручники:

— Сам на себя наденешь.

Кольт повиновался, ощущая затылком дуло пистолета.

— Твоя девчонка, она где? — небрежно спросил Дэни.

— В здании исчезла.

Едва Кольт проговорил эти слова, как тут же получил сильный удар в затылок. Ударившись лбом о кирпичную стену, Кольт потерял равновесие и сполз вниз. Пейдж рывком поставил его на ноги.

— Я так понимаю, тебе жить надоело.

Он повернул инструктора лицом к себе и приставил пистолет к груди.

— Не убивай меня, — произнес Кольт.

— Так, — протянул Пейдж, — а волшебное слово?

— Пожалуйста.

— Пожалуйста... — издевался Пейдж. — Пожалуйста что?

— Пожалуйста, не убивай меня, — повторил Кольт.

— Да, — продолжал Дэни, — нравится мне вот такой парень, как ты.

Держа Кольта под прицелом, Пейдж толкнул его вперед и через задний двор повел в то здание, куда ушла Кеш.

— Залезай, — толкнул он инструктора в узкую, низкую дверь. — А она ушла далеко?

Пейдж пытался его разговорить. Кольт пожал плечами. Вскоре они подошли к нужной двери и Пейдж постучал. Ему открыл невысокий толстый мужчина.

— Чем могу помочь? — спросил он недружелюбно.

— Хочу задать несколько вопросов в этом роскошном заведении, — ответил Пейдж, достав из кармана полицейский значок.

— Ты же знаешь, легавый... — начал было толстяк, но закончить не успел. Пейдж нажал на курок, и пуля, отбросив человека к стене, заставила его замолчать навсегда.

В заведении поднялся переполох, закричала жен-

щины. Размахивая пистолетом, Пейдж, толкая Кольта впереди, вышел из помещения.

Кеш благополучно выбралась на улицу и решила вернуться к Кольту, раз уж Козырной Карты здесь не оказалось.

Она медленно шла по улице, внимательно всматриваясь в предметы. Но ни машины, ни Кольта не было видно.

— Кольт, — позвала Кеш, — Кольт, ты здесь?

И вдруг ее шею обхватила петля и сильно затянулась, в тоже мгновение что-то подняло ее в воздух и начало раскачивать с огромной скоростью вверх, вниз, вверх, вниз... Все случилось очень быстро, так что Кеш не сразу оценила ситуацию, в которой оказалась.

Это была Чен. Незаменимая, вездесущая Чен. Так же, как и Пейдж, она быстро определила местонахождение беглецов, и, по нелепой случайности, она не застала Кольта. Ее опередил Дэн, но Чен этого пока не знала.

— А-а-а, а-а-а, — вырвался крик из уст Кеш. Как только она смогла сообразить, что случилось, то сразу же попыталась зацепиться руками за железные перила балкона. Но у Чен было преимущество, и с силой дернув веревку на себя, она так раскачала Кеш, что от ударов она потеряла сознание.

Чен перенесла Кеш в свою машину, уложила на носилки и подключила к приборам. Ей нужно было извлечь из организма Кеш детонатор и установить

обыкновенный датчик, способный уловить сигнал за несколько сотен миль.

Эта операция не заняла много времени. Теперь нужно было вернуть Кеш в нормальное состояние и отправиться за Кольтом. Чен отключила блокировку и посмотрела на девушку.

— Ну как, приходим в себя? — проговорила она, заметив, что Кеш пошевелилась.

— Привет. Меня зовут Чен. — ласково приговаривала она. — Ты хочешь, чтобы тобой занялась мисс Чен?

Глаза Кеш были закрыты.

— Так, первая схема.

Кеш открыла глаза:

— Кто ты?

— Я кто? — ответила вопросом Чен.

— Мисс Чен, — отдельно ответила Кеш.

— И она предложила тебе? — продолжала проверку первой схемы Чен.

— Пасту, — все так же, по слогам отвечала Кеш.

— А если эта паста тебе не нравится?

— Спасибо.

— Если тебе понравится, я поищу кофе. Черный.

— Чен проверила показатели. — Похоже, все в порядке.

— Оптическая память, попрошу воспроизведение,

— Чен внимательно всматривалась в показатели приборов.

Кеш окончательно пришла в себя и осмотрелась; увидев Чен, задержала на ней взгляд.

— Ты себя очень плохо вела, — сказала Чен.
 — Это в моей программе.
 — Похоже «Пинуилл» вмонтировала в тебя бомбу,
 — небрежно произнесла Чен.
 — Да, — ответила Кеш. — Ты можешь ее убрать?
 — Я не думаю, что это вообще возможно. Твоя система замкнута вокруг бомбы. А вот и детонатор.
 — Чен кивнула в сторону аппаратуры.
 — Он активен, — тревожно спросила Кеш.
 — Необязательно, — хитро усмехнулась Чен. Она решила выполнить задание и Кеш должна была ей помочь.
 — Вот часовой механизм и все остальное, — она снова кивнула на приборы. — Часы в конце концов дойдут до своего предела. С другой стороны...
 Чен щелкнул тумблером, раздался тревожный звон и на мониторе высветилась надпись: «Взрывное устройство активировано!»
 — Нет! — крикнула Кеш.
 Чен спокойно сидела, положив ногу на ногу.
 — Прекрати!!! — закричала в панике Кеш. — Не надо!!!
 — Надо! — крикнула Чен, продолжая сидеть.
 — Ну же!!! — Кеш с мольбой в глазах посмотрела на Чен.
 — Что за это?
 — Все, что угодно, — пообещала Кеш. — Останови устройство!
 Чен выключила прибор, отсоединила Кеш и только тогда заговорила:

— Я знаю, у тебя есть напарник.
 Кеш утвердительно качнула головой.
 — Киборг, скажи где он, — продолжала Чен, — и я гарантирую тебе свободный выезд из страны.
 Несколько минут они провели в молчании. Кеш, закрыв глаза, пыталась найти выход из ситуации. Наконец она произнесла:
 — Хорошо.
 Согласие давало Кеш временную передышку и возможность все как следует обдумать и взвесить. Полагая, что Кольт уже сообразил, что Козырной Карты на Берроуз 18 нет, она надеялась найти его в южном секторе, где они могли встретиться с Милосердным. Ведь ей было неизвестно, что Кольт находится в не меньшей опасности, чем она сама.
 Пейдж отвел Кольта в одно из тайных убежищ, которые создал когда-то давно. В его работе это было необходимо; хоть он и был профессионалом, но предосторожность никогда не бывает лишней. Береженого бог бережет.
 — Присаживайся, — небрежно бросил он Кольту.
 — Да я постою, если ты не против, — ответил инструктор.
 — Прощу, — Пейдж толкнул его, и он рухнул на диван. Затем Дэни бросил Кольту ключи от наручников.
 — Прицепи себя к той решетке, — Пейдж пистолетом показал к какой именно.
 Опасаясь сделать неверное движение, чтобы

Пейдж ненароком не спустил курок, Кольт медленно освободил одну руку, защелкнув второе кольцо за железный прут решетки.

— Так, — сказал Дэни. — Потяни.

Наручники держались прочно. Опустив пистолет, Пейдж сел в кресло напротив. Было похоже, что он расположился здесь надолго, потому что он снял пальто и шляпу, достал портсигар и еще какие-то предметы, назначения которых Кольт не знал.

— Сигарету? — предложил Дэни. Кольт утвердительно кивнул.

— Прошу прощения, не курю, — глумливо извинился Пейдж. В портсигаре он хранил какие-то пилюли.

Наркотики, решил Кольт. Дэни достал зеркало, несколько баллончиков, коробочку с порошком и занялся своим лицом.

— Ты настоящий педик, — не выдержал Кольт. — Тебе нужно к проктологу сходить.

— На себя посмотри, — не обиделся Дэни.

— Да-да, — пробормотал Кольт.

— У меня такая чувствительная кожа, — поделился несчастьем Дэни, как с лучшим другом. — Я постоянно должен предохраняться от инфекции. А то наступают осложнения.

— Я знаю, — отозвался Кольт, — «Пинуилл» оберегает своих работников. Всякую сволочь!

Дэни проигнорировал эту реплику Кольта в свой адрес. Окончив все процедуры, он удобно развалился в кресле.

— Ты откуда? — спросил он пленника.

— Из Нового Орлеана.

— А ты никогда не был на волшебном Востоке?

— Нет, не был.

— Слушай, мистер икс, надо побольше ездить. Путешествия расширяют кругозор, — лениво проговорил Дэни и совершенно другим тоном спросил: — Ну, так ты мне скажешь, где она?

— Я тебе уже сказал, не имею ни малейшего представления, — ответил Кольт.

— Понятно, — в голосе Пейджа послышалась угроза. — Смотри, вот это кольт, — он подбросил пистолет в руке. — Он ничего не понимает.

Кольт Сорок Пять внимательно наблюдал за действиями Пейджа. После короткой паузы Дэн продолжил:

— Но я — кровавый подручный, должен буду научить его грязным штучкам.

Пейдж прицелился и нажал на курок. Кольт ощутил резкую боль в глазах.

— А-а... А-о-о. М-м-м. Что это?

— Третий глаз, — ответил Пейдж. — Говорят, что с его помощью заглядываешь далеко в будущее.

Дэни сделал паузу и проглотил небольшую пилюлю.

— Твою мать, — вдруг грубо выругался бывший до сих пор беспечным Пейдж. — Не закрывай.

Кольт, закрыв глаза, пытался пододвинуть инородное тело к уголку у переносицы.

— Понимаешь, — снова успокоившись продолжил он, — Это состав из жидких кристаллов. Очень,

очень чувствителен к свету. Или все это прожжет дыру в твоей голове, потом позвоночнике, и ты окажешься в безнадежном состоянии, или ты расскажешь мне, где найти девчонку.

Дэни зевнул, потянулся, вытянул ноги во всю длину и запрокинул голову.

— Я просто размяк от возбуждения, — пробормотал он. — Пожалуй, я присоединюсь к тебе и мирно подремлю, мистер икс. Счастливых сновидений.

И Пейдж погрузился в глубокий сон. Выждав время, чтобы не потревожить уснувшего, Кольт пошевелился, поменяв позу. Пейдж не отреагировал. Тогда Кольт попытался дотянуться до ключей, которые Дэни повесил на гвоздик недалеко от дивана, где сидел Кольт.

Скоро ему это удалось. Следя за Пейджем, инструктор отомкнул наручники. Раздался щелчок, который показался Кольту слишком громким, но Пейдж не подавал никаких признаков. Выждав еще немного, Кольт осторожно поднялся. Дэни слегка похрапывал.

Стараясь не шуметь, Кольт открыл дверь и выскользнул из помещения. С радостью в сердце, он вышел на улицу, и быстро пошел прочь, стараясь уйти от этого места как можно дальше.

Теперь ему нужно было отыскать Кеш. С момента расставания прошло уже много времени, он понятия не имел о том, что с ней случилось и куда она пропала на Берроу-стрит. Зайдя в укромное место,

где он мог спокойно подумать, Кольт погрузился в размышления.

Ему не могло прийти в голову, что Дэниел Пейдж решил его разыграть.

Дэни понял, что из этого малого ему ничего не выбить силой. К тому же он предполагал, что, весьма вероятно, Кольт и сам не знает, где находится сейчас киборг. Поэтому Пейдж принял решение. Кристаллы, которые сидели в глазах у Кольта, излучали сигнал, а он имел датчик. Теперь Пейджу было легко следить за ним.

Дэни далеко не был таким простаком, каким он показался Кольту. Он преднамеренно оставил ключи от наручников, он специально сделал вид, что спит крепким сном праведника. Как только Кольт закрыл за собой дверь, Дэни «очнулся» ото сна и удовлетворенно засмеялся. Его номер прошел. Теперь оставалось только незаметно идти за этим доверчивым простаком, и он обязательно выведет его на киборга.

Кольт сидел на корточках, прислонившись к стене в грязном закоулке. Он вспоминал все, что произошло с ним за это время. Нужно найти Кеш. Но где? Где ее искать. Наконец он вспомнил. Милосердный говорил, что если на Берроу-стрит не окажется нужного человека, идите в южный сектор. Если Кеш жива, то искать ее следует именно там.

Немного передохнув, Кольт отправился в южный сектор.

Определив, где он находится сейчас, Кольт

понял, что до южного сектора не так уж далеко. Только нужно быть крайне осторожным. Ведь «Пинуилл» могла разослать его фотографии в полицейские отделения города.

Кольт старался идти по безлюдным улицам. Если попадался кто-нибудь, идущий навстречу, он сворачивал в переулок или заходил в дверь подъезда. Дорога с такими предосторожностями заняла несколько часов.

Сейчас он бродил по улицам, пытаясь определить место, где могла бы ждать его Кеш, если была до сих пор жива.

Даже потом, оказавшись в безопасности, он бы не смог объяснить, что привело его к этому музею. Это было что-то неподвластное, необъяснимое.

Кеш любила все красивое, и, может быть, здесь в музее изящных искусств он найдет ее. А если ее еще нет, то он будет ждать, столько, сколько нужно.

Как только Кольт вошел в большой зал с античными статуями, он сразу же ее увидел. Она стояла, замороженно рассматривая фигуры.

— Говорят, что у самых счастливых людей нет памяти, — тихо сказал Кольт, стоя у входа.

Кеш стремительно подбежала к нему, крепко обняла и замерла на несколько секунд.

— Мы обнаружены, — прошептала она. — Оставайся в темноте, не двигайся и не оставляй следов.

— У тебя все нормально? — встревожился Кольт.

— Да, — кивнула она. — Надеюсь наш покровитель Милосердный скоро свяжется с нами.

— Милосердный... — тяжело вздохнул Кольт. Кеш выскользнула из его объятий, медленно прошла по залу.

— Ты, наверное, не этого ждала; — грустно проговорил Кольт, с нежностью глядя на Кеш.

— О чем ты?

— Мир за стенами... — Кольт развел руками. — А мир перевернут вверх ногами.

Помолчав немного, Кеш ответила:

— Я думала, тут будет красиво.

— Давным-давно уже красоты не осталось, — в его голосе слышалась горечь. — Люди все испортили.

— Но как они позволили, чтобы до этого дошло? — Кеш искренно не понимала.

Кольт долго молчал. Он не находил нужных слов. Потом он попытался объяснить:

— Потому что люди не запрограммированы. Это не схемы, это плоть и кровь, — он опять запнулся, не зная как выразить мысль.

— Но, понимаешь, одни хуже, другие лучше.

— А испытаний не бывает? — не понимала Кеш.

— Ты говоришь о киборгах, — ответил Кольт. — А люди просто хотят играть роль Бога.

Он опять замолчал и возбужденно заходил по залу.

— Понимаешь, уже сама концепция погана. Я ненавижу корпорацию «Пинуилл». Они вели себя так, будто были Джеппетто, а из всего этого получились извращенцы Пиноккио. И создали тебя.

Кольт подошел к Кеш, обнял ее за плечи и заглянул в глаза.

— Когда я начал, я испытал к тебе подлинные чувства. И я испугался. Они исполняли роль Бога все лучше и лучше. И я купился на это.

Кольт крепко прижал девушку к себе и, раскачиваясь, нежно гладил ее голову, прекрасные волосы, лицо.

— Я знал, на какое предательство способна корпорация «Пинуилл», и я боялся за тебя и за себя.

По лицу Кеш текли слезы, Кольт слизывал их языком, покрывал лицо короткими нежными поцелуями, и наконец их губы соединились в долгом страстном поцелуе.

— Ты ни о чем не жалеешь? — спросила Кеш.

— Нет... — покачал головой Кольт. — Одно у меня есть сожаление. Мы не сможем умереть вместе.

— Может быть, щенок, как раз сегодня у тебя получится... — услышали они громкий голос. Одновременно обернувшись, влюбленные увидели Чен. Она стояла, широко расставив ноги и держа наизготовку автомат. Едва они успели отскочить, как на то место, где они стояли мгновение назад, обрушился шквал огня.

Неожиданно для Чен, раздалась ответная очередь. Укрывшись за колонну, она услышала голос Дэни Пейджа:

— Чтоб меня Адамчики побрали, неужто это черноволосая Чен?

Сделав наобум несколько выстрелов, Чен ответила:

— Давненько не виделась, Дэни. Слышала, тебя чуть не пришел киборг...

Пытаясь попасть в цель, Дэни сделал два выстрела. Штукатурка отлетела кусками возле головы Чен.

— Да уж, заставила она меня побегать. — ответил Дэни, перезаряжая пистолет. — Наша дорогая Велма испытывала слабость к кислоте и выплеснула мне ее в лицо. Красавица-сучка.

Пока Дэни произносил этот душеспитательный монолог, Чен смогла точно определить его местонахождение.

Выйдя из своего укрытия, она прокричала:

— Занимайся сбором информации и забудь все, что было раньше.

Затем Чен длинной очередью из автомата вдребезги разнесла огромный куб из оргстекла, в котором хранились представляющие в давние времена ценность скульптуры.

Градом повалились осколки, осыпав Пейджа с ног до головы. Его нежная кожа, перенесшая столько операций, кровавыми клочьями повисла на щеках и на лбу.

Почувствовав кровь на своем лице, Дэни дико закричал:

— Черт тебя подери, посмотри, что ты наделала.

В ответ раздался громкий торжествующий смех киборга. Чен понеслась догонять беглецов.

Сидя на полу, Пейдж дрожащими руками достал зеркало и посмотрелся в него. Страшный крик

вырвался из его груди. Так кричат смертельно раненые дикие звери.

Пока их преследователи выясняли отношения, Кольт и Кеш успели пробежать несколько залов. Внезапно Кеш остановилась перед одной из композиций и прочитала:

— «Дикий Запад».

— Кеш, у нас нет на это времени, — поторопил ее Кольт, оглядываясь назад. Но Кеш, казалось, не слышала его. Ей было интересно здесь. Она подошла к следующей композиции.

— «Ядерная семья», — снова прочла название Кеш.

Кольт нервничал:

— Нужно быстрее, быстрее уходить отсюда.

Взяв Кеш за руку, Кольт потащил ее к выходу, но было поздно.

— «Ядерная семья». Потрясающее название, — им преградила дорогу Чен, с автоматом наперевес. Оглядев инструктора критическим взглядом, она сказала:

— Ты была права, он мне абсолютно не нужен.

Кольт и Кеш бросились в разные стороны. Пули разнесли экспонаты, находившиеся за ними. К счастью, это были последние патроны, находившиеся в магазине автомата. Отбросив ненужное уже оружие, Чен приготовилась к бою.

— Где ты? — окликнула она Кеш. Девушка вышла из укрытия, Кольт тоже, но Чен даже не посмотрела на него.

Чен была опытным бойцом. Два молниеносных движения, и Кеш беспомощно размахивая руками, оказалась на полу. Кольт поспешил на помощь, но Чен ударом ноги отбросила его на несколько метров и, не давая прийти в себя, провела несколько ударов: в висок, в грудь, в живот. Кольт лежал не двигаясь. Чен подняла его за волосы, но в это время Кеш сильным ударом отбросила Чен. Она упала на оголенные электрические провода. Заряд, вспышка... И черноволосой красавицы Чен не стало. Только обгоревшие провода и куски металла.

— Мне нравится стиль твоей работы, — похвалил Кольт свою ученицу, поднимаясь с пола.

Обнявшись, они вышли на улицу. Здесь так же, как и во всем городе, было малоллюдно. Они увидели маленького рыжего пса, который смотрел на них просительно и жалобно.

— Заблудился? — спросил Кольт. Пес поднялся и сел. Беглецы прошли еще немного и остановились.

— Так куда теперь? — задала вопрос Кеш.

— Подожди, — сказал Кольт и вернулся к собаке, которая все также сидела и опять смотрела на них.

— Так он же синтетический, — присмотревшись, сказал Кольт.

— Его, наверное, послал Милосердный.

— Значит ты тоже киборг? — ласково проговорила Кеш. Пес поднялся и пошел.

Ну, пошли за собакой, — сказал Кольт. Взявшись за руки, они отправились за своим проводником.

Пейдж, немного оправившись от горя и присыпав

раны на лице, пошел отыскивать беглецов. Но нашел он только останки Чен, неподвижно лежащие среди разгромленных экспонатов «Ядерной семьи».

Пес-киборг привел Кольта и Кеш к люку, возле которого он сел, и снова просяще посмотрел на них. Кольт поднял крышку и они спустились вниз.

Там было очень просторно, и все говорило о том, что не так давно здесь жили люди. Стены украшали рисунки, выполненные чьей-то умелой рукой. На них было изображено то, что давно исчезло из жизни человеческого общества: красивые цветы, птицы, сидящие на ветках деревьев, счастливые улыбающиеся лица людей. На полу здесь и там лежали забытые вещи. Кеш подняла детскую игрушку и с интересом рассмотрела ее. Это была мягкая резиновая кукла-клоун.

— Потрясающее место — восхитился Кольт. Кеш ответила ему улыбкой.

Вскоре они подошли к концу тоннеля и, поднявшись по лестнице, постучали по крышке. Через некоторое время люк приоткрылся и мужской голос вежливо спросил:

— Чем могу вам помочь?

— Пустите нас, — попросила Кеш. Кольт вместе с собакой стоял внизу.

— У вас забронировано? — опять спросил мужчина.

— Нас послал Милосердный, — ответила Кеш.

— Прошу прощения, — извинился он, — мне нужно будет проконсультироваться с управляющим.

Люк захлопнулся и в тоннеле воцарилась тишина. Через пять минут люк широко распахнулся и последовало приглашение:

— Добро пожаловать в наше заведение.

Кеш вышла на землю, за ней с собакой на руках Кольт. Мужчина, который разговаривал с ними, оказался безногим калекой, и место это было очень странным. Оно напоминало свалку отслужившей свой век техники, но здесь, как на заводе, работали люди, их было много, разлетались искры от сварочной аппаратуры, слышался деловой шум и лязг.

— Благодарю вас, — обратилась Кеш к безногую, — мы ищем Милосердного.

— Его никто не ищет, — ответил он, — он сам всех находит.

С этими словами он поехал на коляске вперед, отталкиваясь руками от земли.

— Это что, свалка металлолома? — поинтересовался Кольт, с любопытством рассматривая все вокруг.

— Да нет, кладбище, — сказал безногий, — это место обжито давным-давно. Добровольцев тут достаточно много. Они объявили все это городом. Тут играет роль главный инстинкт.

— Это какой?

Безногий замолчал, всматриваясь во что-то за железными балками. Потом ответил.

— Инстинкт выживания. Ну что ж, — остановился он, — начальник позволил вам подойти.

— А он нас видит? — недоверчиво проговорила Кеш.

— Если вы его вдруг увидите, то будет слишком поздно, — загадочно ответил он. — Желаю удачи.

Безногий развернулся и поехал обратно, а Кеш и Кольт вступили на территорию сооружения, похожего на огромный военный корабль. Здесь их поводом стал снова рыжий синтетический песик.

Он привел беглецов в каюту, где размещалось не меньше десятка мониторов и на каждом были изображены часы.

— Вы опоздали, — приветствовал их Милосердный.

— Были неприятности, — ответил Кольт. Кеш, радостно улыбаясь, рассматривала каюту.

— Дело усложняется, — объявил им Милосердный. — На корабль «Последний легион» вы опоздали.

— По-моему, он все-таки хочет, чтобы мы отсюда уехали, — рассмеялся Кольт. — Какой у нас выбор?

— Только один, — бодро ответил он. — Взять напрокат другой пароход.

— Отлично, — согласился Кольт. — И как же мы это сделаем?

— Ты слышал когда-нибудь о «Лопастях»? — вопросом на вопрос ответил Милосердный.

— Нет.

— Это бой до смерти. — объяснил он. — Ну, небольшое развлечение. Быстрый и легальный спо-

соб заработать деньги. На пароход без денег не попадешь. Ты — один из участников.

— Нет, нет, — запротестовал Кольт, — я не собираюсь сражаться с обреченными.

— Спокойно, Кольт Сорок Пять, — жестоко произнес Милосердный, — Этот бой — твой пропуск на «Танец мамбасы».

— Что это такое?

Подождав, пока Кольт успокоится, Милосердный спокойно ответил:

— Единственное место, где могут находиться киборги в бегах.

Кольт посмотрел на Кеш, она ответила ему нежной улыбкой.

— Корабль отплывает сегодня же, — окончил разговор Милосердный. — С тобой или без тебя.

Увидев убитую Чен, Пейдж догадался, что Кольту и Кеш удалось уйти. Сначала он решил было продолжать преследование, но усиливающаяся боль от кровоточащих ран на лице заставила его переменить решение, поэтому Дэни отправился к своему доктору мистеру Раску Тейту.

Частная клиника доктора находилась на Гарвей-стрит. Медсестра чуть не лишилась чувств, увидев Пейджа в таком состоянии. Тейт принял его сразу же. Дэни пришлось придумать благородную и страшную историю об убийцах и несчастных жертвах и бескорыстных спасателях, коими и является собственной персоной Дэниел Пейдж.

Когда раны были обработаны и забинтованы, Пейдж спросил:

— Скажите, мистер Тейт, как скоро заживут раны и каковы будут последствия?

Ответ врача не был утешительным.

— Вы же знаете, голубчик, что значит для вашей кожи даже незначительная царапинка? Ведь ваши кожные покровы перенесли уже достаточно серьезную травму и достаточно серьезное лечение. Человеческая кожа имеет ограниченные способности к регенерации, тем более, что...

Мистер Раск Тейт говорил очень долго, часто используя медицинскую терминологию. Из его речи Дэни понял, что ничего хорошего его не ждет. Раны будут заживать так долго и требуют они такого ухода, что на это может уйти целый год, не говоря уже о деньгах. Второе, что понял Дэни: даже если раны заживут окончательно, то образовавшиеся рубцы не удастся скрыть никакими косметическими средствами. Вероятно, понадобится трансплантация.

Едва сдерживаясь, чтобы не выплеснуть свое бешенство прямо здесь, в клинике и не подстрелить кого-нибудь, Пейдж почти выбежал наружу. Еще не зная точно, что предпримет, решил захватить домой. И только сделав большой глоток виски, он смог слегка успокоиться.

Собрав в кулак всю свою волю, Пейдж отбросил все мысли о своем лице. Он сосредоточился только на ненависти, которая поселилась у него в душе. Он найдет их. Найдет и убьет, во что бы то ни стало.

Прихватив с собой виски, Пейдж сел в машину и отправился на поиск врагов. Из машины он позвонил Дэну.

— Эй, Марк, любовь моя! — поприветствовал он Дана.

— Пейдж, где ты находишься? — почувствовав неладное, спросил Дан.

— Я еду на запад, по великолепной дороге, — с истеричным смехом ответил он.

— Успокойся.

Дэни понял, что Марк Дан в курсе всего, что произошло.

— Да, конечно, — прокричал он. — А мое лицо?

— Я понимаю, ты уголовник, — увещательно начал Дан. — У вас, уголовников, своя система, но с нашей она не сможет сравниться,

— Ладно, — сурово сказал Дэни, — но тем не менее ты слушай меня. Новые условия. Убийство. Обоих. И еще плюс пятьдесят процентов.

— Нет, — отрезал Дан, — это не подлежит обсуждению. Женщина слишком важна для нас. А им может заняться наша служба безопасности.

— Да нет, тут ты, видно, Марк, меня не понял, — угрожающе произнес Пейдж. — Я не могу для тебя их даже просто захватить.

— Пейдж, — опешил Дан, — ты что, угрожаешь мне?

— Какое интересное слово, — съязвил Дэни. — Меня изуродовали!!!

Он сорвался на крик. Стрелка на спидометре переползла за отметку сто.

— Пять... — захлебнулся от злости Пейдж. — Пять мучительных лет операций, терапевтический курс. И теперь, чем же это все кончилось?!

Слушая излияния Пейджа, Дан принял решение.

— Пейдж, ты отстранен, если ты до них дотронешься, мы отнимем у тебя лицензию.

— Плевать я хотел! Плевать я хотел! Плевать я хотел!!! — орал неистово Дэни. — Обещаю, я сделаю то, что сказал! Мне так нравится!!!

— Пейдж... — начал было Дан, но в трубке раздались гудки.

Когда план дальнейших действий Кольта и Кеш стал ясен для всех, они, наконец, смогли удобно расположиться и рассказать Милосердному и отчасти друг другу все, что случилось с ними с момента побега. Милосердный слушал очень внимательно, иногда переспрашивая, восхищаясь и переживая уже случившееся.

— Сейчас я позову Козырную Карту, — сказал Милосердный, — и он полечит твои глаза. Ты должен быть в форме.

Монитор погас, Кеш и Кольт на короткое время остались одни. Наедине друг с другом и в полной безопасности.

Вскоре пришел пожилой китаец, уложил Кольта на кровать, разложил инструменты и сделал укол.

— Почему тебя называют Козырной Картой? — спросил Кольт.

— Долгая история, — ответил китаец. — Вряд ли ты ее сможешь выслушать, потому что скоро уснешь.

Действительно, очень скоро Кольт уснул, и Козырная Карта начал операцию.

Кеш молча стояла, оперевшись спиной о стену. По ее лицу текли слезы. Но сейчас это были слезы счастья.

— Ну что ж, — сказал Милосердный. — Многое сегодня случилось. Киборг влюбилась. Ромео и Джульетта. Две жизни должны совпасть, слиться воедино, хотя, в общем-то, это обречено.

— Ты так думаешь? — отозвалась Кеш.

— Да. Даже если любовь настоящая, это продлится недолго. Но... это может продолжаться.

— Как?

— Кто-то должен прожить жизнь, отпущенную любимому. Кеш, ты будешь жить тысячу лет... Ну, пока будут делать запчасти для таких как ты. Но Кольт Сорок Пять... Он слезет со стены, как прошлогодняя краска. Он останется воспоминанием. Он уже воспоминание. Но, чуть-чуть, если вы испытаете время, отпущенное вам обоим, вашего времени вместе, может быть, вам и хватит.

Кеш не совсем понимала, что имеет ввиду Милосердный, произнося эти слова. Она растерянно и непонимающе смотрела на него.

— Что ты хочешь? — спросила она.

— Ты бессмертна, — вместо ответа сказал он. — Что такое мужчина? Почему он должен всю жизнь прожить рядом со своим богом?

Этими вопросами Милосердный окончил разговор, монитор погас. Кеш задумчиво бродила по каюте, рассматривая предметы, в ожидании, когда Кольт проснется. Козырная Карта сидел возле постели, сложив руки на коленях.

Кеш взяла стоящий на столе портрет. На фотографии был изображен мужчина в форме морского офицера. Черты его лица были мужественными, серьезные глаза просто и спокойно смотрели в объектив.

— А кто наш благодетель, который разговаривает с нами? — спросила Кеш у Козырной Карты.

— Он командовал флотом, был ранен. Ну и флот не мог забыть о живом герое. Его восстановили по запчастям.

Кольт только что проснулся и услышал последние слова китайца.

— Он киборг?? — Удивился Кольт.

Китаец неопределенно пожал плечами, и, осматривая глаза Кольта, продолжал:

— Он по миру поскитался наемником: Гана, Кабул, знавал переворот в Мозамбике. Классический воин. Само совершенство.

Китаец промывал Кольту глаза. На мониторе опять появился Милосердный. Не вмешиваясь, он слушал разговор.

На тумбочке, возле кровати, на которой лежал Кольт, стояла фотография очень красивой женщины. Кольт внимательно смотрел на портрет. У женщины были длинные белые волосы, волнами спускающиеся

на грудь. Она стояла одна возле каких-то приборов, взгляд был задумчивым и грустным.

— Кто это? — спросил Кольт.

— Моя жена Велма, — ответил Милосердный.

— Где она?

— Она погибла, — ответил Милосердный, немного помедлив.

— Извини, — смутился Кольт.

На некоторое время установилась тишина, каждый думал о чем-то своем. Потом Милосердный заговорил:

— Это был брак, когда спарили человека и машину. Велма искала лучший мир. Свободный дух... Она помогала киборгам-ренегатам бежать от «Пинуилл». Но, в конце концов, ее поймали. Пейдж убил ее. Но, правда, она его изуродовала.

— А почему ты помогаешь Кеш и мне?

— По старой памяти, — рассмеялся Милосердный. — Брак — это нечто среднее между предательством и любовью. Открывай средний ящик...

Потянувшись, Кольт открыл ящик и достал маленькую коробочку. В ней лежали обручальные кольца.

— Есть определенные вещи, традиционные. До того, как человечество превратилось в то, что мы видим сегодня, существовали красивые добрые традиции... Я оставляю вас.

Раздался щелчок, Козырная Карта попрощался и влюбленные остались одни.

Кольт поднялся и подошел к Кеш, нежно взял ее

руку и надел обручальное кольцо... и время для них исчезло.

Кольт смотрел на Кеш. Она положила голову ему на плечо и тихо спала. Ее лицо светилось счастьем.

Кольт вспоминал. Очень долгое время между ними вообще ничего не было. То есть не было ничего серьезного, кроме нескольких поцелуев...

Он не знал, что делать. Конечно, не следует это понимать буквально. Он отлично знал, как это делают. Просто он никак не мог разобраться в собственных чувствах и привести себя в боевую готовность... Он боялся, что иная Кеш просто посмеется над тем, что он всегда считал учтиво-романтичным и неотразимым стилем Кольта Сорок Пять. Да, он боялся быть отвергнутым. И еще боялся, что будет принят, но принят совсем по другим причинам.

И вот все случилось. Все.

Их первая близость была абсолютно похожа на их первую встречу и первый разговор.

Все было так тихо, так нежно, так ласково. До этого он никогда не подозревал, что это и есть настоящая Кеш, такая мягкая и нежная, и что в ее легких прикосновениях столько любви. А что удивило его больше всего, так это его собственная реакция. И он был мягким и ласковым. Он был нежным.

Его мысли прервал настойчивый стук.

Кеш проснулась.

— Ну что ж, — вздохнул Кольт, — пора.

Спустя пять минут они уже были готовы в путь. Милосердный давал им последние указания.

— Я договорился с Бобилином, он организует бой и уже ждет вас.

Кеш и Кольт слушали внимательно. На мониторе появилась карта.

— Это «Черный дракон», — указал Милосердный, — причал семьдесят семь. Потом у вас есть шанс вернуться, найти пароход «Острова Марии». Капитан там Джон Купер. Он вас знает. Если он вас не встретит — бегите.

Настала минута прощания.

— Ну что ж, Милосердный... — вздохнул Кольт.

На экране возникла ладонь. Кольт приложил к ней свою и они побежали.

Марк Дан был мрачен как туча. События развивались совсем не так как должны были бы. У него больше нет в распоряжении Чен, Пейдж вышел из-под контроля.

И еще неприятности. Удалось засечь в компьютерной сети института следы его давнего врага. Он называет себя Милосердным. Конечно, не без помощи сотрудников института удалось ему вмешаться в программу Кеш. Нужно найти его агента и обезвредить, а еще докучают эти несносные болваны, все эти директора.

Мастерс в дикой ярости. Еще бы, он уже видел себя повелителем мира, и вдруг в одно мгновение

все мечты развеялись, как дым от сигары. А Дан еще должен докладывать ему о новых неудачах.

Мастерс ждал его в своем кабинете, нервно прохаживаясь взад-вперед.

— Что нового? — он тут же задал вопрос, не ответив на приветствие.

Дан рассказал о случившемся, ожидая для себя все самое худшее.

— Если бы мы не ценили так вашу голову, — еле сдерживая бешенство, проговорил Мастерс, — вам бы уже давно пришлось с ней распрощаться.

— Сейчас слушайте меня, — сказал он твердо. — Поднимайте по тревоге спецподразделения корпорации, всех агентов. Во что бы то ни стало найдите беглецов и обезвредьте. Киборга доставить в полной сохранности.

Дан молча слушал, не смея шелохнуться.

— И еще, — продолжил директор, — тщательно проверьте всех сотрудников в самое короткое время. Человек, на которого падет хоть малейшее подозрение, должен быть немедленно отстранен от работы. Все. Действуйте.

Дан вышел из кабинета, обливаясь холодным потом. Вернувшись к себе, он отдал приказ спецподразделениям отправиться на поиски беглецов. Потом вызвал агента, присматривающего за работниками психоаналитического центра и отдела программирования. Артур Келвин явился незамедлительно.

Коротко объяснив ему ситуацию, Дан приказал:

— Мне нужен человек, который позволил Милосердному проникнуть в наши компьютеры.

— Я сделаю все возможное, — ответил агент.

— Этот человек не должен больше работать на корпорацию, — тихо сказал Дан. — Вы понимаете меня?

— Да.

— Ваше вознаграждение будет удвоено.

Артур Келвин быстро вышел из кабинета.

По сигналу тревоги спецподразделения погрузились в машины и на огромной скорости покинули территорию корпорации.

Артур Келвин сразу же приступил к выполнению задания. Он взял список работников, имевших доступ к компьютерной связи института, и выбрал из него тех, кто знал шифр. Их было не так уж много: всего пять человек. Дана и Смита он исключил сразу. Затем вычеркнул еще двоих, которых прекрасно знал.

Оставался только один — Ричард Мерфи, ученый, заведующий отделом проводников и полупроводников. Его образ жизни был всем известен. Работает как вол, а потом, словно с цепи сорвавшись, пускается в загул: шумные компании, пьянство.

Он вполне мог помогать Милосердному просто так, из дружеских чувств. Ведь они, как было известно Келвину, давно знакомы и всегда симпатизировали друг другу. Надо его прощупать.

Ричард Мерфи находился у себя в кабинете, он

просматривал последние отчеты сотрудников, одновременно думая о своем.

«Киборг сбежала со своим инструктором. Конечно, не без помощи Милосердного. Ведь не зря же он взял у меня пароль компьютерной системы института. Рано или поздно они выйдут на меня».

Его размышления прервал Артур Келвин, внезапно возникший в лаборатории. Мерфи понял: раз к нему пришел представитель разведки, значит он на крючке.

«Очень логично», — мысленно похвалил он сам себя.

— Привет, Ричард, — произнес Келвин, — решил заглянуть к тебе на минутку.

— Привет, ты как всегда вовремя, я как раз собирался открыть бутылочку.

— Хорошо, — согласился Келвин. — Только я ненадолго.

Мерфи пересек кабинет, подошел к массивному шкафу и взял бутылку. Отбил сургуч и вытащил пробку.

— Знаешь, Артур, — сказал он, — мы занимаемся фантастическим делом. В нем есть своя романтика.

— Просто мы дошли до этого очень поздно, — ответил Келвин. — Умение было в нас всегда, но им не пользовались. Потому что все это казалась слишком немислимым. Потому что отказывались верить.

— Простые люди и сегодня не верят. — Ричард достал из встроенного в стену холодильника лед, положил в бокалы и наполнил их почти до краев.

— Садись. — он протянул Келвину бокал и сел за стол. — Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Келвин сел. Ричард положил ноги на стул, устраиваясь поудобнее.

«Он пришел проверить меня, а я угощаю его виски, — думал Ричард. — Интересно, что у него есть против меня?»

Он сидел, сжимая в руке бокал, и ждал, когда Келвин заговорит.

— У вас, ученых, разрабатывающих искусственный интеллект, очень интересная жизнь... — сидящий за противоположным концом стола Келвин изобразил на лице добродушие. — Я иногда вам завидую.

— Для нас это работа, — небрежно заметил Мерфи.

— Но вот недавно результаты вашей работы, можно сказать, пропали даром. Ты слышал?

— Если ты имеешь в виду сбежавшего киборга, слышал. Но вряд ли это говорит об отсутствии результатов, — не согласился Мерфи, — или бесполезности проделанной работы. Результат налицо. Кажется, наши достижения имеют успех.

— Как это? — не понял Келвин.

— Очень просто. Искусственный разум решился на самостоятельный шаг, не предусмотренный программой. Мы не должны опекать так киборгов. Нужно дать им больше свободы, тогда подобное не случится.

— Вряд ли это возможно, — Келвин покачал головой.

— Вы должны позволить нам и им хоть иногда действовать по собственному усмотрению, — настаивал Мерфи.

Келвин усмехнулся.

— И не пытайся утверждать, что это невозможно, — продолжал Мерфи. — Я знаю, что это реально. В распоряжении «Пинуилл» столько ученых...

— Да, нет, я не спору, — ответил Келвин, — это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

— Бойтесь, воспользуются конкуренты?

— Не исключено. Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, ученых. Меры безопасности необходимы. Вдруг вас захотят похитить? Или убить...

— Вы слишком высоко нас цените, — сухо заметил Мерфи.

— Вовсе не слишком, — возразил Келвин. — Ты хоть представляешь, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты даешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и умным, и способным. И, наконец, он должен быть предан «Пинуилл».

— Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

Они замолчали на некоторое время, потягивая виски.

— И все-таки, — сказал Мерфи, — я не вижу

необходимости держать нас под контролем постоянно.

— Не пойму, что ты так беспокоишься. Можешь экспериментировать сколько угодно.

Он допил виски и поставил бокал.

— Все. Спасибо. Я пошел.

Ричард Мерфи остался один. Он задумался, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничего не мешает. Времени, скорее всего, с полчаса. Как раз столько, сколько потребуется Келвину, чтобы отдать распоряжения агентам.

Он оглядел кабинет и почувствовал удовлетворение и гордость. В этом кабинете он решил много проблем, связанных с искусственным интеллектом.

Ричард почувствовал, как тяжело ему расставаться со всем этим, как трудно уйти насовсем, — слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Ричард вышел в коридор и захлопнул за собой дверь.

Вокруг никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-под некоторых сквозь щели просачивался свет. Стояла полная тишина. Но в этой тишине слышался пульс гигантского организма «Пинуилл». Казалось, огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, обширнейшие библиотеки и склады, заводы...

Все спокойно. Остается только сесть в машину,

оставленную на стоянке, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил себя Мерфи, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. И слишком очевидно. В «Пинуилл» наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Мерфи; голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

Мерфи быстро зашагал по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно.

Он понимал, что причина тут одна: он не хочет бежать из «Пинуилл». Ему интересно работать в «Пинуилл».

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Ричард открыл массивную, роскошную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту-другую, наслаждаясь городом. Легкий вечерний ветерок шелестел листвой. Тихо, почти бесшумно проносились вечно спешащие автомобили. И все это было подернуто тонкой дымкой вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставались минуты.

Его машина на стоянке, совсем рядом, но до нее

не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

Мерфи зашагал вниз по аллее и свернул в противоположном направлении.

«Еще бы десять минут, — повторял он про себя. — За эти десять минут я найду дюжину мест, где можно спрятаться, — затаиться, чтобы прийти в себя, решить, что делать дальше». Сейчас, без машины, он просто не знал, что предпринять.

Мимо проносились автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Мерфи, и чье-то лицо показалось в окошке.

— Ричард! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Мэрфи испуганно взглянул на водителя и произнес как можно спокойнее:

— Привет, Гюнтер! Давненько мы не виделись.

Это был Гюнтер Вальрод. Никто не знал, чем он занимается, но до Ричарда доходили смутные слухи, что Гюнтер был секретным агентом. Вальрод открыл дверцу:

— Прыгай. Поедем на вечеринку.

«Кажется, это то что надо», — подумал Мерфи.

Конечно, лучше и не придумашь, «Пинуилл» в голову не придет искать меня в веселящейся компании. И потом, в случае чего, оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И, наверняка, найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи.

— Прыгай, — повторил Гюнтер. — Сегодня пьянка у Джейн.

Мерфи быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Гюнтера влилась в мчащийся поток.

— Я говорю Джейн, — начал Гюнтер, — что это за вечер, если нет ни одной души из «Пинуилл». И вызвался заманить какую-нибудь важную птицу отсюда.

— Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

— Зато ученый, связанный с производством киборгов. А вам есть о чем порассказать.

— Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Гюнтер прищелкнул языком:

— Все тайны!

— Нет, просто правила и инструкции.

— Да, конечно. Потому то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсасываются все подробности.

— И обычно перевираются.

— Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть остается.

Мерфи промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, он смотрел в окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это «Пинуилл».

А ему надо уходить отсюда.

До сих пор трудно поверить, что ему, который так

любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно испуганному зайцу.

— Что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Гюнтер.

— С чем «этим»?

— Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями?

— Не знаю.

— Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. Как далеко вы в «Пинуилл» ушли от остальных людей? На миллион лет, или больше?

— Поговори с кем-нибудь другим, я не в курсе. Я выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

— Извини. Я просто одержим этой мыслью.

— Не ты один. На земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали «Пинуилл». Для людей сегодня это любимое занятие.

— Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения, — голос Вальрода звучал серьезно. — Сиджу я в стороне и понятия не имею, что делается в какой-то «Пинуилл». И вдруг появляешься ты: большой ученый со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, что люди ненавидят «Пинуилл» и все, что связано с киборгами.

— А они и в самом деле ненавидят?

— Ричард, — мрачно произнес Гюнтер. — Тебе надо самому съездить и посмотреть.

— Не вижу особой надобности. И так достаточно наслышан. Я хочу знать: они в самом деле ненавидят «Пинуилл»?

— Думаю, да. Может быть, не здесь, но поезжай куда-нибудь, и сразу поймешь, что «Пинуилл» и ваших киборгов действительно ненавидят.

Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

— Кто будет у Джейн? — спросил Мерфи.

— А, все тот же зверинец. Джейн любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

— Да, я знаю.

Гюнтер свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Стало прохладно. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы — современное здание, прилепившееся как ласточкино гнездо к почти отвесной стене каньона.

— Ну вот и прибыли, — весело произнес Гюнтер.

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока,

но разудалой, как бывает со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду, — все, казалось, говорило о том, что уже поздно, и гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Ричард Мерфи вынужден был поддерживать беседу в гостинной. Но вяло отвечал на вопросы. В конце концов, один толстый господин все-таки его вывел из себя. И Мерфи стал огрызаться. Они спорили уже целый час.

Толстяк вынул изо рта сигару и безглаголиво посмотрел на нее. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок.

Сложив руки на животе, толстяк уставился в потолок.

— Мистер Мерфи... — начал он.

— Да?

— Вы очень проникательный человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

— К вашим услугам, — холодно отозвался Мерфи.

— Сколько вам платят?

— Достаточно.

— Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека...

— Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

— Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете «Пинуилл», знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Мне очень хотелось бы обсудить...

— Простите, сэр, но ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

«Все, — решил Мерфи, — здесь я провел уже целый час. Более, чем достаточно. Поел, выпил, потратил уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до «Пинуилл» дойдет, что я здесь, надо быть далеко.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

— Я рада, что ты пришел, Ричард, — сказала Джейн:

Он встал и повернулся к ней.

— Это я рад, что ты пригласила меня.

Ее глаза блеснули.

— Я тебя пригласила?

— Нет, по-правде, меня притащил Гюнтер Вальрод. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты же знаешь, я тебе всегда рада, — она слегка пожала ему руку. — Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас.

— Пожалуйста.

— Вышло довольно невежливо, — заметил Мерфи, когда они отошли.

— Надо было тебя спасать. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он взялся. Уверена, что я его не приглашала.

— А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

— Глава какой-то делегации. Они приехали познакомиться на «Пинуилл» с его киборгами.

— Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

— Ты почему не пьешь?

— Только что выпил.

— А ты поел? Тебе весело?

— Да, спасибо, все прекрасно.

— Пойди выпей еще. Я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом?

Мерфи покачал головой.

— Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

— Тогда в другой раз, — сказала она и собралась идти, но Мерфи шагнул вперед и остановил ее.

— Джейн, — спросил он, — тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

— Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— А теперь иди развлекайся.

Мерфи стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Ричард как бы бесцельно пересек комнату, заглянул на минуту в бар и вышел в прихожую. Пора ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться,

или смотаться на много миль отсюда. Наверняка, Келвин и его агенты ищут его.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

«Мне потребуется время, чтобы найти машину, — думал, Мерфи, — в которой кто-то по забывчивости оставил ключи. А вдруг такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Джейн не откажется помочь, но она слишком болтлива... Будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью, лихорадочно думал он. Как найти Милосердного? Только он сможет помочь.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое пространство: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

«Подарок судьбы», — подумал Ричард Мерфи. Это была Кэт, он познакомился с ней у Милосердного.

— Кэт! — обрадовался Мерфи. — Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Джейн.

Ее шепот обжег его:

— Ричард, ты полный, законченный кретин! Что ты здесь делаешь? Тебя же ищут.

— Разве ты знаешь...

— Конечно.

Вслух Кэт произнесла приятным певучим голосом:

— О, я никогда не пропускаю вечеринки у Джейн. Здесь можно встретить таких интересных людей.

Она снова перешла на шепот:

— Тебя ищут. Они знают, что ты тут. Скоро они будут здесь — если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак... На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.

— На этот раз ты напрасно потеряла время, — выговорил Ричард. — Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика.

— Ты в опасности. Я приехала помочь тебе, — прошептала она.

— Я тут беседовал с одним бизнесменом, — громко произнес он. — Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха и встретил тебя.

— Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выеду машину на дорогу, а ты поброди еще немного здесь и потом пробирайся на кухню.

— Хорошо.

— Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественной. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки. Сначала пойдешь на кухню, оттуда — через черный ход на улицу.

— Неужели ты поедешь вот так, сразу? — снова громко спросил Ричард.

— А ты не говори им, что видел меня, — попросила Кэт, — а то Джейн до смерти обидится.

— Но ты забыла, что «Пинуилл» может караулить на дороге, — прошептал Мерфи.

— Не беспокойся, Ричард, я разузнала их планы. Мы их одурачим.

— Хорошо, буду нем как рыба, — опять громко произнес Мерфи.

Она вышла, и каблучки застучали вниз по лестнице.

Мерфи медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как его оглушил гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить, лишь бы говорить.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит, или куда-то направляется, но и нельзя допустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор, — на это нет времени.

Мерфи обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший джентльмен, с которым он познакомился недавно; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой, набросилась вдруг на него.

«Ни одного киборга, — подумал Мерфи, — даже среди прислуги».

Все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнув через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Посуда сверкала холодной голубой эмалью. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Мерфи поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался сделать третий, как вдруг почувствовал что-то неладное.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Гюнтер Вальрод.

— Брось, Мерфи, — сказал он, — не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

Мерфи на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган или разгневан. Ошеломлен тем, что врагом оказался Гюнтер Вальрод. Значит, слухи были верными, он агент «Пинуилл», и, по-видимому, весьма способный.

И еще — Артур Келвин все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Келвин уже давал задание Гюнтеру.

Все было обставлено умно, вынужден был признать Мерфи, — куда умней, чем мое собственное поведение.

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Гюнтер.

— Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда, — сказал Гюнтер. — И я отвезу тебя обратно, побеседовать с Артуром Келвином. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захоти — ни ты, ни я — причинять Джейн беспокойство.

— Нет, — ответил Мерфи. — Нет, конечно, не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаясь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Гюнтером.

Мерфи быстро шагнул вперед, но Гюнтер не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился. Слишком уверен, что Мерфи не окажет сопротивление.

И вот еще один шаг, и Мерфи подошел к нему почти вплотную. Его кулак, как поршень, рванулся вперед. У Гюнтера отвисла челюсть и веки поползли вниз. Мерфи попал точно, куда, целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела.

Гюнтер рухнул как подкошенный. Рука с зажатым револьвером выпала из кармана. Выскользнув из ослабевших пальцев, пистолет со стуком упал на пол.

Мерфи нагнулся и поднял револьвер. От этой тупорылой уродливой вещицы веяло смертью.

Да, Гюнтер не шутил. И «Пинуилл» тоже.

«Хорошо, что я мало выпил», — подумал Мерфи.

Он повернулся и посмотрел на Гюнтера, тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Мерфи сунул пистолет в карман и направился к выходу.

Он вышел и зашагал по выложенной плитками дорожке к длинной каменной лестнице.

В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала машина.

Это ждет Кэт, понял Мерфи. Но она повернула машину не в ту сторону — не вниз по дороге, к выходу, из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что дорога сужается, и через мило-две проехать уже невозможно.

Он перескочил через последнюю ступеньку и вышел на дорогу.

Кэт сидела в машине. Мерфи открыл дверцу и скользнул на сиденье.

— Ты быстро, — обернулась к нему Кэт.

— Представилась возможность, — ответил Мерфи, и я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге.

— Надеюсь, — заметил Мерфи, — ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится.

— Не бойся, Ричард, я знаю.

Дорога впереди делала крутой поворот направо,

затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

— Держись, — бросила Кэт.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона.

Кэт осторожно вела машину по руслу, прижимаясь к скале. Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой — огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

Кэт выключила двигатель.

— Отсюда пойдем пешком? — спросил Мерфи.

— Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами. Подъедут сюда и по шуму двигателя поймут в какой мы стороне.

Далеко на дне каньона послышался гул моторов. Он быстро приближался. Заговорщики прислушались, пытаясь сосчитать по звуку автомобиля. Мерфи показалось, что их было три.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались мужские голоса.

Они сидели тихо.

Смолкли голоса, и машины двинулись обратно.

— Уехали, наконец, — сказала Кэт.

Она включила мотор, и автомобиль рванулся вверх. Дорога становилась все круче. Они уезжали все дальше и дальше от своих врагов.

А Кеш и Кольт тем временем нашли «Черный дракон» и постучали.

Дверь отворилась, и угрюмый человек молча уставился на них.

— Мы ищем Бобилина, — сказал Кольт.

Дверь оставалась неподвижной, человек ухмыльнулся.

— Нас послал Милосердный, — вмешалась Кеш.

Человек подвел их к большому китайцу, сидящему за столом и курившему длинную трубку.

— Бобилин? — окликнул его Кольт.

— А кто спрашивает? — не открывая глаз, спросил китаец.

— Милосердный.

— Милосердный? — Бобилин открыл глаза, окинул Кольта внимательным взглядом.

— Он про тебя много хорошего говорил, — покачал головой китаец. — Хороший боец, прекрасный стиль.

Молодые люди осматривали помещение. Это был обычный трактир, где собирались портовые рабочие, моряки и проститутки.

— Ждите здесь, — сказал Бобилин, тут же исчезнув.

Он прошел в комнату, где его ждал еще один боец. Он ничего не объяснял Бобилину, только сказал, что хочет заявиться на бой и драться до смертельного исхода. Но только с одним человеком. Его имя Кольт Сорок Пять.

Сейчас Бобилин пошел предупредить его, что этот человек здесь и бой начнется через пять минут.

— Все готово, — сказал китаец, заглядывая в комнату.

Пейдж удовлетворенно усмехнулся. Да, это был именно он. Дэни вычислил это место, может быть, не без помощи Милосердного, и жаждал взять реванш.

— Этот бой до смертельного исхода, — мрачно проговорил он.

Бобилин вернулся к Кольту и Кеш. Он повел их на ринг, указал на стул, дал полотенце и бутылку воды.

— Это твой тренер, — засмеялся он, указывая на Кеш.

Похлопав Кольта по плечу сказал:

— Ну-ка, давай. Хорошее представление, вот чего мы от тебя ждем.

Они остались вдвоем.

— Ну, что там со временем? — спросил он у Кеш.

— Две минуты до гонга, сорок четыре — до отхода парохода.

Кольт приступил к разминке, разогревая мышцы перед боем. Раздался гонг.

— Будь осторожен, Кольт, — поцеловал его Кеш.

— Спасибо. — он крепко обнял ее. — Начали.

— Ради любви, — пытаюсь скрыть тревогу, сказала Кеш.

Кольт обернулся.

— А что еще есть в этой жизни?

— Давай, давай, — поторопил его Бобилин.

Кольт вышел на ринг и увидел перед собой Пейджа. Он стоял, картинно расставив руки. Вдруг неожиданно резко размахнулся и нанес страшный удар в челюсть. Кольт отлетел назад, едва сумев удержаться на ногах.

Выпрямившись, он принял стойку. Пейдж сделал обманное движение, и Кольт снова пропустил удар слева.

Публика радостно кричала, Дэни улыбался, махая зрителям ручкой. Он явно недооценил противника, потому что Кольт, выправившись, резко нырнул под руку Пейджа и коротким движением ударил его под ребра. Тот переломился пополам. В следующее мгновение мелькнула нога, и ботинок врезался в сморщившуюся физиономию.

Дэни отлетел в сторону. Когда он, поднявшись бросился в атаку, прозвучал гонг. Противники разошлись по своим углам.

Эти поединки назывались «лопасти». Вряд ли кто-нибудь мог определенно ответить, почему. Может быть потому, что проходили сражения в задней части здания, между вращающимися лопастями больших вентиляторов.

Минута перерыва прошла, и противники снова сошлись на ринге. Дэни больше не играл на публику. Он понял, что перед ним не дилетант, а мастер.

Пейдж метнулся к Кольту. В ту же секунду нога Кольта врезалась ему в живот, и Дэни показалось, что его лягнула лошадь. Выпрямившись, Пейдж

попытался врезать кулаком в белое пятно, которым было лицом Кольта. Тот уклонился, и Пейдж почувствовал, как пальцы парня поймали его руку в кольцо захвата, протягивая вперед. Пол ушел из-под ног, он начал заваливаться и налетел на предусмотрительно подставленное Кольтом колено.

Публика неистовствовала. Раздавались подбадривающие крики и улюлюканье.

От удара воздух вырвался из груди Дэни с силой урагана, он попытался вдохнуть, но... раздался гонг.

Еще одна минута передышки. Дэни отполз к своему стулу. Дотянувшись до своей сумки, стоявшей на стуле, Пейдж достал зеркало. Несколько мгновений он молча смотрел на свое окровавленное лицо. Потом со злостью плюнул и отшвырнул зеркало, разбив его об пол.

Раздался сигнал к бою. Пейдж взял в руку нож, с трудом поднялся на ноги. Держа руку с ножом за спиной, он вышел на ринг.

Пейдж первым бросился вперед, размахивая ножом. Кольт успел увернуться, но по груди стало расплзаться ярко-красное пятно.

Кеш, забыв обо всем, ринулась к Кольту. Бобилин едва успел задержать ее сильной рукой. Она изготовилась оттолкнуть его, но тот, подняв над головой пачку с деньгами, произнес с усмешкой:

— Если ты выйдешь туда, я дисквалифицирую твоего Кольта, и никакой Мампасы не будет.

Кеш вернулась на место.

Из горла Кольта вырвался резкий гортанный крик. Ударом ноги он сокрушил кисть, сжимающую нож. Его пальцы впились в горло Пейджа. Он еще сопротивлялся, но очень слабо.

Кольт отбросил его прямо в лопасти огромного вентилятора. Бой окончен.

Кеш быстрым движением выхватила деньги из рук китайца, подбежала к Кольту и через заднюю дверь они покинули «Черный дракон».

Спецподразделения «Пинуилл» засекали показатели датчика как раз тогда, когда Кольт дрался с Пейджем.

Включив сирену, машины с солдатами мчались в порт. Ворвавшись в «Черный дракон», они увидели толпу возбужденных людей. Только что на их глазах один человек убил другого. В зале стоял ор, визг, смех.

— Так, сержант, — отдал приказ капитан, — разгони-ка эту гулянку.

— Слушаюсь, сэр.

«Черный дракон» был окружен. Кеш и Кольт бежали к причалу, когда им перегородили дорогу вооруженные солдаты.

Прыжок, удар, дорога свободна. Подобрал оружие, Кеш позвала Кольта:

— За мной.

Но было поздно. Дорогу преградила группа из двадцати солдат, вооруженных и готовых стрелять.

Кеш закрыла Кольта, став впереди, и приготовилась убить каждого, кто приблизится.

— Не надо, — сказал Кольт, тут же вскрикнув от боли. Они были окружены. Сзади тоже стояли солдаты.

— Я останусь с тобой, — сказала Кеш, — Они не посмеют.

— Твой дружок дешевле грязи, — проговорил капитан, целясь в Кольта. — Сдавайся, киборг, или он труп.

Кольт поднял руки. Кеш, не вытирая слез, положила автомат на землю и тоже подняла руки.

Капитан сделал шаг к ним и тут же замер на месте. В наступившей тишине послышался какой-то странный звук.

На куче металлолома что-то шевелилось. Потом скатилось вниз прямо к ногам пленников. Раздался щелчок, на экране появилось изображение. Это снова был Милосердный.

— Ты осталась рядом со своим мужчиной, Кеш, — заговорил он. — Это здорово. А ты, Кольт, потрясающе дрался. А вы — идиоты из корпорации «Пинуилл». Я вам скажу только одно... Снаряд!

Тут же раздался взрыв, потом еще один. Противники падали, как подкошенные.

Воспользовавшись замешательством, Кольт и Кеш ускользнули и со всех ног помчались к ждавшему их пароходу.

Джон Купер на ходу взял деньги, и в тот же момент пароход отчалил от берега. Кеш и Кольт были в безопасности. Они плыли туда, где никто не мог помешать их счастью.

Милосердный вступил в открытый бой с корпорацией «Пинуилл». Он вышел им навстречу с гранатометом в руках, когда еще не рассеялся дым от первого снаряда.

— Черт... — выругался капитан.

Милосердный стоял с оружием наперевес. Они заметили его.

Цепочка шла прямо на него. Он мог разобрать отдельные фигуры. Автоматы у всех наготове. Впереди — высокий в очках, должно быть, командир. У него нет автомата, только пистолет.

— Ну и ну... — сказал Милосердный. — Если хочешь обедать с дьяволом, тебе нужна ложка с очень длинной ручкой.

Огонь! Передний, в очках, тяжело падает на землю. Его спутник тоже. И еще несколько человек. Остальные бегут, падают, спотыкаются, опять поднимаются, сталкиваются друг с другом.

В двух шагах от Милосердного разрывается граната, вторая разрывается где-то за ним, далеко. Третья — слева от него.

Обстрел длится минут пять. Милосердный стоит, не пригибаясь. Капитан вскакивает и перемещается поближе к нему.

Три короткие очереди. Потом одна подлиннее. Враги снова прячутся. Они успели пробежать метров двадцать, не больше.

Снова начинается обстрел. Силы слишком не равны.

Они набросились на него впятером, заковали руки

и ноги. Один-единственный пленник будет доставлен в «Пинуилл».

Марк Дан играл в гольф. Он ждал мальчика, возвращавшегося обратно, так как за поднявшейся от ветра травой ему не было видно флажков.

Мальчик вернулся, он тяжело дышал и с трудом выговорил:

— Восемь футов от края лужайки, как раз вдоль линии лунок. Луг удобный, и цель перед вами. Чуть дальше небольшой склон.

Мальчик сделал движение рукой, показал угол наклона.

— До него сто семьдесят метров.

Вдруг Дан понял, что до сих пор он не играл по-настоящему. В гневе он лупил по мячу, вместо того, чтобы, как сейчас, осторожно загнать мяч в песчаную лунку.

Дан принял устойчивое положение и сделал два удара, оказавшихся неудачными. Потом он загнал мяч. Сначала на семьдесят метров вперед, а потом еще на сто метров, до следующего прохода.

— Проклятье, — сказал Дан. — А сначала все шло так хорошо.

Затем Дан прошел весь маршрут, закончив на семнадцатой лунке. Он удовлетворенно оглядел луг, потом сказал, придя к выводу:

— А можно было и лучше. Гораздо лучше.

В этот момент зазвонил телефон, мальчик поднес ему трубку, и Дан заспешил в институт.

Как только он вошел в кабинет, то сразу же увидел связанного противника.

— О-О, — радостно проговорил он. — Привет, Милосердный! Рад, что поспел. Ты всегда был мощным противником.

Дан прошел к своему столу и присел на край.

— Я решил дать тебе посмотреть, как я разыгрываю последнюю партию.

Милосердный молча смотрел на него. Дан встал со стола, заглянул в один ящик и достал оттуда коробочку.

— Видишь, — повернулся он к Милосердному, — это детонатор Кент. Радиус действия — две тысячи миль. Так что, к сожалению, для Кеш и Кольта медовый месяц закончился.

Милосердный по-прежнему молчал.

— Что, что? — издевательски произнес Дан. — И никакой остроты в ответ? Никакой шутки? Никакой пикировки от человека с видео ртом?

Пленник молчал. Дан повернул ручку детонатора.

— Кент и Кольт, поцелуйте друг друга в задницу на прощанье.

Внезапно раздался голос робота, охраняющего помещение:

— Детонатор активирован в комплексе! Детонатор активирован в комплексе!

Дан растерянно вертел головой.

— По-моему, целовать придется не им! — проговорил Милосердный.

Взрыв огромной силы разнес вдребезги кабинет директора и всех, кто находился в нем.

Кеш и Кольт прибыли в безопасное место через неделю. На корабле они были единственными пассажирами. После всего пережитого для них это путешествие было приятным отдыхом.

На берегу прибывших встретили жители этого острова: в прошлом такие же беглецы как и они. Среди них были и киборги и люди, в основном, ученые: программисты, математики, электроники, восставшие против системы производства киборгов и бесчеловечного использования их ради наживы. На материке им грозила смерть.

Милосердный после гибели Велмы создал этот город на далеком острове, отправляя туда на кораблях людей и все, что требовалось им для жизни. Конечно, это было нелегко и опасно. Но дело стоило того. Здесь люди и киборги обретали счастье и спокойную жизнь, в которой не было места убийствам и преследованиям.

— Добро пожаловать в нашу обитель! — приветствовал их высокий седой человек с открытой приветливой улыбкой.

Кеш и Кольт подошли к нему. Он сердечно пожал руки. Остальные тоже поздравляли их, похлопывали по плечу.

Когда первая радость улеглась, их пригласили в дом. Кеш и Кольт шли в сопровождении седовласого

и молодого парня. Все другие остались на берегу, чтобы разгрузить корабль.

В доме их усадили за стол.

— Прошу, — сказал хозяин, радушно, жестом пригласив садиться на широкие резные лавки, — угощайтесь, чем Бог послал!

На столе стояли чашки с молоком, лежали свежие фрукты, кукурузные лепешки, хлеб, сыр. Кольт с удовольствием принялся за еду, а Кеш смотрела на него нежным взглядом, полным любви.

— Вы киборг? — спросил хозяин.

— Да, — улыбнулась Кеш. — Мне доставляет удовольствие смотреть, как Кольт ест.

— А вас как зовут? — спросил он снова.

— Меня зовут Кеш.

— А меня — Питер, — представился хозяин. — А это, — он указал на юношу, — Шеп. Вот мы и познакомились. Я вам расскажу немного о нашей жизни здесь.

Вот что узнали Кеш и Кольт об этом райском острове, куда они даже не мечтали попасть.

Живущие здесь строят дома. Но не для себя. Те, кто приехал сюда раньше, уже имеют их. Они строят жилища для тех, кто еще может прибыть на остров. Для Кеш и Кольта дом уже готов, и позже Шеп ответит их туда.

Еще местные жители занимаются разведением хозяйства. Всего на острове живет двадцать пять человек. Сейчас их стало двадцать семь. Большая часть среди обитателей острова — люди. Во взаи-

моотношениях между людьми и киборгами царит дружелюбие, все стараются помогать друг другу и делать все для того, чтобы жизнь в этом уголке стала еще лучше.

Они приручили живущих здесь диких коз, собирают яйца птиц, выращивают кукурузу и пшеницу. И вообще, все, что ни увидят здесь новоприбывшие, сделано руками обитателей острова, священной Мампасы.

Кольт уже насытился и внимательно слушал Питера. Кеш рассматривала помещение: все было сделано просто и со вкусом. Предметы сделаны из дерева и украшены удивительной резьбой. Питер заметил, что Кеш любит узор и сказал:

— Резьбой по дереву здесь занимаемся мы с Шепом, он мой ученик. И это не будет хвастовством, если я скажу, что он талантливый ученик. В доме, где вы будете жить, тоже есть наша работа. А сейчас Шеп отведет вас туда.

Шеп поднялся первым и вышел наружу. Кеш и Кольт, поблагодарив Питера за сердечный прием, вышли следом.

Дом, в который привел их Шеп, оказался недалеко от дома Питера. Вообще, все дома на острове располагались не очень близко, но так, чтобы можно было видеть из окна своего дома дом соседа.

Жилые дома располагались на той части острова, где растительности было мало. Земля здесь была плотной, с красноватым оттенком. Трава на ней не росла.

Густые заросли бука и клена виднелись в нескольких километрах. За ними возвышались горы: один высокий пик и рядом с ним три приземистые коренастые вершины.

Домик, в котором поселили новеньких, был небольшим, но двухэтажным. Весь он беленький, чистенький радостно сверкал им навстречу своими окнами.

— Вот ваш дом, — распахнув дверь, Шеп пригласил Кеш и Кольта пройти внутрь.

Это было похоже на сказку. Они, онемев от счастья, нерешительно вошли.

— Я пойду, — сказал Шеп, — отдыхайте. Встретимся завтра утром. Приходите к Питеру.

Все это нужно было пережить. Счастье переполняло их. Кольт нежно обнял Кеш, и их губы слились в долгом поцелуе.

Утром, проснувшись в своей новой постели, Кеш и Кольт долго не вставали. У них было такое ощущение, словно они лежали на воздухе. Счастье, покой, солнце — и они вместе.

Постель слева отгорожена от двери тростниковой ширмой, сплошь желтой, с плавными сгибами.

Два окна — одно прямо напротив, но далеко: постель будто отталкивается изголовьем от стены и метит в него изразцовой спинкой, где в каждом изгибе переливается солнце, метит и вот тронется через всю комнату в окно, в глубокое чистое небо, по которому наискось поднимаются рыхлые, сияющие облака.

Второе окно, в правой стене, выходит на зеленоватую косую крышу: спальня на втором этаже, а это — крыша одноэтажного крыла, где столовая и кухня. Окна закрываются на ночь белыми створчатыми ставнями.

За ширмой — дверь, ведущая на лестницу, а подалее у той же стены умывальник. Слева от переднего окна — красного дерева шкаф для белья с очень тугими ящиками. Они выдвигались нехотя и со скрипом. А справа — маленький изящный диван.

Обои — белые, в голубоватых розах. Кеш, вглядываясь лепила из этих роз профиль за профилем, или странствовала глазами вверх и вниз, стараясь не задеть по пути ни одного цветка, ни одного листика, находила лазейки в узоре, проскакивала, возвращалась вспять, попав в тупик, и снова начинала бродить по светлomu лабиринту.

Она рассказала об этом Кольту, и он путешествовал вместе с ней. Это было очень забавно. Им было весело, они смеялись.

Направо от постели, между углом и боковыми окнами, висят две картины: черепаховая кошка, лакающая с блюдца молоко, и соловей, сидящий на цветущей веточке, подняв кверху клюв.

Рядом, у оконного косяка, изящное маленькое зеркальце. Есть еще картины: литография — могучий воин с открытой грудью и копьем в руке над шкафом, а над умывальником — нарисованная карандашом голова лошади, что, раздув ноздри, плывет по воде.

Все в этом доме сделано с любовью, каждая вещь, на которой останавливается взгляд, радует глаз. И от этого на душе становится еще светлее и спокойнее.

Когда Кеш и Кольт пришли к Питеру, он занимался тем, что выстругивал из куска дерева хищную птицу — ястреба, сидящего на скале и взмахнувшего крыльями.

— Очень красиво, — сказала Кеш, приветливо улыбнувшись Питеру.

— Когда она будет готова, — я подарю ее тебе, — ответил Питер, не переставая работать. — Хорошо?

— Это чудесно, — обрадовалась Кеш, — спасибо.

Питер отложил в сторону свое занятие и сказал:

— Вчера я, вкратце, рассказал вам, как идет здесь наша жизнь, а сегодня я все покажу вам. Пойдемте.

Питер провел их в то место, где строился еще один дом. Он был почти готов, его отделявали внутри.

— А где вы берете стекла и пластик для отделки? — спросил Кольт. — Неужели делаете сами?

— Нет, — ответил Питер, — Это мы сами не делаем. Милосердный, с материка присылает нам. И мы сами имеем корабль. Иногда мы выходим в море. Здесь, не очень далеко, есть страна, там на базарах мы совершаем обмен и покупки. Но это бывает очень редко. Наши потребности не столь велики. Мы ценим мир и покой, отсутствие алчности, зависти,

вражды. У нас много свободного времени, и мы посвящаем его любимым занятиям.

Потом он отвел их на лесоповал. Там киборги валили деревья, распиливали их, обрабатывали. Из этого дерева потом делались дома, мебель, посуда, украшения. Питер учил искусству резьбы всех желающих.

Кеш и Кольт видели поля, возделанные для пшеницы и кукурузы, видели диких коз, которые теперь стали домашними.

Этот мирный труд всем на острове доставлял удовольствие. Кольт же умел только драться и стрелять. Он никогда не жил на природе и сейчас решил попробовать заняться всем понемногу, пока не найдет себе дело по душе.

Через месяц к берегу Мампасы пристал еще один корабль. Он привез живущим в этом раю печальную новость о гибели Милосердного.

Капитан сошел на берег и коротко рассказал, как это случилось. Грустным и скорбным стал этот день для всех. Ведь Милосердный был им другом. Он помог им в беде и благодаря Милосердному они обрели этот рай на земле.

Кеш и Кольт вернулись в свой уютный домик. Они молча сидели в маленькой гостиной.

— Я не верю, что Милосердный умер, — оборвал тишину печальный голос Кеш.

— Я тоже не хочу верить, — вздохнул Кольт. — Но это, к сожалению, правда.

Кеш надолго задумалась, потом взглянула на Кольта и спросила:

— Кольт, а ты, ты тоже умрешь?

Кольт улыбнулся, зачем-то потрогал себя за подбородок, потом встал и подошел к Кеш.

— Конечно умру, — сказал он, обнимая девушку. — Но не сейчас.

— Я люблю тебя, Кольт, — Кеш радостно смотрела в глаза инструктора.

— И я, — просто сказал он.

На следующий день влюбленные решили погулять по острову, рассмотреть его.

Остров был довольно большим. Недалеко, за кленовой рощей, возвышался холм. За холмом тянулся лес. А еще дальше — горы, тоже покрытые лесом в некоторых местах.

В лесу было маленькое озеро.

Влюбленным нравилось здесь все.

Они любили наблюдать за океаном; часто, на закате дня, сидели они на лавочке у своего домика и смотрели на яркие краски заходящего солнца.

Кольт занимался тем, что ловил рыбу в озере. Кеш собирала в лесу цветы. Позже они посадили много деревьев возле своего дома.

Иногда они совершали долгие прогулки. Им нравилось, взобравшись на холм, стоять на его вершине.

До подножия холма они медленно шли лесом, а поднявшись, видели этот лес, широко раскинувшийся внизу, тронутый кое-где огненными красками

осени; за лесом видели маленькое блюдечко озера, с домиком на берегу и мостками для ловли рыбы.

— Как чудесно, — восторженно говорила Кеш, стоя на вершине холма.

— Да. Да. — соглашался с девушкой Кольт.

Налобовавшись прекрасным видом, они бегом спустились вниз и так же лесом возвращались домой.

Кольт готовил нехитрый ужин и съедал его на кухне. Потом они сидели в гостиной и беседовали, наслаждаясь покоем.

Однажды Кеш попросила привезти ей с материка цветы, вернее — семена. Ей очень хотелось, чтобы у нее дома росли красивые цветы, такие, как в лаборатории номер девять, где когда-то они повстречались с Кольтом. Задание было не из легких, и все-таки Кеш получила эти семена и вырастила великолепные цветы.

По утрам она выходила в свой сад, срезала несколько роз и ставила их на столе в гостиной.

Она очень любила свои цветы. И Кольта. А он — любил ее и не уставал говорить Кеш об этом.

Но время — беспощадно. Кольт уже не был тем молодым, сильным и красивым инструктором рукопашного боя. Волосы его стали седыми, он сгорбился, а лицо покрылось морщинами.

Но любящая Кеш была рядом с ним: заботлива и нежна, и даже еще больше, чем прежде.

Главное — это время.

СОДЕРЖАНИЕ

Э.В.Каннингем

СИНТИЯ 5

Кристиан Оумен

КИБОРГ 227

Редактор — В.Александров
Художник — В. Суриков
Корректор — Т.Сологуб

Подписано в печать 05.08.94 г. Формат 84×108/32.
Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2442.

Издательство «Эрика»: 115408, г.Москва, а/я 10, «ЭРИКА»

Отпечатано с оригинал-макета в ордена Трудового Красного
Знамени ПО «Детская книга» Роскомпечати. 127018, Москва,
Сушецкий вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

В СЕРИИ

ВЫШЛИ

18

КРЮК
ЛАБИРИНТ

19

ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА
ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ

20

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК II
ШЕСТЬ ДНЕЙ КОНДОРА

21

ПАЛАЧ
СМЕРТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ I, II, III

22—24

СЕГУН (часть 1, 2), (часть 3), (часть 4, 5, 6)

25

РОБОКОП II
ЖАЖДА СМЕРТИ I, II

26

ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ
ПСИХОЗ

27

ЧЕСТЬ СЕМИ ПРИЦЦИ

28

ШЕПКА
КОМА

29

В ОСАДЕ
СКАЛОЛАЗ

30

ОДИН ДОМА I, II, III
ГРЕМЛИНЫ

31

ИЛЛЮЗИЯ УБИЙСТВА I, II, III
ХИЩНИК II

32

ГОРЕЦ I, II

33

НАЗАД В БУДУЩЕЕ I, II, III
СУПЕРМЕН III

34

ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ
ИНОПЛАНЕТЯНИН
БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА

35

ПРОФЕССИОНАЛ
МАЛЬЧИКИ ИЗ БРАЗИЛИИ
НЕСКОЛЬКО ХОРОШИХ ПАРНЕЙ

36

НЕВЕЗУЧИЕ
СОСЕДКА

37

ТЮРЯГА
КОНВОЙ

38

РАЗРУШИТЕЛЬ
ДРУЗЬЯ ЭДДИ КОЙЛА

39

РОБОКОП III
БУЛЛИТ

40

МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И
ПОТАЙНОЙ ГОРОД
ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК I, II
ТЕМНЫЙ КРИСТАЛЛ

41

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА I, II, III
ГОТИКА

42

НА ЛИНИИ ОГНЯ
СЛЕПОЙ С ПИСТОЛЕТОМ

1

ЧУЖОЙ
БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ
ВСПОМНИТЬ ВСЕ

2

КОШМАР НА УЛИЦЕ ВЯЗОВ
МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

3

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ
ЧУЖОЙ-3

4

ПРИВИДЕНИЕ
ПОПУТЧИК
РЕБЕНОК РОЗМАРИ

5

РОМАН О КАМНЕ
ЖЕМЧУЖИНА НИЛА

6

РОБОКОП
ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ
ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ

7

ХИЩНИК-III
КОКОН

8

ИСКАТЕЛИ ПОТЕРЯННОГО КОВЧЕГА
ИНДИАНА ДЖОНС И ПОСЛЕДНИЙ
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

9

КОММАНДО
ЗОЛОТО МАККЕННЫ
МЫС СТРАХА

10

ЧУЖИЕ
КРЕПКИЙ ОРЕШЕК
КОНАН-ВАРВАР

11

БЭТМЭН
БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ
БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА

12

КОБРА
СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

13

ДРАКУЛА
ПЯТНИЦА, 13-Е

14

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ
КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА

15

КРАСНАЯ ЖАРА
ВОЕННЫЕ ИГРЫ
ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ

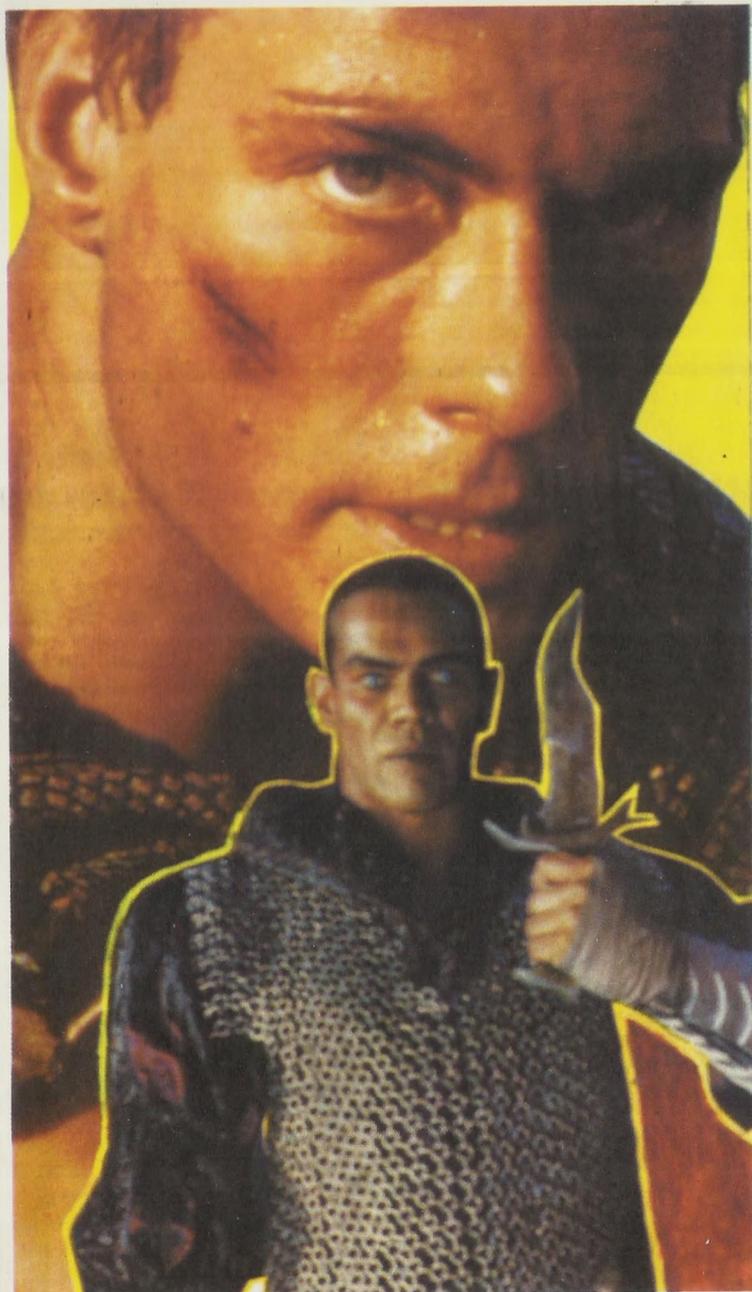
16

ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА:
МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ
КИНГ КОНГ

17

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

- 43 ГЕРОЙ
 БОННИ И КЛАЙД
- 44-45 ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ I, II
- 46-47 АМЕРИКАНСКИЙ НИНДЗЯ I, II, III, IV, V
- 48 БЕГЛЕЦ
 ТРЮКАЧ
- 49 СИНТИЯ
 КИБОРГ
- 50 СПИСОК ШИНДЛЕРА

CYBORG

КИБОРГ / СИНТИЯ

КИБОРГ / СИНТИЯ

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

БГ